7-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

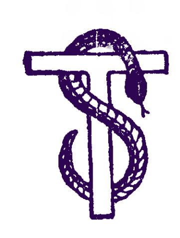
---

7 апрѣля.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адіарѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

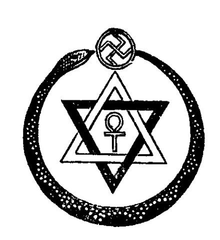
1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющихъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его—какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

7-й годъ изданія.

Вѣстникъ Теософіи

Религіозно-философско-
научный журналъ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 апрѣля.

№ 4.

С.-Петербургъ

1914

Спб. Городская Типографія, Садовая 55, уголъ Вознесенскаго.

Печ. разр. 7 ноября 1913 г. за С.-Петерб. Градон., Помощн. его, *камергеръ Лысогорскій.*

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины“ Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину“ и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати пять первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“ и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. Законы высшей жизни. № 5. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

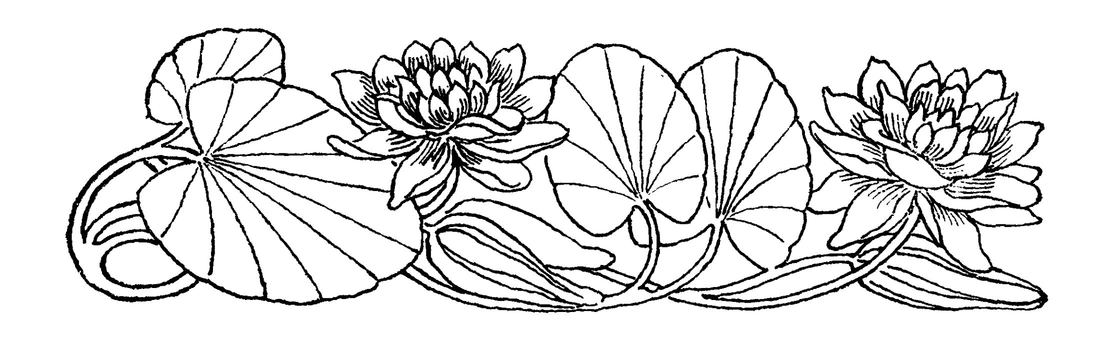
СОДЕРЖАНІЕ

апрѣльской книжки „Вѣстника Теософіи".

SOMMAIRE DU № D'AVRIL.

Pages.

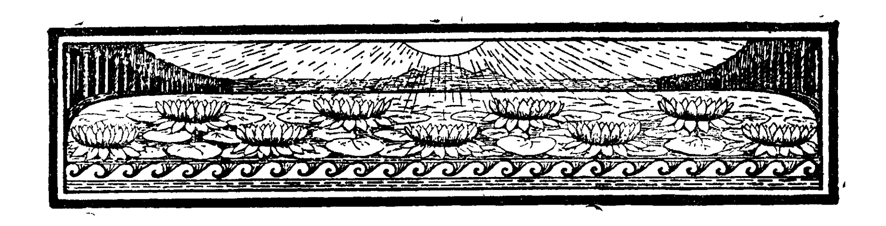
Пасхальный Привѣтъ.

Воистину Воскресе, дорогіе друзья и подписчики!

Въ моемъ лицѣ Редакція благодаритъ за всѣ привѣтствія, присланныя намъ къ Свѣтлому Празднику Христову, и выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы скорѣе насталъ день всеобщаго воскресенія духа, когда человѣкъ пойметъ, что онъ братъ всего сущаго и съ радостью и любовью начнетъ творить новую жизнь по завѣтамъ Христа.

А. Каменская.

Джордано Бруно—Апостолъ Теософіи XVI вѣка.

(Рѣчь **А. Безантъ** [1]).

Болѣе трехъ вѣковъ прошло съ тѣхъ, поръ какъ ноланецъ Джордано Бруно говорилъ въ Парижѣ въ этой самой Сорбоннѣ, гдѣ мы сегодня собрались. Здѣсь онъ излагалъ свои теоріи о безконечной вселенной, о міровой жизни, о безсмертіи, или лучше вѣчности человѣческаго духа и о героической жизни, ведущей человѣка къ совершенству.

Вернемся вверхъ съ потокомъ исторіи къ XVI вѣку.

1576 годъ. Бруно, бѣжавшій изъ тисковъ Инквизиціи, болѣе смѣло, чѣмъ разумно, отправился изъ Неаполя въ Римъ (Инквизиція пыталась его захватить въ монастырѣ, преслѣдуя за дерзкій памфлетъ, въ которомъ онъ съ насмѣшливой ироніей изобразилъ пороки монаховъ и не особенно почтительно коснулся нѣкоторыхъ догматовъ церкви).

Въ Римѣ не нашлось пріюта для грѣшнаго монаха и увидя, что та же опасность ему здѣсь угрожаетъ, онъ бѣжалъ въ Ноли, маленькій городокъ сѣверной Италіи. Снявъ монашескую рясу, онъ пытался здѣсь жить преподаваніемъ. Однако, это ему не удалось, и онъ отправился въ Женеву. Но кальвинизмъ оказался столь же негостепріимнымъ, какъ и римское католичество. Преемникъ Кальвина, Беза, былъ жестокъ какъ желѣзо, а пепелъ отъ костра, на которомъ былъ сожженъ Серветъ, еще не успѣлъ остыть. Его предупредили о грозящемъ ему арестѣ, за которымъ могла постигнуть его та же доля, и со свойственной ему ловкостью, онъ перелѣзъ городскую стѣну, такъ какъ ворота были заперты, чтобы захватить его. Онъ отправился въ Ліонъ, затѣмъ въ Тулузу, гдѣ скоро долженъ былъ зажечься костеръ Ванини, и наконецъ въ Парижъ.

---

[1]) Произнесенная въ Сорбоннѣ 15 іюня 1911 г.

Стремясь пламенно распространять свои идеи, онъ просилъ разрѣшенія Сорбонны читать лекціи. Разрѣшеніе было дано и ему предложили профессорскую каѳедру на обычныхъ условіяхъ: профессоръ Сорбонны долженъ посѣщать мессу. Но Бруно не могъ посѣщать мессу. Откровенный до рѣзкости, онъ не выносилъ лжи и неискренній поступокъ былъ для него той же низостью, какъ и лживое слово. Время было опасное, часто на улицахъ Парижа раздавался крикъ: месса или смерть! Смерть или нѣтъ—но Джордано Бруно рѣшилъ не покупать профессуры обманомъ, и потому онъ отказался отъ каѳедры[1]).

Что было дѣлать? Какъ ему принять каѳедру въ Сорбоннѣ? Король Генрихъ III былъ въ это время увлеченъ молодымъ итальянцемъ. Студенты, мало подчинявшіеся начальству, хотѣли непремѣнно слушать ноланца, такъ отличавшагося отъ обыкновеннаго профессора. Его огненное краснорѣчіе, его — то веселая, то горькая иронія, его тонкій юморъ, и въ особенности его магнетическая личность внушали имъ дикій энтузіазмъ. Надо было найти выходъ, иначе король разгнѣвается и студенты возмутятся. Создадимъ для него каѳедру экстраординарнаго профессора безъ условій — рѣшили встревоженныя власти. Это было сдѣлано и Джордано Бруно былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, ему было разрѣшено преподавать скучную и невинную систему Раймонда Люлля, систему логики и мнемоники. Казалось, его тема была довольно безопасна, но торжественныя сѣдыя бороды университета не знали своего новаго экстраординарнаго профессора, и какъ онъ умѣлъ оживить самый отвлеченный предметъ.

Воистину для него — этотъ предметъ не былъ сухимъ, но онъ былъ полонъ живыхъ возможностей и открывалъ ему широкіе горизонты. Рѣчь—не есть ли матеріализованная мысль? То, что въ умозрительномъ мірѣ есть идея — становится мыслью въ мірѣ разума и объектомъ въ мірѣ матеріи. Идея — не есть ли творецъ, а рѣчь и объектъ лишь ея созданія? Самъ Господь, восхотѣвъ создать вселенную, проявилъ себя какъ Слово и слово стало плотью.

---

[1]) Я не хотѣлъ принять—говоритъ онъ,—потому что въ этомъ городѣ правило, что лекторы должны посѣщать мессу и другія св. службы. А я всегда этого избѣгалъ, зная, что меня отлучили за то, что я оставилъ монастырь и рясу. Правда, въ Тулузѣ я читалъ, но тамъ я оставался свободнымъ, а въ Парижѣ, если бы я принялъ постъ лектора, то я оказался бы связаннымъ. (Дос. IX).

Подъ покровомъ Люлля, онъ могъ учить философіи, которою онъ дышалъ въ отцовскомъ домѣ, то была мудрость пиѳагорейской Греціи, перенесенная въ Италію.

Кто же былъ этотъ Джордано Бруно, ставшій на время предметомъ поклоненія для парижскихъ студентовъ и любимцемъ фанатичнаго и слабаго короля?

Онъ родился въ окрестностяхъ Неаполя въ маленькомъ городѣ Нолѣ подъ молніями Везувія. Когда-то этотъ городокъ былъ довольно важнымъ Этрусскимъ центромъ. Возможно, что это была греческая колонія. Его жители, смѣлый и воинственный народъ, хорошо охраняли городъ въ теченіе многихъ бурныхъ періодовъ и не разъ войско Ганнибала должно было, разбитое, отступать отъ его стѣнъ. Позже этотъ городъ былъ осажденъ готами, еще позже сарацинами. Когда родился самый извѣстный изъ его сыновъ — Джордано Бруно, онъ представлялъ изъ себя уже груду развалинъ, но надъ этими руинами сіялъ могучій образъ Пиѳагора, ибо весь округъ составлялъ часть великой Греціи. Онъ былъ центромъ греческой философіи, традиція греческой мысли и ученія Александрійской неоплатонической школы, еще жили въ немъ, и можетъ быть лежа на склонахъ Везувія, пламенный юноша грезилъ о Гипатіи; частью испуганный, частью зачарованный, онъ былъ какъ бы подъ гипнотическою властью вдохновлявшей его ея судьбы.

Филиппо Бруно, позже извѣстный какъ Джордано, питался съ самаго рожденія этой греческой философіей, и мальчикъ страстно, съ горящими глазами, слушалъ бесѣды ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, собиравшихся въ домѣ его отца. Это были горячіе поклонники философіи и идеаловъ пиѳагорейской Греціи.

Его отецъ былъ человѣкъ сильнаго, холоднаго и уравновѣшеннаго темперамента, строгій иногда до суровости, человѣкъ типа стоика, настоящій язычникъ древнихъ временъ. Нашъ философъ вспоминаетъ такой инцидентъ въ дѣтствѣ. Однажды, послѣ ужина, одинъ изъ сосѣдей развеселился и воскликнулъ: „Никогда я не чувствовалъ себя такимъ веселымъ какъ сейчасъ!“ Отецъ сурово отвѣтилъ: „Никогда ты не былъ такимъ дуракомъ какъ сейчасъ“ [1]).

Его мать была кроткая, благочестивая, застѣнчивая и интеллектуально нѣсколько ограниченная. Она нѣжно любила своего сына и единственной надеждой ея и молитвою было то, чтобы онъ сталъ монахомъ.

---

1) Gli Eroici Furori, part. I dial. ii.

Отъ этого страннаго союза столь противоположныхъ темпераментовъ родился этотъ огненный духъ, этотъ странствующій рыцарь философіи, пламенная душа, тонкій и гордый духъ, вдохновенный ораторъ, дерзкій писатель, временами увлекающійся потокомъ собственнаго рокового краснорѣчія—таковъ былъ тотъ, котораго Гегель назвалъ кометою, пролетѣвшей въ Европѣ, и о которомъ Бюрнуфъ говоритъ какъ о „сверкающей искрѣ огненной жизни".

Молитва матери его была исполнена. Филиппо Бруно едва минуло 15 лѣтъ, когда онъ, воспитанный на мысли Пиѳагора, Плотина, Порфирія, Прокла и Ямблиха, вступилъ въ Доминиканскій монастырь. Его старшіе были увлечены его необыкновеннымъ, преждевременно развернувшимся интеллектомъ и, надѣясь, что онъ прославитъ ихъ монастырь, назвали его Джордано, по имени преемника святого Доминика. Такъ легко вступилъ юноша на дорогу, приведшую его сперва въ Доминиканскій монастырь, а позже, черезъ многочисленныя пропасти и кручи, къ „Площади цвѣтовъ" въ Римѣ.

Бѣдная мать, мечтавшая въ своемъ мирномъ ноландскомъ домѣ о благочестивой будущности своего сына, о святыхъ проповѣдяхъ передъ благоговѣйною толпою: мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться! Бѣдное, кроткое, простое сердце съ узкими горизонтами, какъ будто домашняя птица снесла орлиное яйцо и безпомощно смотрѣла на юнаго орленка, котораго она высидѣла подъ своими крыльями и который, ставъ сильнымъ, взлетѣлъ ввысь, прямо къ солнцу. Она мечтала о святомъ и родила героя. Она грезила о монахѣ, а сынъ ея сталъ еретикомъ и мученикомъ.

Воистину жестока была судьба матери, но великолѣпна была доля сына, ибо красный отблескъ похороннаго костра Бруно былъ розовой зарею современной мысли въ Европѣ (сравненіе Бартолмесса).

Чтобы понять Бруно, понять всю силу страсти, съ которою онъ несъ свою вѣсть, мы должны себѣ представить, какъ ярко блеснулъ свѣтъ, озарившій ослѣпленныя очи Европы, какіе безпредѣльные горизонты этотъ свѣтъ ей открылъ въ то время. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, въ мірѣ мысли царила еврейская космологія, и Аристотель былъ авторитетомъ во всѣхъ наукахъ, излюбленнымъ сыномъ христіанской церкви, тираннически владѣвшій какъ Римомъ, такъ и Женевой. Усумниться въ Аристотелѣ было равно опасно, какъ усумниться въ каноническихъ

писаніяхъ. Это было ересью, а ересь означала смерть. По этому ученію земля была неподвижна, она составляла центръ вселенной. На этой землѣ и ради нея Богъ страдалъ и умеръ и отъ нея Онъ вознесся видимо къ неподвижнымъ небесамъ. Все было сотворено изъ ничего, ради одного только человѣка, ради него солнце двигалось среди тучъ и серебристая луна и миріады звѣздъ были созданы для него. За этими звѣздами, державшими какъ золотые гвозди лазурный сводъ небосклона — висѣли неподвижныя небеса, Престолъ Бога, обитель святыхъ и ангеловъ. Высоко надъ нашими головами насъ ждало небо со своимъ блаженствомъ; внизу подъ ногами—адъ со своими муками. *Вселенная — конечна, мала, ограничена, скована видимыми горизонтами.*

Нѣтъ — восклицала бунтующая мысль — земля вращается вокругъ солнца, она есть одинъ изъ миріадовъ міровъ и эти міры вращаются съ нею вокругъ него. Небосклона нѣтъ — есть лишь пространство, пространство надъ нами, подъ нами, вокругъ насъ и всюду, и въ пространствѣ этомъ милліонъ міровъ, населенныхъ какъ нашъ міръ. Гдѣ небо и адъ — неизвѣстно, но есть во вселенной мѣсто для всего. *Вселенная — безконечна, обширна, безгранична, она обнимаетъ безпредѣльное пространство.*

Таковъ былъ поразительный антитезисъ, крикъ пробужденной науки, раздававшійся тогда съ торжествомъ, заглушая протесты слѣпой вѣры.

Мы, съ дѣтства привыкшіе къ мысли о безграничной вселенной, можемъ съ трудомъ представить, какой переворотъ и ужасъ должны были произвести въ умахъ людей эти новыя теоріи, вдругъ превратившія нашъ неподвижный міръ въ шаръ, странствующій въ безконечномъ пространствѣ, въ какой-то безднѣ небытія, казалось. Человѣкъ почувствовалъ себя разбитымъ природой, всегда бывшей раньше его слугою, созданною для его нуждъ и вдругъ выросшей въ нѣчто гигантское, потрясающее и грозное, въ то время какъ онъ превратился въ ничтожнаго пигмея. Онъ былъ потрясенъ, какъ ребенокъ, который, увидя въ сумеркахъ измѣненіе знакомаго предмета во что-то неясное и страшное, бѣжитъ за защитой къ своей матери и прячетъ лицо свое на ея груди; такъ человѣкъ, ослѣпленный новыми горизонтами, раскрывшимися передъ нимъ, въ паническомъ ужасѣ бросился въ объятія своей матери Церкви, ища ея защиты и укрываясь въ ея вѣрѣ.

За 5 лѣтъ до рожденія Бруно, Коперникъ далъ міру свою революціонную книгу, написанную на смертномъ ложѣ. Онъ воскресилъ древнюю науку, науку мистерій, противъ которой возсталъ Аристотель. Подобно Пиѳагору, онъ училъ, что солнце неподвижно, а земля вращается вокругъ него. Эти идеи были врожденныя для Бруно, ибо онѣ явились какъ плодъ многихъ жизней, въ теченіе которыхъ онъ зналъ великое существо, которое было воплощено въ Пиѳагорѣ. Какъ только онъ прикоснулся къ ученію Коперника, эти врожденныя идеи въ немъ нашли пламенное выраженіе.

Было воистину тяжелое время. Кризисъ религіи и науки былъ роковымъ для обѣихъ, ибо одну онъ увлекъ на путь суевѣрія, а другую на путь скептицизма. Новыя идеи казались угрозой для самой жизни человѣчества. Со всѣхъ сторонъ раздавался крикъ: „Какъ, человѣкъ, царь творенія, есть лишь ничтожный пигмей, атомъ или песчинка въ пустынѣ безконечной вселенной?“ Казалось, идеи эти разрушали достоинство, величіе и нравственную высоту души человѣка. Все заколебалось и рушилось у ногъ пораженной и потрясенной церкви. Истинная интуиція заставила церковь стать въ оппозицію къ измѣнившейся наукѣ, и хотя методы ея борьбы были ужасны, но она вѣрно предчувствовала всѣ опасности, которыя принесла съ собою для вѣры новая астрономія. Не важно было измѣненіе отношеній между человѣкомъ и солнцемъ, но важно измѣненіе отношеній между человѣкомъ и Богомъ, ибо жертва Христа изъ любви къ человѣку, Его побѣда надъ смертью и торжествующее вознесеніе на небо имѣло огромное значеніе, являясь гарантіей безсмертія человѣка.

Съ другой стороны Бруно смотрѣлъ на проблему, вставшую передъ XVI вѣкомъ со стороны отношеній между Богомъ, безконечной вселенной и человѣкомъ. Въ свою очередь, онъ восклицалъ съ торжествомъ и радостью, казавшимися дьявольскими для встревоженной церкви: „Да, да, земля съ своими обитателями вращается и движется въ пространствѣ, міры безчисленны, вселенная безгранична. Жизнь воплощается всюду въ формахъ. Всюду жизнь и всюду она творитъ живыя существа. Эта всемірная, вездѣсущая, безконечная жизнь есть Вселенское Существо, которое люди называютъ Богомъ. Всюду населенные міры, всюду живыя существа, жизнь можетъ лишь дезинтегрировать тѣло, она не можетъ разрушить жизнь. Тѣло цѣнно постольку, поскольку оно является орудіемъ для божественной жизни, для жизни бла-

городной, любящей, героической, достойной стать частью всемірной, Божественной Жизни. Истинныя бѣдствія въ жизни — это страхъ, ложь и низость. Безчестіе хуже смерти, ибо оно позоритъ жизнь, тогда какъ смерть разрушаетъ форму".

Такова была новая моральная основа той новой мысли, которую Бруно предлагалъ христіанству, съ нѣкоторой наивностью ожидая сочувствія: имманентность Бога, вселенская жизнь, обоготворяющая все, вѣчность духа, являющагося частью вселенской жизни — на этихъ двухъ естественныхъ и неопровержимыхъ фактахъ онъ строилъ культъ правды, добра и красоты, героическую жизнь, посредствомъ которой отдѣльная жизнь могла стать достойной—вселенской.

Таковъ былъ тезисъ, защищаемый Джордано Бруно во всѣхъ странахъ Европы, во всѣхъ университетахъ, открывшихъ ему свои двери, во всѣхъ центрахъ мысли. Это міровоззрѣніе воспламенило его краснорѣчіе, для него наука не была сухимъ и безплоднымъ перечнемъ категорій, это была религія плодоносная и вдохновенная.

Онъ любилъ науку, онъ проповѣдывалъ науку съ пламеннымъ, непередаваемымъ энтузіазмомъ, онъ былъ ея апостоломъ, ея преданнымъ защитникомъ, и онъ сталъ ея мученикомъ. Для него наука означала оккультизмъ, изученіе Божественнаго разума въ природѣ, Божественныхъ вещей, воплощенныхъ въ матеріальныхъ предметахъ. Изучая эти предметы, можно было прочитать слово Природы и проникнуть въ мысль Бога.

Но христіанство отказалось признать его миссію. Если бы оно приняло ее, то не было бы того горькаго конфликта между религіей и наукой, который длился отъ XVI до XIX вѣка. Церковь заключила Посланника въ темницу, она сожгла его тѣло и разсѣяла его пепелъ по вѣтрамъ, которые разнесли его по Европѣ, какъ сѣмена истины. Но тезисъ, отринутый XVI вѣкомъ, горячо принимается въ XX вѣкѣ. Колокольнымъ звономъ разносится по современной Европѣ вѣсть, заглушенная дымомъ его костра и властно раздаются предсмертныя его слова:

„Умѣть умереть въ одномъ столѣтіи—значитъ жить во всѣхъ грядущихъ вѣкахъ" [1]).

---

[1]) Для избранниковъ небесъ—величайшія страданія превращаются въ большія блага, ибо вызываютъ труды и изученіе, которые приводятъ почти всегда къ славѣ безсмертной красоты. (Tansilio)

„И смерть въ одномъ столѣтіи приноситъ жизнь всѣмъ остальнымъ вѣкамъ" (Gli Heroici Furori I, dial. II).

Тщетно запрещалъ Ватиканъ его книги. Его мысли проложили себѣ путь къ безсмертію и распространяются въ современномъ мірѣ. Они именуются—Теософія.

Три сочиненія Джордано Бруно имѣютъ особый для насъ интересъ. Это тѣ, которыя онъ назвалъ „Столпы моей системы, фундаментъ зданія нашей философіи". Первыя два—чисто философскія—сочиненія называются „De la Causa Principia e Uno" и „Del Infinito, Universo e Mondi". Третье содержитъ также много философіи, но трактуетъ вдохновеннымъ образомъ о человѣческой жизни. Это—„Degli Heroici Furori"—содержащее примѣненіе его философіи къ жизни и описаніе его идеала.

Если земля не есть неподвижное тѣло въ центрѣ конечной вселенной, то согласно философіи Бруно - вселенная не имѣетъ ни центра, ни границъ, и Безконечное уже осуществлено въ видимомъ мірозданіи во времени и пространствѣ. Отсюда необусловленная совокупность существъ составляетъ безграничное единство, рожденное и поддерживаемое первоначальнымъ единствомъ вселенской жизни—Причиною причинъ.

Это значитъ, что единство жизни есть основа человѣчества, а имманентность Бога есть базисъ для солидарности людей...

Развитіе этихъ мыслей иногда неясно въ его книгахъ, но основныя его положенія всегда ясны: единое Бытіе, Безграничное, разумное, вселенское Сознаніе. Это Бытіе есть все, безъ исключенія. Въ немъ—все имѣетъ свое Бытіе, и не только нынѣ существующая вселенная, но и возможности всѣхъ вселенныхъ грядущихъ. Это Бытіе содержитъ все. Все изъ него исходитъ и къ нему возвращается.

Бруно любилъ приводить слова Апостола Павла: воистину, вѣрно было сказано, что въ немъ мы живемъ, движемся и имѣемъ наше бытіе. Тѣмъ не менѣе его сожгли какъ атеиста.

Единое Бытіе проявляется въ трехъ vпостасяхъ или модусахъ.

(I) Первый есть *Мысль*. Мысль есть субстанція вселенной. Джордано учитъ, что актъ божественной мысли есть субстанція всѣхъ вещей, корень -- основа всѣхъ отдѣльныхъ существъ. Такимъ образомъ, его философія напоминаетъ ученіе Веданты, которое ему было очевидно знакомо по прежнимъ воплощеніямъ, что вселенная есть только мысль Бога и что внѣ этой Единой Реальности, всемірнаго Я-- все остальное не реально.

(II) и (III). Въ мысли-субстанціи суть два элемента: *Духъ* и *Матерія*, составляющія 2-ю и 3-ю Vпостаси вселенскаго бытія. Духъ является положительнымъ или формующимъ элементомъ,

который всему даетъ и содержаніе, и образъ. Матерія есть отрицательный или воспринимающій элементъ, который становится всѣмъ. Опять появляется индусская мысль, выраженная въ школѣ Санкья, но съ однимъ отличіемъ: въ философіи Бруно — Духъ и Матерія всегда сочетаются и вселенная состоитъ изъ нихъ. Они—противоположны, но всегда связаны и вмѣстѣ составляютъ природу—тѣнь Бога [1]).

Въ школѣ Санкья—напротивъ: Духъ (Пуруша) существуетъ самъ по себѣ, пребывая отдѣльно какъ свидѣтель, какъ зритель, и отражаясь въ матеріи какъ энергія, воздѣйствуя на матерію, какъ магнитъ воздѣйствуетъ на частицы желѣза: энергія и матерія являются родителями формы. Здѣсь легко узнать ученіе великаго германскаго біолога Эрнеста Геккеля, являющагося безсознательнымъ послѣдователемъ философіи Санкья — въ утвержденіи, что сила и матерія создаютъ вселенную. Но для Бруно духъ не только свидѣтель, но постоянный агентъ, строитель каждой формы, единая творческая энергія: „Пусть это будетъ самая малая вещь, но она содержитъ частицу духовной субстанціи, которая, найдя подходящія условія, превращается въ растеніе или животное, принимая члены всякаго рода тѣла, называемаго живымъ, ибо духъ находится всюду и нѣтъ такой малой частицы, которая бы не имѣла въ себѣ самой души“ (Della Causa Principia e Uno, dial. 2).

Второй элементъ Матерія—пассивенъ. Бруно учитъ, что матерія едина, какъ и духъ единъ. Прибѣгая къ аналогіи, онъ указываетъ на токаря: для работы своей онъ имѣетъ одинъ матеріалъ—дерево, но благодаря своему искусству, онъ производитъ самые различные формы и предметы, которые не вытекаютъ изъ природы самого дерева. Такъ и формующій принципъ — Духъ, отраженіемъ котораго является искусство, нуждается въ извѣстномъ матеріалѣ, матеріи для своего воздѣйствія, ибо нельзя производить что-нибудь изъ ничего, но матерія, надъ которой работаетъ Духъ, не можетъ быть воспринята чувствами нашими, какъ матеріалъ, надъ которымъ работаетъ искусство. Она воспринимается только разумомъ. Чувства же воспринимаютъ формы, въ которыя ее слѣпилъ духъ. Всѣ естественныя формы происходятъ отъ матеріи и возвращаются къ ней.

---

[1]) Рожденіе, ростъ и совершенство всего, что мы видимъ, является отъ противоположности и въ противоположностяхъ: тамъ, гдѣ противоположность, тамъ также—дѣйствіе и противодѣйствіе, т. е. движеніе и разнообразіе во всѣхъ ихъ ступеняхъ и чередованіяхъ (Spaccio della Bestia Trionfante). Вспоминается невольно индусская игра противоположностей.

Зерно становится травою, потомъ пшеницей, затѣмъ хлѣбомъ, кровью, сѣменемъ, зародышемъ, человѣкомъ, трупомъ, потомъ снова землею, камнемъ или чѣмъ нибудь другимъ, и такъ — въ безконечныхъ превращеніяхъ. Въ теченіе всѣхъ этихъ измѣненій должно быть нѣчто, что измѣняется во всѣхъ этихъ различныхъ предметахъ и все же остается однимъ и тѣмъ же. Слѣдовательно, матерія постоянна, и одна имѣетъ право называться принципомъ. То, что есть, что существуетъ, что тождественно во всѣхъ существахъ—есть матерія. Слѣдовательно, матерію нужно разсматривать какъ нѣчто единое, что производитъ все тѣло[1]).

„Познаніе Единаго есть цѣль каждой философіи". „Тѣла суть истинные объекты знанія". Это—два прекрасныхъ опредѣленія философіи и науки. Философія есть познаніе единства посредствомъ разума, независимо отъ многочисленности предметовъ; наука есть наблюденіе предметовъ посредствомъ чувствъ. Только тотъ, кто позналъ единство, есть философъ. „Такого человѣка—говоритъ Платонъ—я считаю Богомъ".

Положительный элементъ—Духъ—есть душа всѣхъ обособленныхъ существъ, душа каждаго предмета. Это также важный пунктъ въ философіи Бруно. Вселенскій духъ индивидуализируется въ каждомъ тѣлѣ какъ его душа.

Поэтому—говоритъ онъ—душа есть причина гармоніи тѣлъ, а не результатъ ея. Въ этомъ кроется существенная разница между спиритуалистической и матеріалистической философіей.

Матеріализмъ утверждаетъ, что молекулярное расположеніе матеріи есть причина разумной жизни, что жизнь и мысль зависятъ отъ этого расположенія. Спиритуальная философія утверждаетъ, что жизнь есть созидающій принципъ и что его усилія проявить себя опредѣляютъ различныя сочетанія молекулъ, создавая такимъ образомъ тѣлесные органы для различныхъ функцій жизни.

Въ первомъ случаѣ—матерія все производитъ.

Во второмъ—жизнь царитъ надъ матеріей и пользуется ею для своихъ собственныхъ нуждъ.

Для Джордано Бруно оба элемента вѣчны: матерія, которая производитъ чередующійся рядъ тѣлъ, и духъ, который индивидуализируется какъ душа. Черезъ многія воплощенія душа развивается въ тѣлахъ, которыя становятся все болѣе сложными и совершенными. Совершенство души есть цѣль прогресса, такъ какъ жизнь души есть жизнь человѣка. Грѣхъ заключается въ отрицаніи, въ отсутствіи добра.

[1]) Вотъ резюме ученій Бруно о матеріи (De la Causa, Principia et Uno dial. III).

Что касается смерти, то она совсѣмъ не важный фактъ, ибо тѣло постоянно измѣняется, а каждая перемѣна есть маленькая смерть.

Нѣтъ смерти ни для насъ, ни для какой бы то ни было субстанціи.

По существу—ничто не уменьшается, но внѣшне видоизмѣняется, совершая свой путь въ безконечномъ пространствѣ. Такъ какъ мы подчинены совершеннѣйшему закону, мы не можемъ и не смѣемъ иначе думать, какъ—что все исходитъ изъ блага, что все—благо, стремится къ благу и завершается во благѣ[1]).

Чтобы выяснить, что его философія имѣетъ сильную моральную базу, Джордано Бруно объясняетъ составъ человѣка. Человѣкъ состоитъ изъ трехъ принциповъ, отражающихъ 3 Vпостаси или модуса проявленія Бога во вселенной. Человѣкъ думаетъ и потому участвуетъ въ Божественной Субстанціи, которая есть Мысль. Это есть высочайшая часть человѣка, зародышъ божественнаго въ немъ. Человѣкъ чувствуетъ и хочетъ: онъ отражаетъ божественную волю или духъ—формующій элементъ. Духъ индивидуализируется какъ душа, которая составляетъ въ человѣкѣ положительный элементъ. Частица мірового положительнаго элемента, вселенскаго духа, посредствомъ своихъ высшихъ способностей, душа можетъ соединиться съ мыслью или разумомъ. Посредствомъ низшихъ своихъ способностей — она соединяется со своимъ созданіемъ — тѣломъ. Эта номенклатура не должна насъ смущать. То, что Бруно называетъ мыслью, мы называемъ духомъ, а духомъ онъ называетъ вселенскую жизнь, которая, вливаясь въ человѣка, становится его душою. Поэтому его троица не духъ, душа и тѣло, а мысль, душа и тѣло. Онъ говоритъ, что душа должна стремиться вверхъ, къ Мысли. Мы бы сказали, что душа должна стремиться къ Духу. Идея та же, но названія разныя.

Тѣло есть орудіе человѣка для дѣйствія. Человѣкъ дѣйствуетъ, т. е. онъ проявляетъ положительное начало энергіи, пользуясь отрицательнымъ началомъ матеріи. Поэтому тѣло можетъ разсматриваться какъ третій принципъ человѣка.

Но мы должны помнить настоящее мѣсто тѣла: душа не находится въ тѣлѣ въ пространственномъ смыслѣ, но лишь какъ сила, извнутри и извнѣ оформливающая члены и общій обликъ. Поэтому — тѣло пребываетъ въ душѣ, душа въ Мысли, а Мысль

[1]) De l'Infinito, Universo e Mondi. pr. erist.

есть или Богъ или въ Богѣ, какъ сказалъ Плотинъ [1]); итакъ, по ученiю Бруно, истинный и первоначальный образъ человѣка божественъ. Если онъ сознаетъ свою божественность, онъ можетъ обрѣсти снова свой первоначальный образъ и подняться до высочайшаго неба. Познавъ свою сокровенную природу, человѣкъ можетъ снова стать божественнымъ.

Церковь говорила человѣку: ты злой, испорченный, зарожденный и рожденный въ грѣхѣ, на тебѣ гнѣвъ Божiй, и спасти тебя можетъ лишь божественная милость.

Бруно сказалъ человѣку: ты божественъ, по существу своему ты чистъ и добръ, постигни свою собственную природу и начни подниматься до тѣхъ поръ, пока ты станешь способнымъ проявить Бога, всегда пребывающаго въ твоемъ сердцѣ.

Но какъ долженъ человѣкъ подниматься? Посредствомъ своей воли, которая должна быть устремлена на мысль и которая должна стать хранителемъ и господиномъ.

Онъ сравниваетъ человѣка съ кораблемъ: человѣческая воля—капитанъ на этомъ кораблѣ, а разумъ его руль. „Капитанъ—говоритъ онъ—созываетъ трубнымъ звукомъ, т. е. твердымъ рѣшенiемъ, всѣхъ воиновъ, т. е. всѣ силы (именуемыя воинами потому, что онѣ находятся въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ) или ихъ дѣйствiя (это—разбѣгающiяся мысли, мечущiяся по сторонамъ), и онъ стремится ихъ объединить подъ флагомъ опредѣленной цѣли. Нѣкоторыя изъ нихъ не отзываются (главнымъ образомъ силы низшей природы), повинуются слабо или совсѣмъ не повинуются. Тѣмъ не менѣе его усилiя ихъ направить и его осужденiе неправильныхъ ихъ дѣйствiй убиваетъ и изгоняетъ все нежелательное, причемъ съ одними онъ сражается мечомъ гнѣва, а съ другими—бичомъ злой насмѣшки“ [2]).

Но нуженъ нѣкiй стимулъ для веденiя героической, а не чувственной жизни. Что можетъ стать такимъ стимуломъ? Это—любовь къ правдѣ и красотѣ. „Герой энтузiастъ, поднимаясь черезъ постигнутую имъ божественную красоту и добро на крыльяхъ разума и разумной воли, преображается до божественности, скидывая образъ низшаго существа“.

Душа, любящая объекты чувствъ, привязываетъ себя этою любовью къ тѣлу. Но душа, любящая красоту, добро, истину—возсоединяется этимъ со своимъ сокровеннымъ Богомъ. Ученiе

---

[1]) Degli Heroici Furori.

[2]) Degli Heroici Furori, pars I, dial. 1.

Бруно лишено угрозъ. Онъ стремится привлечь и одушевить, а не встревожить. Для него — божество такъ неизреченно желанно, что ему кажется, что Бога нужно лишь увидѣть, чтобы возлюбить. Его пламенная, страстная душа возносится ввысь, пренебрегая наслажденіями низшаго міра. Для него нѣтъ ада, кромѣ ада паденія души.

„Душа — говоритъ онъ — можетъ и падать и подниматься. Стремленія души показываютъ, поднимается ли она къ божественному, или опускается къ животному. Стоя между ангеломъ и звѣремъ и возложивъ руку на каждаго изъ нихъ, душа должна выбрать себѣ спутника. Если тянутъ чувственныя удовольствія, то любовь спускается къ землѣ. Если ее воодушевляютъ благородныя стремленія, то она поднимается въ небеса.

„Стремясь къ божественной красотѣ, душа пренебрегаетъ обыденными вещами и отходитъ отъ общихъ сужденій... Если она стремится къ высокому, то она ищетъ по возможности единства, собираясь въ себѣ самой, чтобы не быть подобной многимъ, потому что они многочисленны, и чтобы не быть враждебной многимъ, потому что они иные. Она стремится по возможности въ обоихъ случаяхъ сохранить хорошее, но она должна всегда выбирать то, что ей кажется лучшимъ... Поэтому душа, стремящаяся къ высокому, прежде всего перестаетъ заботиться о толпѣ, постигая, что трудиться стоитъ лишь тамъ, гдѣ есть нѣчто разумное, и даже не просто разумное, но гдѣ пребываетъ главное и единственное и важнѣйшее, что есть въ разумѣ... Надо уйти въ сокровенную часть себя, помня, что Богъ близко, въ насъ самихъ и съ нами, ближе, чѣмъ мы можемъ быть къ себѣ близки, ибо Онъ душа душъ, жизнь жизней, сущность сущностей; помня также, что всѣ звѣзды, что мы видимъ и вверху, и внизу, и вокругъ насъ, (можно выразиться и такъ) суть тѣла, подобныя нашему земному шару, и въ нихъ пребываетъ столько же и не меньше божественнаго, чѣмъ на нашемъ шарѣ и въ насъ самихъ“ [1]).

Такъ говоритъ Бруно человѣку. Путемъ любви и созерцанія божественной красоты и блага—душа воспламеняется и человѣкъ становится героичнымъ и ведетъ жизнь, достойную того, кто возлюбилъ красоту. Въ этомъ созерцаніи реальной и вѣчной красоты теряется вкусъ къ низшимъ предметамъ. Тотъ, кто такъ возлюбилъ красоту, добро и правду, будетъ такъ жить, что оставаясь въ тѣлѣ, онъ лучшей своей частью будетъ внѣ тѣла, сливаясь

---

1) Degli Heroici Furori, p. I, d. 1.

неразрывнымъ таинствомъ съ божественными вещами. Въ такомъ состояніи онъ уже не чувствуетъ любви или ненависти къ земному, ибо онъ пересталъ быть слугою и рабомъ своего тѣла. Онъ смотритъ на тѣло свое, лишь какъ на тюрьму, ограничивающую его свободу, какъ на цѣпи, сковывающія его крылья и руки, какъ на гири, висящія на его ногахъ, какъ на покрывало, затемняющее его зрѣніе. Онъ рѣшилъ не быть рабомъ, плѣнникомъ, закованнымъ и бездѣятельнымъ слѣпцомъ, ибо тѣло его не можетъ болѣе имъ повелѣвать, онъ знаетъ, что духъ царитъ надъ тѣломъ, также какъ весь тѣлесный міръ и матерія подчинены Божеству и Природѣ. Такъ онъ станетъ сильнымъ противъ судьбы, величественнымъ среди испытаній, безстрашнымъ среди нужды, болѣзней и гоненій [1]).

Такова героическая жизнь, нарисованная Джордано Бруно. Можетъ ли кто нибудь передъ лицомъ огня, сожегшаго его заживо—дерзнуть сказать, что онъ самъ не стремился такъ жить?

Является возраженіе. Не всѣ могутъ быть героями, что же будетъ съ тѣми, кто не можетъ подняться къ такимъ славнымъ высотамъ? Неужели для нихъ нѣтъ слова ободренія?

О да, лавровый вѣнокъ героизма—не только для чела сильныхъ, безстрашныхъ, и тотъ уже герой, кто стремится, хотя въ стремленіи онъ, можетъ быть, и падаетъ.

„Достаточно, чтобы каждый бѣжалъ впередъ и чтобы онъ дѣлалъ, что можетъ. Для героической души легче пасть достойно въ борьбѣ за великое дѣло (достоинство духа выявляется при этомъ)—чѣмъ достичь совершенства въ вещахъ менѣе благородныхъ, въ вещахъ обыденныхъ".

Такъ училъ Джордано Бруно.

То, что я стремлюсь сегодня передать, обращено не только къ индивидуумамъ, но и къ націямъ, ибо у націй, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть душа. Для націй, какъ и для индивида—мысль есть орудіе прогресса. И для того и для другого усиліе осуществить высокій идеалъ преображаетъ жизнь въ нѣчто великое и героическое. Какъ и лица, націи должны произвести выборъ между животнымъ и Богомъ. Выборъ зависитъ отъ насъ, мы можемъ или валяться въ грязи, унижая себя до уровня звѣря, или мы можемъ шагъ за шагомъ подниматься къ тѣмъ дивнымъ высотамъ, на которыхъ проявляется идеалъ вѣчный.

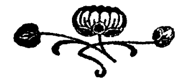
---

[1]) Degli Heroici Furori, pars I, d. 1.

Въ нашихъ рукахъ наша судьба. А судьба зависитъ отъ того — будемъ ли мы господами или рабами своего тѣла. Тѣло есть великолѣпное орудіе, но оно должно оставаться орудіемъ и не становиться тираномъ.

Будьте же рабами или господами, выбирайте для себя и для своей націи. Франція въ сердцѣ своемъ идеалистична, недаромъ она была знаменосцемъ многихъ великихъ идей въ Европѣ. Но за послѣдніе годы она забыла свое первородство, она спустилась въ погреба и подвалы, купалась въ грязи и воспѣвала призраки, увѣряя, что это—произведеніе искусства. Теперь она просыпается послѣ давившаго ее кошмара и начинаетъ понимать какъ прежде, что божественна красота, а не безобразіе, что поднять можетъ лишь чистота, а не порокъ. Истинное искусство всегда видитъ прекрасное. Какъ для человѣка, такъ и для народа, прогрессъ рождается въ сіяніи солнца, а не во муракѣ подвала. Вверхъ поднимается путь къ Богу, внизъ спускается тропа къ звѣрю. Выбирайте, передъ вами открыты всѣ пути, и отъ вашего выбора зависитъ судьба грядущаго.

Пер. **Alba**.

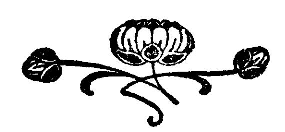
Еванг. отъ Іоанна 10 гл., 14. Я есмь пастырь добрый и знаю Моихъ и Мои знаютъ Меня.

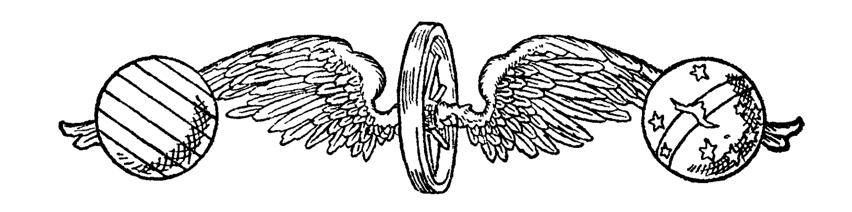
15. Какъ Отецъ знаетъ Меня, такъ и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овецъ.

16. Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора, и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь.

17. Посему любитъ меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее;

18. Никто не отниметъ ея у Меня, но Я Самъ отдаю ее: имѣю власть отдать не и власть имѣю опять принять ее; сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего.

Строеніе Космоса.

Лекціи **А. Безантъ.**

*(Продолженіе *).*

Но какова цѣль Хатха-Іоги?

Хатха-Іога пробуждаетъ астральное тѣло и приводитъ въ колебаніе астральные центры; при этомъ можно достичь поразительныхъ результатовъ во внѣшней области. Но достигать этого вредно, такъ какъ возбужденіе физическихъ и астральныхъ центровъ, идя снизу и не сопровождаясь соотвѣтствующими возбужденіями Ума и Духа, скоро достигаетъ своего предѣла. Такое возбужденіе искусственно, оно не развивается нормально и постепенно, а для того, чтобы результаты, достигаемые имъ, передавались изъ одной жизни въ другую, оно необходимо должно исходить изъ высшей области. Упражненія Хатха-Іоги, происходящія въ сферѣ низшей, даютъ тѣ же результаты, что и гипнотизмъ, при которомъ подавленіе внѣшнихъ чувствъ можетъ повести къ ихъ атрофіи и полному парализованію.

Долгія упражненія Хатха-Іоги дѣлаютъ невозможными занятіе Раджа-Іогой въ томъ же воплощеніи. Поэтому говорятъ, что Раджа-Іогу нужно постигать, когда разочаруешься въ Хатха-Іогѣ. Это не значитъ, что не слѣдуетъ дѣлать физическихъ упражненій, и что не слѣдуетъ въ концѣ концовъ развить въ себѣ эти психическія силы, но онѣ должны явиться какъ естественный результатъ эволюціи духа, а не искусственнаго возбужденія сперва физическаго, а потомъ и астральнаго тѣла; начинать съ этого конца значитъ ограничиться пребываніемъ на планѣ психическомъ. Начать же съ области Духа это значитъ достигнуть сліянія всѣхъ плановъ воедино. Въ этомъ и заключается существенное различіе между этими двумя формами Іоги. Путь Раджа-Іоги единственный вѣрный, но это путь медленный и трудный. Силы, пріобрѣтенныя

---

*) См. В. Т. № 3, стр. 10.

этимъ путемъ, сохраняются во всѣхъ послѣдующихъ рожденіяхъ; тогда какъ упражненія Хатха-Іоги позволяютъ прогрессировать только на планѣ психическомъ.

Теперь я хочу сдѣлать вамъ нѣсколько указаній относительно тѣхъ упражненій, которыя можно дѣлать ежедневно безъ вреда для себя. Вы, можетъ быть, помните, что въ Упанишадахъ говорится, что человѣкъ, уже послѣ того какъ онъ сотворенъ, еще, если можно такъ выразиться, *оживляется* Девами. Высшая Душа вопрошаетъ: „Какъ я войду въ него?" И проникаетъ въ человѣка черезъ то мѣсто, гдѣ раздѣляются волосы на его головѣ, т. е. черезъ центръ черепа, Brahmandra. Душа пребываетъ въ трехъ мѣстахъ: въ правомъ глазу, во „внутреннемъ органѣ" и въ сердцѣ. Это весьма многозначительно. Правый глазъ означаетъ чувства внѣшнія; „внутренній органъ" — мозгъ и разумъ, а сердце — внутреннее „я" человѣка. И Душа проникаетъ въ человѣка постепенно; сперва въ глазъ, т. е. въ чувства, потомъ во внутренній органъ, — въ умъ, а затѣмъ уже въ сердце, которое она избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ. Вотъ объясненіе того тройного дѣленія, о которомъ я вамъ говорила вначалѣ. Каждое изъ нихъ относится къ одной изъ упомянутыхъ стадій или состояній. Мы и начинаемъ упражненія въ каждой изъ этихъ стадій, пока въ мірѣ не найдемъ своего Гуру. Всякій изъ васъ, начавъ практиковаться и овладѣвъ низшей стадіей, можетъ перейти на высшую. Изъ этого слѣдуетъ, что въ поискахъ Души вы прежде всего имѣете дѣло съ чувствами. Вы можете представить себѣ умственно какой-нибудь образъ и сосредоточиться на немъ до тѣхъ поръ, пока ничто внѣшнее не будетъ оказывать на васъ никакого вліянія. Это и есть сосредоточеніе ума въ себѣ самомъ и удаленіе внѣшнихъ ощущеній.

Почему бы каждому человѣку и не упражняться въ этомъ ежедневно? Почему не пріучить свой умъ отвлекаться отъ всего внѣшняго и, обратившись внутрь, замкнуться въ своихъ предѣлахъ? Всѣ умные люди дѣлаютъ это инстинктивно. Всѣ великіе люди дѣйствовали такъ же. Прочтите біографіи великихъ писателей, которые дали міру безсмертныя произведенія литературы, и вы увидите, что когда они предавались творчеству, они забывали о своемъ тѣлѣ; они сидѣли, погруженные въ свои мысли, забывали о пищѣ, просиживали такимъ образомъ цѣлый день, иногда и ночь, забывая о снѣ, о всякихъ потребностяхъ тѣла,— и все это потому, что они отвели умъ отъ внѣшнихъ ощущеній и сосредоточили его въ себѣ самомъ.

Таковы должны быть условія для всякой плодотворной работы мысли. Для медитаціи требуется еще нѣчто большее. Но все же начать слѣдуетъ съ того, чтобы отвлечь душу отъ внѣшнихъ ощущеній, иначе она все будетъ стремиться выйти наружу, и вамъ придется призывать ее обратно въ настоящее мѣсто ея пребыванія. А для этого и надо устранить всякія ощущенія. Никакой прогрессъ невозможенъ безъ этого. Это полезно и съ обыкновенной точки зрѣнія. Въ древнихъ книгахъ рекомендуется такое сосредоточиваніе ума, какъ предварительная ступень къ Іогѣ; оно составляетъ условіе всякаго успѣшнаго труда. Человѣкъ, способный сосредоточиться, способенъ и побѣдить интеллектуальный міръ. Тотъ, кто можетъ свести всѣ свои способности въ одну точку, устремляется, по выраженію Патанджали, „въ одно остріе“. Такой человѣкъ можетъ умственно прогрессировать. Вы не можете провести широкій предметъ черезъ разныя препятствія, если сперва не обострите его; тогда онъ проникаетъ повсюду. Тоже происходитъ и съ умомъ. Если вы разбрасываетесь въ ощущенія, умъ разсѣевается. Тогда отсутствуетъ сила, которая толкаетъ его черезъ препятствіе. Но сосредоточьте его въ одной точкѣ—сила, стоящая за нимъ, протолкнетъ его впередъ. Уму необходимо сосредоточиться даже при рѣшеніи самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ.

Когда вы достигнете полнаго сосредоточиванія, вы перейдете уже на вторую стадію, (Svapna), гдѣ умъ долженъ сосредоточиваться на внутреннихъ представленіяхъ, на понятіяхъ и идеяхъ, а не на тѣхъ предметахъ, отъ которыхъ они возникли. Умъ видитъ представленіе о предметѣ, а не самый предметъ. Чѣмъ полнѣе вы можете это сдѣлать, тѣмъ ближе вы къ состоянію Svapna. А разъ вы его достигли, вы уже сдѣлали одинъ шагъ на пути Іоги, ибо вы стали способны привести душу во внутренній органъ. При этомъ возможенъ и дальнѣйшій прогрессъ.

Слѣдующая стадія все еще принадлежитъ состоянію Svapna. Она состоитъ въ умѣніи не только углубить умъ въ самого себя, но и удержать его тамъ, мѣшая вторженію нежелательныхъ мыслей.

Представьте себѣ, что вы оградили себя отъ внѣшнихъ побужденій, и никакія ощущенія уже не выведутъ васъ изъ состоянія сосредоточенности, но мысли еще могутъ это сдѣлать. Умъ можетъ еще не быть вполнѣ огражденъ отъ мыслей. Онъ поставленъ въ невозможность получать ощущенія извнѣ. Умъ получилъ такую устойчивость, что если другой человѣкъ подой-

детъ къ вамъ и дотронется до васъ, онъ не выведетъ васъ изъ состоянія абстракціи. Но въ глубинѣ ума еще нѣтъ этой устойчивости, и мысли могутъ проникнуть туда, куда уже не проникаютъ ощущенія. Въ умъ могутъ проникнуть мысли изъ своего собственнаго плана. Для этого нужна другая степень сосредоточенности. Вы должны умѣть убивать мысли. Какъ только появится нежелательная мысль, ее надо отбросить. Сперва вы дѣлаете это сознательно. Но уже самое сознаніе присутствія другой мысли есть недостатокъ сосредоточенности. То, что вы замѣчаете мысль, доказываетъ, что она произвела на васъ впечатлѣніе. Вы должны сознательно уничтожить ее. Какъ только она явится, вы уже ее отбрасываете. Это процессъ медленный, но если вы дѣлаете это впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже лѣтъ, это обратится въ привычку. Вашъ умъ пріобрѣтетъ такую способность отталкиванія, что способенъ будетъ васъ самихъ привести во внутрь, и тогда всякая мысль, идущая извнѣ, сама собой будетъ отброшена отъ васъ. Происходитъ то же, что съ быстро вращающимся колесомъ. Когда колесо вертится медленно, то всякое прикоснувшееся къ нему тѣло можетъ остановить его движеніе. Если же оно вертится съ большой быстротой, оно отбрасываетъ въ сторону все, что приблизится къ нему. Отталкивающая сила находится въ прямой зависимости отъ быстроты вращенія колеса.

Когда вы пріобрѣтете привычку откидывать мысли, вы становитесь недостижимы и для ума, какъ и для чувствъ, т. е. умъ вашъ устремляется въ глубь, въ себя, и автоматически отбрасываетъ все, что желаетъ въ него проникнуть.

Это опять-таки полезно и съ обычной точки зрѣнія, ибо умъ при глубокой сосредоточенности не истощается. Не давая къ себѣ доступа ненужнымъ мыслямъ, не удѣляя имъ вниманія, онъ не растрачиваетъ на нихъ энергіи, не теряетъ свою силу, онъ остается безъ мысли, пока отъ него не требуется работы, вмѣсто того, чтобы быть вѣчно занятымъ, какъ постоянно заведенная машина, которая отъ этого портится. Онъ превращается въ машину, которую заводятъ по желанію.

За предѣлами этой стадіи сознательный прогрессъ невозможенъ безъ помощи Учителя. Я сказала—сознательный, такъ какъ вы можете и не сознавать присутствія невѣдомаго Учителя. Существуетъ еще путь къ безсознательному прогрессу, при которомъ вы тоже не сознаете чьей-либо помощи, но это достигается уже не знаніемъ. Если вы хотите идти путемъ знанія, вы должны найти себѣ Учителя.

Въ мірѣ есть нѣчто сильнѣе знанія — это благоговѣніе. Это самъ Духъ, и кромѣ сознанія вы можете на помощь себѣ раскрыть широко врата Души, и не прятать ее отъ солнца; оно проникнетъ въ Душу, освѣтитъ и очиститъ ее безъ всякаго участія вашего низшаго „я“. Благоговѣніе и есть раскрытіе Души. Это не дѣйствіе—а состояніе. Оно означаетъ признаніе надъ собой чего-то Высшаго, чѣмъ вы сами, болѣе прекраснаго, чѣмъ то, къ чему вы относитесь критически, что вы постигаете знаніемъ. Вы преклоняетесь передъ этимъ Высшимъ, падаете ницъ въ обожаніи и молча ждете, будетъ-ли произнесено какое-нибудь слово.

И въ тайнахъ Духа возможенъ прогрессъ, ибо благоговѣніе открываетъ путь для свѣта. Свѣтъ всегда тутъ, но мы не сознаемъ его.

Все, о чемъ мы говорили, и есть совлеченіе оболочекъ, одна за другой, чтобы мы могли увидать свѣтъ. По мѣрѣ того, какъ спадаютъ оболочки, онъ сіяетъ все яснѣе; онъ не сталъ сильнѣе, но мы не могли извнѣ видѣть за оболочками этотъ внутренній свѣтъ. Благоговѣніе изнутри срываетъ оболочки, и свѣтъ сіяетъ, ибо таково уже его свойство. Мы сами создаемъ препятствія и мѣшаемъ свѣту прорваться наружу.

Оттого-то у человѣка непросвѣщеннаго вы можете иногда встрѣтить духовное знаніе, которое выше интеллектуальнаго знанія какого-нибудь великаго генія. Онъ видитъ сердце вещей. Почему это? А потому, что внутренній свѣтъ прорвался наружу, благоговѣніе отверзло тѣ очи, куда проникаетъ свѣтъ, озаряющій всѣ тайники. Одно знаніе не можетъ совлечь оболочекъ. Тутъ нужна и любовь, которую человѣкъ самъ найдетъ въ себѣ; проникая черезъ одну оболочку за другой, онъ самъ отыщетъ путь къ стопамъ Господа.

Этого можно достигнуть не только въ лѣсахъ и джунгляхъ, но повсюду, гдѣ человѣкъ можетъ отрѣшиться отъ земного. Отрѣшенія отъ внѣшняго не нужно, нужно только, чтобы Душа человѣка отреклась отъ всего мірского и чувственнаго. Про это и хочетъ сказать Шри-Кришна, когда говоритъ о благоговѣніи. Размышленіе есть раскрытіе Души передъ всѣмъ Божественнымъ, чтобы оно засвѣтилось внутри безпрепятственно.

Въ этомъ и состоитъ отреченіе; человѣкъ долженъ отказаться отъ всего, что у него есть, и создать мѣсто, куда могъ бы проникать свѣтъ. Отреченіе — это непривязанность къ плодамъ дѣйствія. Онъ дѣлаетъ все только потому, что живя въ мірѣ, онъ долженъ дѣйствовать. Шри-Кришна говоритъ: „я всегда

нахожусь въ дѣйствіи". Почему? Потому что безъ дѣйствія колесо бы остановилось. То же происходитъ и съ человѣкомъ, предавшимся благоговѣнію. Онъ совершаетъ поступки, потому что они служатъ примѣрами для людей; его Карма заставляетъ его жить въ мірѣ, гдѣ требуются такіе поступки. Но не *онъ* ихъ совершаетъ.

Когда человѣкъ достигъ состоянія благоговѣнія, чувства его устремляются къ тѣмъ предметамъ, какіе имъ свойственны, то же происходитъ и съ умомъ. Но при этомъ человѣкъ не подчиняется ни своимъ чувствамъ, ни своему уму. Онъ признаетъ своимъ владыкой только свое истинное „я".

И въ то время, какъ его чувства и умъ заняты предметами внѣшними, онъ вѣчно пребываетъ въ состояніи благоговѣйнаго поклоненія. Въ этомъ и состоитъ непривязанность. Онъ не привязанъ ни къ чему, что создано его чувствами, хотя они и достигли бы совершенства.

Умъ его можетъ быть направленъ на мірское и принимать участіе въ работѣ міра, но это не онъ самъ. Его „я" вѣчно распростерто у ногъ Господа. Пока онъ тутъ, внѣшнее можетъ дѣлать свое дѣло, никакая сила не связываетъ его съ этимъ внѣшнимъ. Но чтобы достигнуть этой стадіи, необходимо разумно упражняться въ непривязанности. Вы должны научиться оставаться равнодушнымъ къ результатамъ, разъ вы исполнили свой долгъ, предоставивъ все остальное могучимъ силамъ, дѣйствующимъ въ мірѣ. Силы эти требуютъ только одного, чтобы вы предоставили себя имъ, какъ тотъ матеріалъ, въ который онѣ облекутся, пока вы составляете одно съ ними. Для этого вы должны быть чисты. Вы должны всегда направлять сердце ваше къ Единому реальному. Человѣкъ въ состояніи благоговѣнія всегда пребываетъ внутри себя, въ сердцѣ своемъ. Онъ всегда пребываетъ въ святилищѣ, пока тѣло и умъ его заняты внѣшнимъ. Это и есть настоящая Іога, въ этомъ заключается ея тайна.

На этой ступени человѣкъ можетъ узнать отъ своего Гуру какимъ образомъ онъ можетъ сознательно работать заодно съ силами духовными. Черезъ благоговѣніе онъ уже безсознательно принимаетъ участіе въ этой работѣ. Сознательное же участіе требуетъ знанія. Гуру долженъ для этого руководить ученикомъ и научить его совершенному безкорыстію въ работѣ. Сознательное участіе въ работѣ духовныхъ силъ доставляетъ радость неизреченную; но и всякое другое участіе придаетъ цѣну жизни.

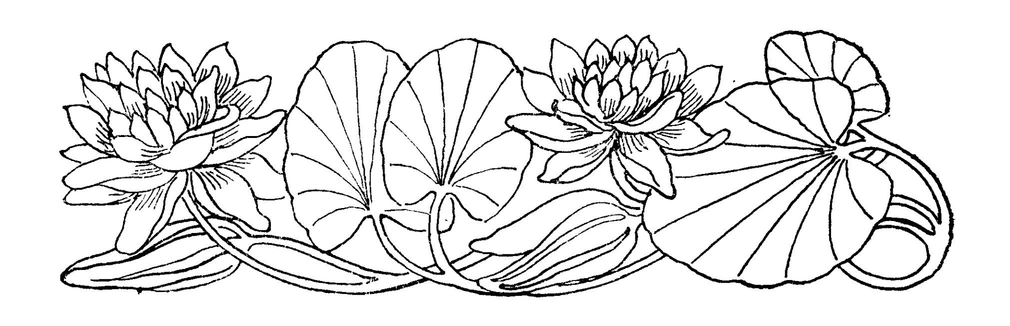
Я бы не задержала такъ долго вашего вниманія на этомъ вопросѣ, если бы не питала надежды, что кто-нибудь изъ васъ постигнетъ все значеніе благоговѣнія и увидитъ передъ собой путь во внутреннее святое святыхъ. Я разбирала оболочки души съ точки зрѣнія интеллекта, и всѣ области міра, и указывала вамъ пути для ихъ изслѣдованія. Но я не выполнила бы своего долга передъ вами, еслибъ оставила васъ на этомъ интеллектуальномъ планѣ. Поэтому-то я и пыталась, какъ могла, сказать вамъ эти нѣсколько словъ о сущности Іоги. Пусть сочтутъ меня безумной фанатичкой, но я все же рѣшусь сказать, что только одно благоговѣніе можетъ дать увѣренность въ безопасности Пути. Оно одно придаетъ силу и открываетъ путь въ тѣ сокровенныя глубины, гдѣ пребываетъ Божество. Лучше невѣжественное благоговѣніе, чѣмъ отсутствіе всякой вѣры.

Лучше просто возложить вѣтку передъ какимъ-нибудь деревенскимъ Богомъ, какъ это дѣлаютъ въ народѣ бѣдняки, удѣляя что могутъ отъ своего недостатка, чѣмъ быть прославленнымъ всемірнымъ геніемъ, который въ гордынѣ своей не вѣритъ жизни Духа. Духъ выше ума, какъ умъ выше чувствъ. Жизнь Духа есть жизнь высшая, и она открыта всякому, ибо Духъ скрытъ въ глубинѣ души каждаго человѣка, и никто не можетъ отрицать его присутствія.

Воспитывайте же въ себѣ уваженіе ко всему благородному, поклоняйтесь всему Божественному. И когда измѣнитъ вамъ тѣло со своими чувствами, и умъ вашъ придетъ въ упадокъ и не будетъ въ состояніи служить вамъ, — тогда вѣчный Духъ, эта жизнь вашей жизни, возстанетъ въ силѣ и, поднимаясь вверхъ, найдетъ себя самого. Но ему не для чего и подниматься, онъ тамъ пребываетъ всегда, вѣчно покоясь у подножія Лотоса, своего Бога. Тамъ нѣтъ иллюзій, боли, разлуки, тамъ все — блаженство. Ибо сущность Божества есть Любовь и Радость; онѣ и есть наслѣдіе Духа, которое превосходитъ все, что можетъ дать временный міръ.

Пер. **С. Татариновой.**

Орфическіе гимны.

VII. Планетамъ *(возжиганія ароматовъ).*

Я призываю Планетъ небесныхъ святое сіянье,
Васъ призываю, святые демоны, пѣснью ритмичной.
Звѣзды небесныя, Ночи черной любимыя дѣти,
Кружитесь вы въ круговыхъ движеніяхъ около трона.
Свѣтлыя, въ яркомъ огнѣ, всего вы родители вѣчно;
Вы охраняете рокъ, вы властны предсказывать судьбы;
Шлете вы путь испытаній для упражненія смертнымъ,
О *семисвѣтныя*, о несомыя въ зонахъ воздушныхъ;
Твердыя, жгучія, вы—небесныя, также земныя;
Темныя ночи одежду вы освѣщаете вѣчно,
Всю-то вы ночь благодатно свѣтите волнами свѣта;
Шествуя въ ритмѣ мистерій мудрыхъ, спокойныхъ движеній,
Вы, благородныя, путь свершаете дѣлъ знаменитыхъ.

VIII. Геліосу *(возжиганія ладановой манны).*

(Солнцу).

Слушай, блаженный, всевидящій вѣчный глазъ ты имѣешь,
О, златосвѣтный Титанъ, всевышній и неутомимый,
Самորожденный, небесный, сладкое око ты жизни;
Ночи, зари—ты почетный и благосклонный родитель;
Смѣшано время въ тебѣ, въ четыре ты шага танцуешь.
Жгучій, *свистящій*, бѣгунъ, смѣющійся вѣчно возница,
Ты пробѣгаешь въ круженьи путь безконечнаго ромба;
Благочестивымъ ты вождь прекрасный и врагъ нечестивымъ.

Ты, златолирный, свершаешь въ космосѣ путь гармоничный,
Юноша, добрыхъ ты дѣлъ учитель, временъ ты питатель.
О космократоръ, *шипящій*, огненный, въ кругѣ носимый,
Фосфоръ ты, многообразный, жгучій, Пэанъ, плодоносный.
О *Зевсъ* безсмертный, отецъ временъ, жизнедатель, горящій,
Чистый, доступный всѣмъ свѣточъ, *космоса глазъ* [1]), обходящій,
Чудными свѣтишь лучами ты, умѣряющій факелъ,
Ты справедливости вождь, царь космоса, *водолюбивый*,
Вѣры ты стражъ, вѣковой, всевышній, всему ты помощникъ,
Ты справедливости глазъ, ты жизни свѣтъ, коноводитель,
Звонкимъ бичомъ четверною ты колесницею правишь,
Внéмли рѣчамъ посвященныхъ, сладкую жизнь прояви намъ.

IX. Селенѣ (*возжиганія ароматовъ*).

(Лунѣ).

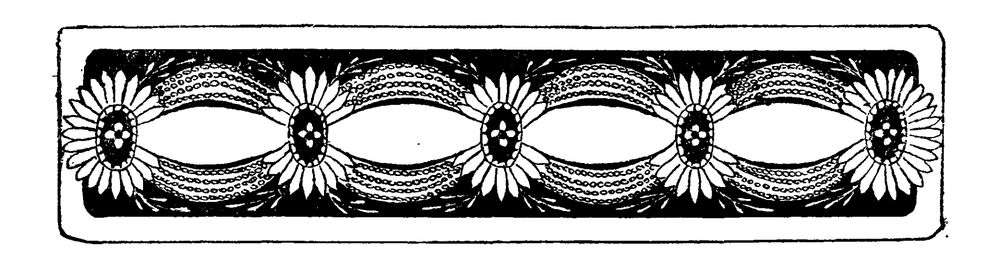
Слушай богиня царица, о фосфоръ, о дѣва *селена* [2]).
Мэнъ волорогій, воздушно живущій и въ ночи бѣгущій,
Факелоносецъ, не дремлющій, *Мэнъ*, благозвѣздная дѣва.
Въ ростѣ ты и въ убываньи, и мужъ ты, и женщина вмѣстѣ,
Свѣтлая, конелюбивая, времени мать, плодоносецъ,
Блещущая, какъ янтарь, возбужденная, помощь родящимъ;
Бдѣніе любишь, все видишь, цвѣтущая въ звѣздахъ прекрасныхъ,
Въ радостномъ рокѣ блаженствуешь ты въ тишинѣ благодатной,
Все завершаешь ты, радость дающая, статуя ночи,
Звѣздъ госпожа, въ длинномъ пеплосѣ, быстрая, мудрая дѣва,
Шествуй блаженная, звѣздная, свѣтя лучами своими,
О благосклонная, дѣва, спаси своихъ новыхъ молящихъ.

Съ греч. **Н. Павлиновой.**

[1]) *Космоса глазъ*: Сурья... въ Ведахъ называется—„глазъ космоса", Lôka-Chakshuh (Тайная Доктрина I. 80 (127) фр. изд.).

[2]) *Селена.* О Лунѣ—см. Тайная Доктрина (II. 101 стр. фр. изд.). Глава IX *Луна—Deus Lunus—Phoebe*:... „Солнце даетъ жизнь всей планетной системѣ; Луна—нашей планетѣ... *Артемида* была Luna на небѣ, у Грековъ, на землѣ Діаной, покровительницей дѣторожденія и жизни, у Египтянъ она была въ аду *Гекатой*, богиней смерти, вѣдающей чары и магію. Олицетворяя *Луну*, явленія которой троичны. *Діана — Геката — Луна* есть *три въ единомъ*, ибо она—Divà Triformis, Tergemia, Triceps, три головы на одной шеѣ, какъ *Брама—Вишну—Шива*. Она—прообразъ Троицы".

О развитіи психическихъ силъ человѣка.

На нашихъ глазахъ произошли поразительныя перемѣны въ сознаніи современныхъ людей: до недавняго времени люди жили по сложившимся привычкамъ, не задумываясь надъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя этотъ удивительный, сложный и таинственный механизмъ, который мы называемъ своимъ тѣломъ; пока онъ работалъ, о немъ совсѣмъ не думали, когда же онъ начиналъ скрипѣть и напоминать о себѣ различными рѣжущими и ноющими болями, или совсѣмъ отказывался работать, тогда прибѣгали къ медицинѣ и начиналось леченіе, но *что* при этомъ происходитъ въ таинственномъ механизмѣ, этого никто не зналъ.

Объ этомъ думать было некогда. Все вниманіе было устремлено на внѣшній міръ, на созиданіе внѣшнихъ подробностей жизни. Забота о состояніи таинственнаго механизма предоставлялась докторамъ, хотя наиболѣе добросовѣстные изъ нихъ не скрывали, что и для нихъ онъ представляетъ неразрѣшимую загадку.

Это было еще недавно, на памяти у всѣхъ. Но за послѣднее десятилѣтіе у насъ въ Россіи—на европейскомъ Западѣ нѣсколько ранѣе—произошелъ поворотъ вниманія отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ анализа внѣшнихъ вещей и явленій къ попыткѣ анализа своего внутренняго бытія.

Правда, попытки эти еще очень младенческія, но вѣдь каждая новая жизнь начинается съ младенчества.

Первый результатъ этого поворота вниманія было неизбѣжное углубленіе сознанія: какъ только мысль обратилась къ внутреннему, передъ ней разверзлись такія бездонныя глубины, которыя ясно показали, насколько существующіе пріемы изслѣдованія человѣка недостаточны.

Появилась потребность понять и сформулировать загадочныя стороны человѣческой природы, возникли новыя понятія, появилось новое слово „оккультизмъ". Это слово у всѣхъ на языкѣ, но пониманіе его у большинства очень смутное и произвольное.

Что такое въ дѣйствительности „оккультизмъ"?

Оккультизмъ есть изученіе скрытой стороны природы или вѣрнѣе *всѣхъ* ея сторонъ, а не только того физическаго разрѣза, которымъ—за исключеніемъ всѣхъ остальныхъ—занимается академическая наука.

Оккультно все то, что еще не раскрылось для нашего сознанія: всѣ непознанныя силы природы, пока мы еще не овладѣли ими.

Несомнѣнно, что вся Вселенная есть безконечный рядъ оккультивныхъ заданій, надъ которыми упражняется нашъ умъ, благодаря которымъ растетъ наше сознаніе и развиваются наши многообразныя способности. До сихъ поръ мы, европейцы, упражнялись надъ познаніемъ формы, надъ ея классификаціей и надъ изслѣдованіемъ ея эволюціи. Жизнь, заключающаяся въ формахъ, то, что Кантъ называлъ „вещь въ себѣ"—оставалась *оккультной*. Мало того, руководители европейской мысли внушали намъ, что жизнь останется для насъ *навсегда* непознаваемой. Мы вѣрили этому и думали, что человѣкъ обреченъ навѣкъ стоять съ завязанными глазами передъ тайной своего собственнаго существованія. Эта стѣна, которая постепенно возникала между нашимъ сознаніемъ и міромъ духа, сильно содѣйствовала тому, чтобы убить въ насъ радость жизни и окрасить нашу мысль оттѣнкомъ трагическаго пессимизма.

Въ дѣйствительности, жизнь или „вещь въ себѣ", т. е. то, что живетъ въ формѣ и оживотворяетъ ее, оккультно только для нашего низшаго трехмѣрнаго сознанія, но она перестаетъ быть оккультной для высшаго или расширеннаго сознанія. Слѣдовательно, не жизнь сама по себѣ непознаваема, а то орудіе, которымъ мыслители стремились познать ее,—было непригодно.

Еще очень недавно подобныя слова были бы приняты за безплодную фантазію. Нашъ трехмѣрный умъ, дѣйствующій черезъ мозгъ, низшій Манасъ, какъ его называли восточные мудрецы тысячелѣтія назадъ,—считался единственнымъ орудіемъ познаванія, но послѣ появленія такихъ трудовъ, какъ „Многообразіе религіознаго опыта" профессора Джемса, или „Космическое сознаніе" профессора Боке, въ которыхъ признанные ученые утверждаютъ, что кромѣ нашего обыденнаго мозгового сознанія, познающаго формы, существуетъ высшій видъ сознанія, познающій непосредственно—

увѣренность эта поколебалась. На смѣну Канта появился Бергсонъ, положившій начало философіи расширеннаго сознанія; онъ утверждаетъ, что, кромѣ интеллекта, у человѣка есть еще иная способность, функціонирующая помимо мозга, которая находится до сихъ поръ еще въ зачаткѣ. Способность эту онъ отводитъ въ область инстинкта; эволюціонируетъ она по совершенно другимъ линіямъ, чѣмъ интеллектъ, и—развитая до конца - она приведетъ человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, сознаньемъ, съ тѣмъ, что мы называемъ *Духомъ*. Это и есть *Интуиція* или Высшее Сознаніе Теософіи, тѣсно связанное съ *эмоціональной природой человѣка*. Изъ этого видно, что и философія пришла къ необходимости расширить свою область и ввести новые законы въ предѣлы своихъ изслѣдованій, хотя новы они только для европейскаго Запада, -для Мудрецовъ Востока они были извѣстны тысячелѣтія тому назадъ.

Вернемся теперь къ таинственному аппарату, который мы называемъ своимъ тѣломъ. Я называю его „таинственнымъ" потому, что мы совершенно не знаемъ той невидимой, интимной жизнедѣятельности, которая творится внутри него. Какія силы строятъ наше тѣло? Въ какомъ отношеніи стоитъ психическая и умственная жизнь человѣка къ его физической природѣ? Что сохраняется отъ человѣка послѣ смерти физическаго тѣла? И если сохраняется, то *гдѣ* искать это нѣчто, *какъ* проявляется оно, когда тѣло человѣка умираетъ?

Всѣ эти вопросы оставались для насъ безъ отвѣта, пока изъ глубины вѣковъ, изъ древнихъ святилищъ Востока не возстала—какъ фениксъ изъ пепла—древняя Brahma-Vidya или Теософія, наука Духа, которая до нашихъ дней была доступна только для немногихъ посвященныхъ въ эзотерическія ученія древнихъ религій.

Теософія впервые обнародовала эти тайны, впервые дала намъ проникнуть въ сложный составъ человѣка, впервые раскрыла передъ нами реальность невидимыхъ міровъ, въ которыхъ мы не перестаемъ участвовать—помимо мозгового сознанія—при посредствѣ болѣе тонкихъ проводниковъ, чѣмъ физическое тѣло. Уже міръ нашихъ эмоцій, выражающійся въ вибраціяхъ матеріи, несравненно болѣе разрѣженной и тонкой, чѣмъ физическая, принадлежитъ иному плану; тѣмъ болѣе міръ нашей мысли, быстрой какъ молнія, не знающей преградъ, для которой мозгъ служитъ лишь передаточнымъ аппаратомъ между обыкновеннымъ міромъ и Мыслителемъ, создающимъ представленія*).

*) Кругъ, который при этомъ описываетъ мысль, описанъ въ книжкѣ „Сила Мысли и Мыслеобразы." Е. П. стр. 13-я.

Оккультисты, какъ древніе, такъ и современные, никогда не отождествляли себя съ своимъ физическимъ тѣломъ; имъ прекрасно извѣстно, что это—лишь внѣшняя оболочка, сбрасываемая не только въ моментъ смерти, но и ежедневно, во время сна, когда облеченный въ свою астральную форму человѣкъ витаетъ въ ближайшей отъ насъ области невидимыхъ міровъ. Зная это, оккультистъ смотритъ на свое тѣло совершенно иначе, чѣмъ на него привыкли смотрѣть европейцы. Для него тѣло не онъ самъ, а то орудіе, съ помощью котораго онъ вступаетъ въ общеніе съ внѣшнимъ міромъ; а все же онъ относится къ нему несравненно бережнѣе и несравненно сознательнѣе, чѣмъ огромное большинство современныхъ людей, отождествляющихъ себя съ своимъ тѣломъ. Потому что оккультистъ знаетъ, что только здоровое и уравновѣшенное тѣло способно передать всѣ многообразныя способности человѣка, дать выраженіе его индивидуальности, его истинному Я. Совершенно такъ же, какъ скрипка Страдиваріуса или Гварнери отзывается глубокими и красивыми звуками на самыя легкія прикосновенія смычка.

Но для того, чтобы скрипка могла такъ совершенно вибрировать, она должна быть сдѣлана очень тщательно, изъ соотвѣтствующаго и внимательно подобраннаго матерьяла, и струны ея должны быть равномѣрно натянуты. Мы не можемъ себѣ представить Паганини или Сарасате играющими на скрипкѣ изъ осиноваго или ольховаго дерева. Вся сила ихъ музыкальнаго генія была бы парализована и они не могли бы передать тѣхъ чудныхъ мелодій, которыя такъ ярко звучатъ въ ихъ душѣ.

Такое же значеніе имѣютъ и свойства физическаго тѣла для проявленія внутренняго человѣка. Въ переживаемый нами періодъ оно *очень* несовершенно и напоминаетъ скрипку изъ осиноваго дерева по сравненію съ тѣмъ идеальнымъ тѣломъ, которымъ мы будемъ обладать, когда начнемъ строить свои проводники сознательно, отдавая себѣ ясный отчетъ въ сложности человѣческаго состава и зная законы, по которымъ происходитъ правильное взаимодѣйствіе между различными центрами этого состава.

Наука эта большая и сложная, но ее нужно начинать съ азбуки, а не съ конца, какъ это пытаются дѣлать въ наше время люди, стремящіеся къ преждевременному развитію психическихъ силъ.

Начинать нужно съ фундамента, съ измѣненія *всего* строя нашей физической жизни. Европейское населеніе грѣшитъ противъ своего тѣла съ двухъ противоположныхъ концовъ: бѣдные

классы грѣшатъ недоѣданіемъ или плохой пищей, переутомленіемъ, нечистотой и полнымъ невѣдѣньемъ законовъ гигіены; богатые классы грѣшатъ упитываніемъ своего тѣла изысканной нездоровой пищей, излишней его холей и тѣмъ, что подчиняются всѣмъ его слабостямъ и капризамъ.

При такихъ условіяхъ ускоренное развитіе психическихъ силъ должно вести къ неизбѣжному вреду для нашего организма. Для созданія соотвѣтствующихъ условій, нужно начать съ пониманія *истинныхъ* потребностей нашего тѣла, а не искусственно созданныхъ, и допускать въ нашъ ежедневный режимъ не то, что ласкаетъ наши вкусы, а то, что сможетъ построить изъ нашего тѣла сильное, прочное, уравновѣшенное и въ то же время послушное и тонко-отзывчивое орудіе.

Останавливаться на этомъ долго я не могу, скажу только въ нѣсколькихъ словахъ, что *всѣ* условія современной жизни совершенно не годятся для ускореннаго развитія психическихъ силъ.

Начнемъ съ того, *что* вы ѣдите. Большинство питается мясомъ убитыхъ животныхъ, проникнутымъ не только вредными продуктами распаденія, какъ мочевая кислота, но и нечистымъ магнетизмомъ животныхъ страстей и предсмертнаго ужаса убиваемаго животнаго. Рядомъ съ мясомъ животныхъ европейцы пьютъ напитки съ примѣсью алкоголя, который дѣйствуетъ уже прямо атрофирующимъ образомъ на высшіе психическіе центры. Слѣдовательно, прежде чѣмъ думать серьезно о развитіи психическихъ силъ, нужно начать съ измѣненія пищевого режима, перейти отъ мясной пищи къ растительной, къ овощамъ, зернамъ, фруктамъ и орѣхамъ, а вино замѣнить чистой водой и молокомъ И послѣ того подождать *семь лѣтъ*, пока весь организмъ не перестроится заново.

Но и это — только одна сторона вопроса: мы не только должны измѣнять нашу пищу, мы должны поучиться по новому ѣсть.

Мы ѣдимъ слишкомъ много и слишкомъ скоро, накопляемъ массу ненужныхъ отложеній въ нашемъ организмѣ, которыя дѣлаютъ его тяжеловѣснымъ и неповоротливымъ и ведутъ къ различнымъ заболѣваніямъ; и мы задаемъ чрезмѣрную работу нашему пищеварительному аппарату, спѣшно проглатывая нашъ обѣдъ и едва касаясь до него зубами.

Если бы мы ѣли, какъ ѣдятъ на Востокѣ іоги, понемногу, но медленно, долго пережевывая пищу и сознательно извлекая изъ нея всю прану, т. е. всю заключающуюся въ ней солнечную энер-

тію, намъ было бы достаточно десятой доли той пищи, которую мы истребляемъ за нашими шумными и перегруженными ненужными яствами обѣденными столами. Рядомъ съ перемѣной питанія, мы должны научиться дышать иначе: наше поверхностное, не наполняющее сдавленную грудь дыханіе не въ состояніи очистить всю испорченную венозную кровь и она возвращается назадъ не обновленная, систематически отравляя нашъ организмъ. Наша привычка дышать черезъ ротъ проводитъ въ легкія холодный и наполненный пылью воздухъ, минуя тотъ предохранительный аппаратъ-фильтръ, который природа устроила въ ноздряхъ нашего носа, съ цѣлью согрѣвать воздухъ и очищать его отъ постороннихъ примѣсей прежде, чѣмъ онъ попадетъ въ наши легкія.

Но въ вопросѣ о дыханіи есть еще одна, болѣе глубокая, сторона, извѣстная только оккультистамъ: это снабженіе нервной системы *праной*, которую можно назвать основой всякой силы и энергіи; чѣмъ чище воздухъ, тѣмъ болѣе онъ насыщенъ праной и чѣмъ обильнѣе мы наполняемъ свѣжимъ воздухомъ свои легкія, тѣмъ болѣе мы вводимъ въ себя праны, которая составляетъ душу нашей нервной системы, потому что это она снабжаетъ наши нервныя ткани и нашъ мозгъ обновленной силой и жизненностью.

Научившись ѣсть и дышать по-новому, мы должны ввести неизмѣняемый режимъ въ нашу ежедневную жизнь, правильное чередованіе между работой и отдыхомъ, сномъ и бодрствованьемъ. Безъ этихъ условій физическое тѣло современнаго человѣка не выдержитъ напряженія, которое неизбѣжно при усиленномъ развитіи заложенныхъ въ насъ психическихъ силъ; совершенно такъ же, какъ не выдержитъ высокаго давленія паровая или электрическая машина, построенная плохо изъ недостаточно крѣпкаго матерьяла. Рискуя дѣлать усиленную работу на такой машинѣ, машинистъ долженъ быть каждую минуту готовъ, что она разлетится вдребезги.

Вотъ это обстоятельство и не выдвигается той новой литературой, которая возникла въ отвѣтъ на пробуждающійся интересъ къ психическимъ явленіямъ, той литературой, которая такъ неразборчиво и такъ легкомысленно даетъ рецепты—какъ сдѣлаться ясновидящимъ, какъ подчинять себѣ чужую волю, какъ пробудить въ себѣ астральныя чувства и т. д. Всѣ эти книги несомнѣнно вредны, потому что онѣ толкаютъ совершенно несвѣдущихъ въ этой области читателей къ продѣлыванью опасныхъ экспериментовъ. Въ этихъ книгахъ говорится очень неосто-

рожно о такихъ вещахъ, которыя до нашего времени были извѣстны только оккультистамъ, обладавшимъ большими знаніями и большой нравственной силой; теперь же объ этомъ говорится въ популярныхъ книжкахъ всѣмъ безъ разбора, и подросткамъ, и необразованнымъ людямъ. Бороться съ этимъ невозможно: разъ среди читателей возникъ интересъ къ опредѣленному вопросу, неизбѣжно послѣдуетъ и удовлетвореніе со стороны литературы, и далеко не всегда доброкачественное. Желающимъ ослабить вредъ такой неразборчивой популяризаціи остается только одно: предупреждать, объяснять, какъ опасны всѣ психическіе эксперименты, когда они производятся ощупью, безъ опытнаго и знающаго руководителя, или, что еще хуже, подъ сомнительнымъ руководствомъ.

Вѣдь никто не согласится, обладая очень дорогими и очень сложными часами, допустить ничего не смыслящаго въ часовомъ механизмѣ человѣка дѣлать опыты надъ ними, отвинчивать тонкія колесики, направлять въ другія стороны стрѣлки и т. д. Здѣсь же, гдѣ дѣло идетъ о самомъ тонкомъ и самомъ нѣжномъ изъ всѣхъ механизмовъ, о нашей собственной нервной и мозговой системѣ, мы считаемъ возможнымъ—ровно ничего не понимая—вмѣшиваться въ ея интимные процессы, хозяйничать въ нихъ, пытаться сорвать покровъ, которымъ природа оградила его отъ нашего любопытства.

Послѣднее въ буквальномъ смыслѣ вѣрно: природа дѣйствительно позаботилась, чтобы *не* готовые къ воспріятію невидимыхъ міровъ не могли преждевременно проникнуть въ нихъ. Въ психическомъ механизмѣ человѣка, въ его эфирномъ и астральномъ тѣлѣ есть нѣсколько центровъ, которые состоятъ въ такомъ взаимномъ соотношеніи къ физическимъ, что каждый астральный центръ почти прикасается къ физическому.

Теперь представьте себѣ два заряженныхъ электрическихъ провода; если ихъ концы задѣлать воскомъ, электрическій токъ не передается, если бы даже изолированные концы были соединены вмѣстѣ. Но если снять воскъ или продѣлать въ немъ малѣйшее отверстіе, немедленно появится искра и токъ соединится. То же самое происходитъ въ человѣческомъ организмѣ. Если бы та или другая сила изъ невидимаго міра вздумала проникнуть черезъ одинъ изъ упомянутыхъ астральныхъ центровъ въ соотвѣтствующій ему физическій центръ, у человѣка открылись бы преждевременно психическія силы *безъ умѣнья владѣть ими* и онъ рисковалъ бы стать жертвой одержанія. Чтобы этого не слу-

чилось, природа раздѣлила каждую пару центровъ тонкой тканью, заряженной особаго рода жизненной силой, которая и препятствуетъ всякому вторженію изъ астральнаго міра въ физическій организмъ. Вотъ на эту-то предохранительную ткань и дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ различные эксперименты, которые дѣлаются подъ вліяніемъ неразборчивой оккультной литературы.

Самое тяжелое изъ всѣхъ послѣдствій подобнаго разрушенія предохранительной ткани, это—возможность *одержимости.* Легче всего это можетъ случиться во время спиритическихъ сеансовъ, которые всегда привлекаютъ къ себѣ жителей астральнаго міра. Многіе изъ нихъ стремятся войти въ соприкосновеніе съ живыми людьми и чѣмъ хуже и ниже по своимъ свойствамъ такое существо, тѣмъ настойчивѣе оно жаждетъ овладѣть кѣмъ нибудь изъ присутствующихъ живыхъ людей. Если ему попадется человѣкъ, у котораго предохранительная ткань повреждена, а тѣмъ болѣе если она разрушена, астральное существо воспользуется этимъ, овладѣетъ несчастнымъ человѣкомъ и сдѣлаетъ изъ его жизни адъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ самимъ методамъ раскрытія психическихъ силъ.

Родина этихъ методовъ—древній Востокъ, преимущественно Индія: тамъ создалась и въ теченіе тысячелѣтій развивалась религіозно-психологическая наука Іога, конечная цѣль которой въ переводѣ на нашъ языкъ — сліяніе индивидуальной души съ Богомъ, съ Міровой Душой, съ Источникомъ Жизни, Свѣта и Знанія. Высшая ступень просвѣтлѣнія, которой достигаютъ Іоги, самадхи (экстазъ), соотвѣтствуетъ переживаньямъ Святыхъ на Западѣ и проблескамъ сверхсознанія у геніевъ и мистиковъ всѣхъ временъ. Изъ этого можно заключить, что наиболѣе высокія переживанія религіознаго сознанія, какія только доступны людямъ современной ступени развитія, были извѣстны въ сѣдой древности въ Индіи и по этимъ глубокимъ мистическимъ линіямъ развивалась психологія древнихъ индусовъ, созидалась та высокая внутренняя культура и вырабатывалась та власть надъ мыслями и страстями, которая для насъ кажется совершенно сказочной. По этому поводу мнѣ вспоминается разсказъ Президента Теос. О-ва А. Безантъ, въ которомъ ярко сказывается, насколько индусы выше насъ по самообладанію и силѣ воли; разсказъ этотъ объ одномъ изъ знакомыхъ ей индусовъ, который, не смотря на всѣ настоянія доктора, не согласился принять хлороформъ во время *очень*

мучительной операціи, выдержалъ ее совершенно спокойно, а когда г-жа Безантъ стала спрашивать его о перенесенныхъ страданіяхъ, индусъ отвѣтилъ, что *совсѣмъ не чувствовалъ боли, такъ какъ заставилъ свое вниманіе отвлечься отъ тѣла и сосредоточиться на другомъ.* Для насъ самая возможность такого сосредоточенія невѣроятна.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что человѣчество пошло назадъ? Что всѣ идеалы духовной красоты, которые подняли психологію древняго Востока на такую недосягаемую высоту, совсѣмъ потеряли свою власть надъ сознаніемъ Запада?

Нѣтъ, это не такъ... Я не могу себѣ представить человѣка, который бы не предпочелъ безхарактерности—*сильную волю*, истеричности—*самообладаніе*, а некрасивой распущенности—*красивую сдержанность.*

И насъ не можетъ не восхищать тотъ символъ душевной силы, который тысячелѣтія назадъ сложился въ древней Индіи и вылился въ св. книгѣ Востока (Дхаммопада [1]) въ такихъ словахъ: „Даже боги завидуютъ тому, чьи обузданы страсти какъ кони, укрощенные возницей...

Наша сравнительная душевная слабость и неумѣнье владѣть своими страстями произошли отъ того, что все наше вниманіе, всѣ стремленія и всѣ желанія были въ теченіе многихъ столѣтій направлены на внѣшнія достиженія, а не на внутреннія, какъ у древнихъ индусовъ. Но тотъ интересъ, который начинаетъ возникать на Западѣ къ духовной жизни древняго Востока, интересъ, который обѣщаетъ вызвать настоящее возрожденіе древней Индіи, и даже самое влеченіе къ развитію психическихъ силъ, все это—указаніе, что мы подошли къ поворотной точкѣ нашей цивилизаціи; что она уже начала дѣлать обратное движеніе отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ матерьяльныхъ интересовъ къ духовнымъ.

Мы переживаемъ совершенно необыкновенное время: со всѣхъ сторонъ возникаютъ новыя этическія задачи, всѣ области жизни требуютъ обновленія. И вотъ на этомъ важномъ распутьи, къ которому подошла европейская жизнь, полные духовной красоты идеалы древняго Востока могутъ сдѣлаться для насъ яркими маяками, при свѣтѣ которыхъ намъ легче будетъ вырабатывать новыя линіи внутренней культуры.

---

[1]) Dhammopada относится буддистами къ эпохѣ перваго собора въ 477 г. до Р. Х.

Если мы начнемъ знакомиться съ наукой духа древнихъ индусовъ, мы прежде всего убѣдимся, что вся іога основана на эволюціи внутренняго человѣка. Она говоритъ, что земная жизнь есть арена, на которой медленно и постепенно изъ состоянія зародыша или потенціи—развиваются многообразныя способности, силы и свойства человѣческаго духа; для огромнаго большинства развитіе это идетъ стихійно, путемъ жизненнаго опыта, а для меньшинства—сознательно, путемъ добровольно направленныхъ усилій воли. Другая характерная черта индусской іоги состоитъ въ томъ, что вся она построена на самоуглубленіи и самопознаніи. Вѣрнѣе всего ее было бы назвать *психологической религіей.*

Всѣ ея три отдѣла или вѣрнѣе три пути: Карма-іога, Бхакта-іога и Жнана-іога, которыя сливаются въ Раджа-іогѣ—я исключаю „Хатху-іогу" какъ методъ, относящійся исключительно къ физическому организму человѣка—всѣ они, *развивая волю*, ведутъ человѣка хотя по разнымъ линіямъ, отвѣчающимъ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго, но къ одной и той же цѣли: къ *побѣдѣ высшей природы человѣка надъ его низшей природой, духа надъ тѣломъ, добра надъ зломъ, гармоніи надъ разладомъ.*

Удивительную тонкость и разработанность психологическихъ методовъ іоги можно объяснить тѣмъ, что въ древности для каждаго индуса было религіознымъ долгомъ ежедневными упражненіями развивать въ себѣ внутреннія духовныя силы, чтобы съ ихъ помощью приблизиться къ постиженію духовныхъ истинъ. Этому содѣйствовалъ своеобразный душевный складъ древнихъ индусовъ: они были чистые созерцатели, природные метафизики, интересы ихъ поднимались высоко надъ землей, они отыскивали гармонію и синтезъ всей міровой жизни въ *божественномъ Единствѣ.* Благодаря этому, на протяженіи тысячелѣтій получился огромный духовный опытъ, который Мудрецы Индіи разработали въ стройную религіозную систему; примѣненіе этой системы къ духовной жизни индусовъ и носитъ общее названіе іоги.

Хатха-іога,—методы которой идутъ снизу вверхъ, черезъ пріобрѣтеніе контроля надъ функціями тѣла,—назначалась повидимому для душъ, которыя еще не пробудились духовно, которымъ еще нужна дисциплина для преодолѣнія инерціи тѣла, нужна побѣда надъ стихіями, куда входятъ холодъ и жаръ, голодъ и жажда, сонъ и усталость. Хатха-іога ведетъ къ удивительной власти надъ физическимъ тѣломъ; упражненія ея распадаются на 84 различныя положенія тѣла, которыя совершенно недоступны для европейца. Власть Хатха-іога надъ своимъ орга-

низмомъ достигаетъ до того, что онъ можетъ совсѣмъ не ѣсть въ теченіе долгаго времени, не спать много ночей и не дышать. Провѣрены случаи, когда Хатха-іога зарывали въ могилу и послѣ 40-дневнаго пребыванія подъ землей онъ оказывался вполнѣ здоровымъ. Въ результатѣ всѣхъ усилій Хатха-іогъ достигаетъ способности сознательно управлять тѣми внутренними дѣятельностями своего организма, которыя уже перешли въ область подсознанія, какъ—дыханіе, кровообращеніе и всѣ рефлекторныя движенія органовъ и мышцъ. Такой результатъ нельзя считать прогрессомъ, потому что переводить процессы, ставшіе уже подсознательными, въ произвольные, это значитъ возвращаться вспять, къ первобытному состоянію организма; и дѣйствительно, есть указанія, что несмотря на изумительное развитіе воли и терпѣнія, Хатха-іогъ можетъ стоять на очень низкой ступени духовнаго развитія. Въ отдѣлъ Хатха-іоги попадаютъ всѣ искусственные пріемы развитія астральнаго зрѣнія, вродѣ глядѣнія въ кристаллъ, въ магическія зеркала, въ свѣтящуюся точку и т. под. Это—низшая ступень іоги, но и она невозможна безъ опытнаго учителя, безъ личнаго руководства надъ всѣми дѣйствіями ученика. Упражняться въ Хатха-іогѣ по книгамъ, значитъ подвергать серьезной опасности свою нервную систему.

Да истинный іогъ и не придаетъ значенія всѣмъ этимъ явленіямъ Хатха-іоги, какъ они не кажутся поразительны европейцу, *если* они не соединены съ духовнымъ просвѣтлѣніемъ, которое является цѣлью на остальныхъ путяхъ іоги. Пути эти, какъ уже упомянуто, основаны на психологическомъ различіи людей.

Карма-іога достигаетъ ускоренной внутренней эволюціи черезъ безкорыстную дѣятельность. Она учитъ, что причины всѣхъ земныхъ бѣдствій на землѣ, всѣ болѣзни, страданія и разочарованія коренятся въ нашихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Карма-іога даетъ глубокую философію труда и доказываетъ, что всякое дѣйствіе, въ которомъ есть корысть или, какъ выражаются іоги, „желаніе плодовъ“, связываетъ свободу человѣка, дѣлается для него источникомъ рабства. Тайна праведнаго труда состоитъ въ томъ, чтобы трудиться изъ любви къ самому труду, изъ желанія уплатить свой долгъ другимъ и изъ потребности участвовать какъ можно совершеннѣе въ міровой дѣятельности безъ расчета на результаты труда для себя самого. Такое отношеніе къ своей дѣятельности убиваетъ эгоизмъ и ведетъ къ раскрытію духовныхъ силъ и высшаго сознанія. Къ этимъ бѣглымъ указаніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что всѣ великіе духовные вожди чело-

вѣчества были—не сознавая того—послѣдователи Карма-іоги; они дѣйствовали не для себя, не ради своего эгоизма, а изъ любви къ людямъ.

Бхакти-Іога. Слово „бхакти“ означаетъ благоговѣйное поклоненіе, а іога -единеніе индивидуальной души съ Богомъ. По этому пути духовной эволюціи идутъ люди съ сильно развитымъ сердцемъ, у которыхъ всѣ мотивы дѣятельности сводятся къ горячей любви къ Богу и потребности жить въ гармоніи съ Его волей; отсюда стремленіе къ праведной жизни, къ святости. Всѣ переживанія Бхакти-іоги въ непосредственной связи съ эмоціями и поэтому на *этомъ* пути всѣ усилія и вся дисциплина направлены на культуру эмоцій, на очищеніе сердца и на поддержаніе внутренняго огня; этотъ путь имѣетъ много общаго съ путемъ нашихъ христіанскихъ подвижниковъ. На немъ эгоизмъ разрушается силой любви, а съ разрушеніемъ эгоизма вся душа человѣка преображается, сознаніе его расширяется и онъ вступаетъ въ общеніе съ высшими невидимыми мірами.

Жнана-іога есть путь мудрости, путь знанія, которое истекаетъ изъ сознанія единства Вселенной. Для Жнана-іога все, что существуетъ въ мірѣ—и внѣ человѣка и внутри его—есть проявленіе одной и той же Сути, скрытой подъ всѣмъ видимымъ мірозданіемъ, сути, которая у индусовъ носитъ названіе Брахманъ. Безконечны уподобленія и символы, которыми индусы стремятся изобразить это единое Сущее Вселенной; все остальное, весь феноменальный міръ—лишь тѣни, призраки, лишь Майя, волны, поднимающіяся изъ океана и снова сливающіяся съ нимъ.

Цѣль Жнана-іога—сліяніе души съ Брахманомъ, приведеніе человѣческаго духа, *Атмана*, къ полному единству съ единымъ міровымъ Духомъ. Знаніе этого единства прогоняетъ *авидіа*, незнаніе, гаситъ создаваемую имъ иллюзію нашей отдѣльности отъ остального міра, а вмѣстѣ съ отдѣльностью, уничтожаетъ привязанность къ міру формъ, ко всему временному и условному и разрушаетъ эгоизмъ человѣка. Путь Жнана-іоги долженъ привлекать человѣка, который выше всего ставитъ исканіе истины, у котораго преобладаетъ интеллектъ надъ эмоціями; Жнана-іогъ никогда не отождествитъ себя съ своими ощущеніями, мыслями и настроеніями, какъ это дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ, онъ всегда помнитъ, что онъ—*Атманъ*, не рождаемый и не умирающій, безгрѣшный и неизмѣнный. Цѣль Жнана-іоги просвѣтленіе человѣческой души свѣтомъ Брахмана, послѣ чего разсѣевается вся авидіа и человѣческое Я преображается въ божественную сущность.

Раджа-іогу, что значитъ Царственная Іога, я поставила подъ конецъ потому, что она заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ остальныхъ путей. Царственной она называется оттого, что человѣкъ, вполнѣ овладѣвшій своимъ безпокойнымъ умомъ, способный въ каждую данную минуту сосредоточить его на любомъ предметѣ, развившій свою волю до полнаго господства надъ всей своей сложной природой, становится царемъ, господиномъ надъ всѣми силами природы. По сравненію съ обыденнымъ способомъ мышленія, который можно приравнять къ разсѣенному свѣту, великая сила сосредоточенья, которой достигаетъ Раджа-іогъ, подобна сильному прожектору, ярко освѣщающему тотъ предметъ, на которомъ остановилась мысль іога. Отбрасывая все ненужное изъ поля своего сознанія, іогъ направляетъ на созерцаемый объектъ такую могучую умственную энергію, которая раскрываетъ передъ нимъ всю суть предмета, а не только его видимые признаки, какъ это бываетъ при обыкновенномъ мышленіи. Когда же онъ обращаетъ тотъ же сосредоточенный свѣтъ сознанія на свое высшее Я, онъ начинаетъ познавать свою истинную индивидуальность, передъ нимъ раскрывается божественная природа ея безсмертной сути.

Систему Раджа-іоги вѣрнѣе всего назвать путемъ самоуглубленія и самопознанія, который начинается съ пріобрѣтенія власти надъ низшимъ разумомъ, приводитъ къ раскрытію психическихъ силъ и завершается полной побѣдой духа надъ матеріей. Законъ эволюціи въ системѣ Раджа-іоги—не отвлеченная истина, а живая дѣйствительность, увѣренность въ томъ, что человѣкъ *созидаетъ свой внутренній міръ для вѣчности,* что каждое положительное свойство, которое онъ пріобрѣтаетъ, каждый шагъ впередъ, который онъ дѣлаетъ въ этой жизни, никогда *не теряется,* а остается его достояніемъ *навсегда.* Все внѣшнее, чѣмъ мы владѣемъ на землѣ, оставляется на порогѣ смерти, а то, что мы уносимъ съ собой въ вѣчность, это *нашъ характеръ, наши побѣды,* опытъ нашей безсмертной души.

На первыхъ ступеняхъ Раджа-іоги необходимо твердо усвоить высшіе законы этики, общіе для всѣхъ міровыхъ религій, которые *намъ* такъ хорошо извѣстны по нагорной проповѣди. *Чистота внутренняя* и *чистота внѣшняя* есть фундаментъ практики Раджа-іоги. Здоровое и чистое тѣло, сосредоточенный умъ, твердая воля, полное самообладаніе, постоянство, вѣра въ свою божественность и довѣріе къ своему Учителю,—таковы необходимыя условія для осуществленія Раджа-іоги.

На высшихъ ступеняхъ Раджа-іоги сосредоточенье ума переходитъ въ способность къ глубокой медитаціи, а затѣмъ—въ расширеніе сознанія, которое у іоговъ носитъ названіе самадхи: въ этомъ состояніи экстаза раскрывается духовное зрѣніе, и душа становится лицомъ къ лицу съ живущимъ въ ней Божественнымъ началомъ.

Но идти по пути Раджа-іоги безъ личнаго руководства Учителя нельзя. Нѣкоторыя изъ психическихъ силъ, которыя развиваются благодаря упражненіямъ Раджа-іоги, настолько сильны, что могутъ разрушить нервную систему и довести человѣка до сумасшествія. Это предупрежденіе относится, впрочемъ, какъ уже сказано, въ такой же мѣрѣ и къ другимъ оккультнымъ системамъ.

Прежде чѣмъ перейти отъ восточной системы іоги къ западному оккультизму, слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ относительно общей для всѣхъ отдѣловъ іоги науки о дыханіи или *пранаяма*. Въ Упанишадахъ прана опредѣляется, какъ причина движенія и жизни въ природѣ. Веданта утверждаетъ, что всѣ физико - химическіе процессы—лишь выраженіе живой энергіи праны, что всѣ явленія вселенной развились изъ энергіи, заключенной въ пранѣ.

Іоги утверждаютъ, что прямой причиной всѣхъ болѣзней является недостатокъ въ организмѣ праны, а косвенной—неправильная душевная дѣятельность. Поэтому іоги излѣчиваютъ всѣ болѣзни регулированіемъ праны и гармонизаціей душевной дѣятельности. Нѣкоторые западные цѣлители, слѣдуя примѣру іоговъ, уже начали пользоваться дыхательными упражненіями, но чтобы это воздѣйствіе могло имѣть такіе же удивительные результаты, какъ у іоговъ, слѣдуетъ помнить, что ихъ методы складывались столѣтіями внимательныхъ изслѣдованій и упражненій и ихъ „пранаяма“ совсѣмъ не механическій процессъ вдыханія и выдыханія кислорода, а сознательное распредѣленіе потоковъ жизненной силы (праны) по внутреннимъ органамъ.

Достигнувъ господства надъ своей праной, человѣкъ пріобрѣтаетъ господство надъ всѣми силами своего ума и тѣла, что іоги и доказываютъ своей удивительной властью надъ собой.

По ученію іоговъ, средоточіе праны, этого властителя организма, находится въ нервныхъ центрахъ, расположенныхъ вдоль спинного мозга; это какъ бы аккумуляторы жизненной силы организма. Іогъ, способный имѣть контроль надъ своей праной, можетъ управлять этими аккумуляторами, посылая изъ нихъ нервные токи по избранному направленію; эти токи могутъ пробудить

скрытыя въ человѣкѣ психическія силы, почему всякія упражненія въ *„пранаямъ“* безъ опытнаго Гуру—какъ индусы называютъ Мудреца, Учителя іоги—могутъ вызвать непоправимое зло.—Такое зло почти неизбѣжно, если упражненія въ „сознательномъ дыханіи“ дѣлаются по книгамъ, въ которыхъ многое не договаривается, и которыя не могутъ давать *индивидуальныхъ* указаній, а между тѣмъ каждый организмъ настолько отличается отъ всякаго другого, что указаніе, полезное для одного, можетъ вызвать совсѣмъ не тотъ результатъ у другого. Даже и обыкновенное ритмическое глубокое вдыханіе можетъ привести къ печальнымъ результатамъ, если имъ злоупотреблять, такъ какъ оно слишкомъ напрягаетъ легкія и увеличивая объемъ легочной ткани, можетъ привести къ болѣзненнымъ явленіямъ.

Въ книгахъ, появившихся за послѣднее время, говорится открыто о спинно-мозговыхъ каналахъ, о токахъ „ида“ и „пингали“, о чакрамахъ, объ огнѣ Кундалини и другихъ скрытыхъ силахъ человѣка. Все это существуетъ, но мудрецы древности хранили ихъ въ глубокой тайнѣ, потому что всякій шагъ въ этой области требуетъ большихъ оккультныхъ знаній и дѣлать какіе бы то ни было опыты въ этомъ направленіи—такое же безуміе, какъ допустить невѣжественнаго человѣка хозяйничать въ лабораторіи, наполненной взрывчатыми веществами. Вотъ почему совсѣмъ не слѣдовало бы говорить объ этихъ вещахъ. Если бы, слѣдуя общимъ указаніямъ, даваемымъ книгой или немудрымъ руководителемъ, кому-нибудь и удалось пробудить Кундалини, эту огненную силу, какъ ее выразительно называютъ въ оккультизмѣ, человѣкъ этотъ или поплатился бы жизнью, или сошелъ съ ума, или, что еще хуже, сдѣлался бы жертвой тяжкаго извращенія.

Выше мы видѣли, что всѣ оккультные методы древней Индіи вели къ ускоренной психической и духовной эволюціи; много религіозныхъ индусовъ—а въ древней Индіи весь основной тонъ жизни былъ религіозный—таили въ своей душѣ мечту стать челами, учениками мудраго іога. Но хотя религіозный идеалъ іоговъ былъ въ великомъ почетѣ, доступъ къ оккультному обученію былъ чрезвычайно труденъ: допускались только готовые *къ подвигу великаго напряженія, смиреннаго терпѣнія и непоколебимаго довѣрія къ своей божественности и къ своему Учителю.* Опредѣлить степень готовности ученика могъ только Учитель, который видѣлъ ауру ученика и по ней могъ безошибочно судить, насколько онъ способенъ выдержать напряженіе Крутого пути. Сохраняя уединеніе, совершенно необходимое для іога, Учитель оккультизма

не открывалъ своего мѣстожительства, и только когда видѣлъ, что ученикъ готовъ—для этого іогу не нужно было свѣдѣнія на физическомъ планѣ, онъ видѣлъ ученика въ его астральномъ тѣлѣ ночью,—тогда онъ подавалъ ему знакъ и призывалъ къ себѣ. Отсюда извѣстное изреченіе: *когда готовъ ученикъ, готовъ и Учитель.*

Отношенія между челой и Учителемъ настолько святы въ Индіи, что никакой нескромности со стороны челы не можетъ быть, и благодаря этому уединеніе Учителя обезпечено вполнѣ.

Такъ продолжается и до сихъ поръ, и тѣ европейцы, которые стремятся въ Индію, чтобы найти мудраго іога, возвращаются всегда разочарованные; имъ это не удается, а если бы и удалось, никто не узналъ бы о томъ никогда.

Такъ обстоитъ дѣло съ восточнымъ оккультизмомъ. Когда же мы обратимся къ оккультизму западному, тутъ передъ нами развернется совершенно иная картина. Но прежде чѣмъ продолжать, я должна предупредить моихъ слушателей, что я совсѣмъ не касаюсь путей западной мистики. Это путь религіознаго чувства, а я говорю исключительно объ оккультизмѣ, который есть путь *знанія.* Я сравниваю только оккультные методы Востока и Запада, а не религіозные. Послѣ этой оговорки, я буду продолжать.

На Западѣ, благодаря характеру религіозныхъ ученій, идея эволюціи совсѣмъ не существовала. Каждая человѣческая личность разсматривалась, какъ возникшая и законченная въ *одной* земной жизни. Слѣдовательно, всякія психическія силы, не имѣвшіяся у средняго человѣка даннаго времени, считались ненормальными; а такъ какъ въ темные средніе вѣка дьяволъ игралъ выдающуюся роль, то всѣ такія явленія производились отъ нечистой силы. Отсюда стремленіе скрывать сверхнормальныя психическія способности, а со стороны знающихъ оккультистовъ — естественное желаніе создать такія условія, при которыхъ было бы возможно наблюдать за психиками и руководить ими безъ опасенія навлечь на себя преслѣдованія. Такъ должны были возникнуть темныя оккультныя школы, которыя въ воображеніи необразованныхъ людей соединялись съ чѣмъ-то грѣховнымъ, страшнымъ и сатанинскимъ. Отсюда запретъ на такія школы и отрицательное отношеніе къ нимъ церкви. Самое названіе оккультныхъ наукъ на Западѣ „Les sciences maudites“ —„проклятыя науки“—очень выразительно и подтверждаетъ мою мысль. И нужно думать, что многія изъ этихъ школъ дѣйствительно принимали характеръ черной

магіи; это психологически даже неизбѣжно, разъ вокругъ такихъ центровъ скоплялись цѣлыя тучи невѣжественныхъ подозрѣній, вражды и страшныхъ мысле-образовъ.

Въ виду этихъ условій, къ оккультизму на Западѣ относились вплоть до нашихъ дней съ предубѣжденіемъ и непониманіемъ. Въ истекшемъ столѣтіи европейская мысль все болѣе кристаллизовалось въ матеріализмѣ, а къ концу XIX вѣка на все сверхфизическое, потустороннее или, какъ тогда называли, „не реальное“ вождями интеллигенціи былъ наложенъ запретъ. Европейское сознаніе оторвалось окончательно отъ всего, что переступало границу физическаго. Все оккультное было отнесено въ область суевѣрія.

Какъ разъ къ этой эпохѣ нужно отнести серьезное выступленіе на арену спиритизма, сперва въ Америкѣ, а затѣмъ и у насъ въ Россіи. Серьезная заслуга спиритизма въ томъ, что онъ первый расшаталъ матеріалистическое представленіе о человѣкѣ, которое господствовало тогда въ Европѣ. Появленіе умершихъ людей на спиритическихъ сеансахъ повернуло вниманіе къ потустороннему міру. Обнаружились медіумическіе люди, легко впадавшіе въ трансъ, во время котораго возникали самыя необыкновенныя явленія.

Я не могу останавливаться на развитіи оккультизма на Западѣ; скажу только нѣсколько словъ о методахъ раскрытія психическихъ силъ, которыя чаще другихъ употреблялись въ Европѣ. Всѣ они имѣютъ то общее, что приводятъ человѣка въ состояніе транса, когда мозгъ и физическія чувства перестаютъ дѣйствовать, временно парализуются. Это необходимо, потому что физическія вибраціи гораздо грубѣе и рѣзче быстрыхъ и нѣжныхъ вибрацій высшихъ міровъ и, чтобы соприкоснуться съ послѣдними, необходимо на время заставить замолчать вибраціи физическаго міра. Въ древнихъ методахъ Раджа-іоги это устраненіе грубыхъ вибрацій физическаго мозга достигалось развитіемъ сосредоточенія, силы воли и пробужденіемъ духовности; западные методы, насколько они стали извѣстны, приближаются къ Хатха-іогѣ и дѣйствуютъ главнымъ образомъ путемъ *внѣшнихъ* средствъ: разныхъ одуряющихъ куреній и наркотическихъ экстрактовъ, какъ гашишъ; посредствомъ пристальнаго глядѣнья въ кристалъ или на свѣтящуюся точку; путемъ быстрыхъ вращательныхъ движеній, вызывающихъ сильное головокруженіе; посредствомъ усиленнаго дыханія, которое дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ на мозгъ; посредствомъ сосредоточенія на солнечномъ сплетеніи, что вызываетъ притокъ

праны къ этому центру, послѣдствіемъ чего является иногда раскрытіе низшаго вида ясновидѣнія; посредствомъ безпрерывнаго повторенія одной опредѣленной формулы; посредствомъ месмерическихъ пассовъ и гипнотическаго внушенія. Всѣ эти способы безусловно вредны: они ведутъ къ нарушенію здороваго равновѣсія организма и къ разстройству нервной системы; и при томъ *не даютъ никакихъ цѣнныхъ результатовъ.* Потому что можно даже проникнуть въ астральный міръ и ровно ничего не разобрать въ немъ, не вынести изъ этого соприкосновенія ничего опредѣленнаго и полезнаго. Всѣ усилія и все напряженіе этого рода можно считать въ полномъ смыслѣ потеряннымъ временемъ.

Изъ того немногаго, что я имѣла время высказать, мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы мои слушатели выяснили себѣ всю разницу между обоими методами развитія психическихъ силъ: одинъ методъ развиваетъ духовныя силы человѣка и уже какъ результатъ этого развитія вызываетъ къ дѣятельности и его психическія силы; этотъ методъ ведетъ человѣка впередъ, приближаетъ его ускореннымъ темпомъ къ высшему человѣческому типу.

Другой методъ, дѣйствующій одуряющимъ или парализующимъ образомъ на физическое сознаніе, можно по всей справедливости назвать регрессомъ, возвращеніемъ вспять, къ низшему типу.

Человѣчество успѣло пройти до нашихъ дней черезъ нѣсколько фазисовъ развитія: нѣкоторыя изъ тѣхъ функцій, которыя у насъ совершаются безсознательно, были прежде сознательными; и каждый разъ, когда одна изъ дѣятельностей нашего организма падала въ область подсознательную, освобождалась энергія для выработки *новой способности.* Такъ, въ періодъ Атлантиды люди были психичны; у замѣнившей Атлантовъ Арійской расы психизмъ *опустился въ область подсознанія,* а вся освободившаяся энергія направилась на развитіе интеллекта. Несомнѣнно, что тотъ же законъ дѣйствителенъ и для насъ, и многое, что въ настоящее время требуетъ отъ насъ сознательныхъ усилій, опустится въ область подсознательную и освободитъ энергію для развитія высшихъ свойствъ.

Каковы же будутъ эти свойства?

Въ то время, когда люди развивали такъ энергично свой интеллектъ, они атрофировали въ себѣ проводники низшаго психизма; но эволюція человѣка не останавливается, она продолжается: куда же направится она?

Если допустить расширенное представленіе о вселенной и рядомъ съ ея физической областью, въ которой мы сознательно участвуемъ всѣми нашими физическими дѣятельностями, признать и сверхфизическія области, въ которыхъ мы, хотя и безсознательно, но все же непрерывно участвуемъ всѣми нашими душевными и духовными процессами, ибо наши страсти, чувства и мысли принадлежатъ не физическому міру, то по логикѣ вещей это наше участіе въ высшихъ мірахъ должно становиться все болѣе и болѣе сознательнымъ, а это въ свою очередь должно повести къ развитію скрытыхъ теперь психическихъ и духовныхъ силъ человѣка. За это ручается законъ эволюціи: когда появляется потребность, возникаютъ и проводники для удовлетворенія возникшей потребности. Нашъ интеллектъ ограниченъ предѣлами физическаго міра; чтобы проникнуть за его грани, нужно пробудить высшее сознаніе.

Что же намъ дѣлать, чтобы содѣйствовать этому пробужденію? Что поможетъ намъ ускорить наше движеніе къ совершенному человѣческому типу?

Очевидно, намъ нужно ввести нѣчто новое въ нашу жизнь, такъ какъ старое все уже использовано и мы начинаемъ выростать изъ старыхъ рамокъ.

Гдѣ же намъ искать это новое? Выше я упомянула вскользь о томъ, что новѣйшая философія въ лицѣ Бергсона начинаетъ приближаться къ признанію иной формы сознанія, проявляющейся помимо мозга и развивающейся по совершенно инымъ линіямъ. Бергсонъ относитъ эту иную форму сознанія къ области инстинкта, хотя и ставитъ ее *надъ* интеллектомъ. Его изслѣдованія чрезвычайно важны, такъ какъ они раскрываютъ для насъ двери въ область сверхсознанія и кладутъ основы для научнаго изслѣдованія тѣхъ видовъ сознанія, которые до сихъ поръ были доступны только для религіознаго опыта нашихъ святыхъ и подвижниковъ. Ученія Теософіи, не противорѣча выводамъ Бергсона, идутъ далѣе: они утверждаютъ, что этотъ высшій инстинктъ Бергсона или высшее сознаніе Теософіи—въ прямой связи съ міромъ эмоцій. Внѣ развитія высшихъ эмоцій, невозможно пробужденіе высшаго сознанія. Въ этомъ ключъ къ психологіи пророковъ, нашихъ святыхъ и восточныхъ іоговъ. И тотъ фактъ, что послѣднее слово современной философской мысли и основныя положенія древней мудрости сходятся, даетъ намъ увѣренность, что мы стоимъ на вѣрномъ пути.

Изученіе сверхсознанія—область еще совершенно новая на Западѣ *), но кто знакомъ съ теософическими ученіями и съ психологическими методами іоговъ, тотъ знаетъ, какъ необходимо для расширенія сознанія развитіе чувства симпатіи, любви, единенія, сліянія съ міромъ внѣ нашего „я".—Этотъ законъ высшей ступени нашего сознанія, разъ мы овладѣемъ имъ, пріоткрываетъ передъ нами завѣсу будущаго: онъ говоритъ, что во главѣ всѣхъ человѣческихъ дѣятельностей будетъ стоять не геній интеллекта, а геній нравственности, и что идеаломъ будущаго человѣчества будетъ достиженіе *власти надъ собой*, а не надъ другими, трудъ для блага *всѣхъ*, а не для своей личной выгоды, стремленіе къ вѣчному, а не временному.

Такое будущее настолько расходится съ эгоистическими наклонностями настоящаго, что оно можетъ показаться неосуществимой мечтой.—Но только не для оккультиста, который на личномъ опытѣ позналъ истину эволюціи. Для него настоящее со всѣми его отрицательными сторонами—лишь переходная ступень, а свѣтлое будущее—не мечта, а увѣренность, основанная на опытно познанномъ законѣ.

Кто желаетъ ускорить этотъ переходъ, тотъ *можетъ* сдѣлать это, если будетъ сознательно работать надъ собой.

Какъ?—Въ сущности, наше стремленіе къ развитію оккультныхъ силъ есть плодъ недоразумѣнія — или вѣрнѣе невѣдѣнія. Мы окружены оккультными силами, мы ежечасно и ежеминутно имѣемъ съ ними дѣло: каждый разъ, когда мы создаемъ мыслеобразы, когда мы вибрируемъ различными эмоціями и окрашиваемъ свою ауру вспышками ярко-багровыхъ молній, или окружаемъ ее кольцами тусклаго мертвенно-сѣраго цвѣта, допуская въ себя мертвящее уныніе, когда мы разсылаемъ во всѣ стороны мысленные токи и сами воспринимаемъ чужіе токи помощью маленькаго аппарата въ нашемъ мозгу (glandula pinealis), который такъ хорошо извѣстенъ оккультистамъ, — мы все время имѣемъ дѣло съ нашими оккультными силами, но только невоздѣланными, хаотическими, до правильнаго развитія которыхъ мы даже еще и не додумались. Мечтать о магіи, когда живешь все время въ цѣломъ океанѣ магіи, среди непрерывной сѣти перекрещивающихся во всѣ стороны вибрацій и магнетическихъ токовъ, идущихъ отъ одной души къ другой; въ океанѣ, гдѣ бушуютъ свои

---

*) Обращаю вниманіе на книгу проф. Джемса: „Многообразіе религіознаго опыта" и на книгу „Космическое сознаніе" проф. Бёке.

бури, который сотрясается жестокими взрывами страстей и страданій — мечтать объ этомъ можно только по невѣдѣнью. Это похоже на то, какъ если бы садовникъ вздумалъ выписывать съ другого конца свѣта сѣмена заморскихъ цвѣтовъ, а въ это время ростки своихъ собственныхъ цвѣтовъ допустилъ топтать ногами и заполонить сорной травой.

Мечтая о развитіи оккультныхъ силъ, мы очень похожи на этого садовника. Мы еще и не принимались за культуру нашего собственнаго сада, наполненнаго сѣменами и ростками прекрасныхъ нераспустившихся цвѣтовъ, и намъ даже въ голову не приходитъ, какъ прекрасно можетъ расцвѣсти этотъ садъ, если мы приложимъ къ нему разумный трудъ и необходимое знаніе. Философія Раджа-іоги учитъ, что *внѣшній міръ есть лишь отраженіе внутренняго міра,* и въ этомъ скрыта глубокая истина. Мы же, воспитанные на идеяхъ европейскаго Запада, все время ошибочно воображаемъ, что внутренній міръ можетъ стать отраженіемъ внѣшняго міра и поэтому устремляемъ всѣ наши надежды и всѣ усилія на внѣшній порядокъ вещей.

Наша статистика изучаетъ до мельчайшихъ подробностей всѣ внѣшнія условія человѣческаго общежитія, наши ученые создали строго разработанную политико-экономическую науку, въ которой всѣ человѣческія бѣдствія объясняются внѣшними причинами. А если бы мы открыли новый отдѣлъ статистики, статистики внутренней и подвели бы итоги всѣмъ тѣмъ страданіямъ, которыя люди причиняютъ другъ другу своей внутренней грубостью, своимъ непониманіемъ, своей несправедливостью, жадностью и безжалостнымъ эгоизмомъ?

Если бы мы раскрыли скрытыя глубины семейной хроники и увидѣли сколько ненужнаго страданія переноситъ ребенокъ съ первыхъ дней своей сознательной жизни; какъ много затаенныхъ обидъ, сколько затоптанныхъ упованій и разбитыхъ сердецъ занесено въ графу: *семейное счастіе;* сколько ранъ отъ невѣрности друзей, отъ вѣроломства товарищей по работѣ, сколько неисчислимыхъ бѣдствій отъ сплетенъ, клеветы и злословія; если бы мы подвели итоги всѣмъ нравственнымъ несправедливостямъ и притѣсненіямъ, которыя имущіе властные люди причиняютъ людямъ, зависящимъ отъ нихъ въ частной жизни; если бы мы открыли графы для всей душевной грубости и надменной бездушности, отъ которой необразованные слои народа страдаютъ при столкновеніи съ своими безчисленными начальниками, — навѣрно эта статистика заставила бы поблѣднѣть всѣ обиды, утѣ-

сненія и несправедливости, которыя идутъ отъ *внѣшняго порядка вещей.* А между тѣмъ эта статистика *внутренняго порядка* вещей—въ нашей власти, для нея не нужно никакихъ внѣшнихъ переворотовъ, а нужно одно: обратить свои требованія лично на себя и начать съ полнаго переворота существующаго порядка *внутри себя.* Когда мы придемъ къ этому сознанію—а мы уже начинаемъ приходить къ нему—тогда мы будемъ *вынуждены* работать на оба фронта: создавать не только внѣшнюю культуру, но и внутреннюю, стремиться не только къ благообразію внѣшняго строя, но и къ водворенію истинной человѣчности въ нашъ внутренній обиходъ. И когда эта новая статистика возникнетъ въ совѣсти людей, тогда мы воочію убѣдимся, насколько правы были древніе мудрецы, утверждая, что *внѣшній міръ есть лишь отраженіе внутренняго міра.*

Какимъ образомъ приняться за культуру нашего внутренняго міра, на этотъ вопросъ я все время старалась отвѣтить — на сколько это возможно въ короткомъ докладѣ.

Въ самомъ его началѣ я остановилась на культурѣ тѣла: нужно начать съ очищенія нашего физическаго проводника и съ водворенія здороваго режима въ нашей физической жизни. Но это—только *первый* шагъ: за нимъ должно послѣдовать созиданіе характера по тѣмъ идеальнымъ линіямъ, до которыхъ сознаніе наше доросло, очищеніе всѣхъ нашихъ эмоцій, мыслей, чувствованій и стремленій и побѣда надъ нашими страстями.

Въ этой области дѣйствуютъ тѣ же законы, что и въ области развитія физическихъ силъ: *постоянное упражненіе, терпѣливое и настойчивое, не допускающее перерывовъ,* можетъ самаго обыкновеннаго человѣка преобразить въ высшій человѣческій типъ, давъ ему большую нравственную силу. Необходимо смотрѣть на всѣ задачи нашей жизни, и крупныя и самыя мелкія, какъ на школу для воспитанія идеальнаго характера, необходимо пользоваться всѣми средствами, чтобы ежечасно и ежеминутно бороться съ своимъ эгоизмомъ, нужно не пропускать ни одного изъ случаевъ—а случаи эти на каждомъ шагу который представляется для безкорыстнаго служенія людямъ, и если у васъ хватитъ силы воли, чтобы провести такую работу въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени,—вы увидите, что она вызоветъ къ жизни всѣ высокія силы духа, заложенныя въ каждой человѣческой душѣ.

Самое большое препятствіе для развитія психическихъ и духовныхъ силъ человѣка, это—*ложь. Правда* должна проникать всю жизнь того, кто стремится перейти на высшую ступень: она должна свѣтить во всѣхъ его мысляхъ, словахъ и поступкахъ.

Въ непосредственной связи съ правдой стоитъ *чистота души:* изгнавъ изъ нея ложь, мы этимъ самымъ водворимъ *чистоту* въ нашъ внутренній міръ и положимъ правильное основаніе для развитія истинной духовной культуры въ нашемъ внутреннемъ мірѣ.

Одно изъ самыхъ важныхъ условій для развитія силы и красоты характера, это—сосредоточенное вниманіе ко всему, что мы дѣлаемъ. Нужно стараться дѣлать все по возможности въ совершенствѣ: эти старанія водворятъ порядокъ и красивый ритмъ въ нашъ внутренній укладъ и въ то же время и во всѣ наши привычки.

Второе, что можетъ намъ помочь, это безпредѣльная творческая сила мысли: воистину „человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ постоянно думаетъ", какъ сказано въ одной изъ свящ. книгъ древней Индіи. Медитація или сосредоточенное размышленіе ежедневно, въ опредѣленное время надъ свойствами, которыя мы хотимъ пріобрѣсти, является вѣками провѣреннымъ могучимъ средствомъ для преобразованія себя въ тотъ идеальный типъ, который мы поставимъ передъ собой.

При настойчивости и терпѣніи, безъ которыхъ нечего и мечтать объ оккультизмѣ, продолжая медитацію безъ перерыва изо дня въ день, человѣкъ пріобрѣтаетъ способность исключать изъ поля своего сознанія всѣ мысли кромѣ той, которую онъ поставитъ передъ собой. Послѣ долгой практики можно достигнуть того, что даже эту одну мысль можно удалить изъ поля своего сознанія и если удастся удержать на нѣсколько мгновеній углубленную сосредоточенность при совершенно освободившемся полѣ сознанія, сознаніе можетъ покинуть мозгъ и тогда человѣкъ окажется прозрѣвшимъ и невидимые міры откроются для его воспріятія. Это и есть нормальный путь къ пріобрѣтенію ясновидѣнья и сверхсознанія.

Я не могу болѣе задерживать вашего вниманія и должна остановиться на этомъ, едва прикоснувшись къ самой интересной, самой глубокой и увлекательной изъ всѣхъ темъ — культурѣ человѣческой души. Кто интересуется этимъ вопросомъ, тотъ найдетъ драгоцѣнныя указанія въ теософической литературѣ, особенно въ книгахъ Анни Безантъ: „Въ преддверіи Храма" и „Законы Высшей Жизни" и „Путь Ученичества"; въ книгѣ молодого индуса Кришнамурти: „У ногъ Учителя", въ „Голосѣ Безмолвія" и „Свѣтъ на Пути". Всѣ эти книги имѣются въ русскомъ переводѣ.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сдѣлать краткій выводъ изъ всего, что мнѣ удалось высказать здѣсь. Всю мою рѣчь можно вмѣстить въ одно знакомое для всѣхъ евангельское изреченіе: „Ищите же прежде Царствія Божія и Правды Его, и это все приложится вамъ". Матѳ. гл. 7, 33.

Бездонно-глубокій смыслъ этого изреченія говоритъ, что человѣкъ безконечно лучше того, чѣмъ мы его сдѣлали по невѣдѣнію; онъ говоритъ, чтобы мы вѣрили въ свою божественность и устремили свои исканія въ свою собственную глубину, гдѣ въ потаенномъ святилищѣ скрыто все, что нужно для царства Божія, и тогда — все остальное: и мудрость, и власть, и прозрѣніе въ невидимые міры, и всѣ магическія силы,—придутъ къ намъ сами собой, какъ естественное послѣдствіе нашего достиженія.

Е. Писарева.

Еванг. отъ Іоанна. Глава 5, ст. 24, Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти къ жизни.

25. Истинно, истинно говорю вамъ, наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ.

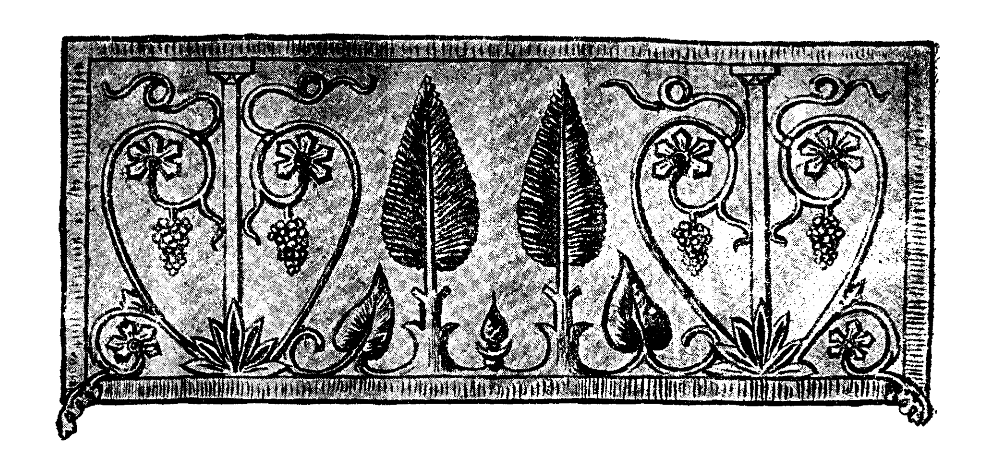
26. Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ.

27. И далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ Человѣческій.

28. Не дивитесь сему: ибо наступаетъ время, въ которое всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія.

29. И изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія.

Отъ смерти къ безсмертію.

(*Окончаніе* *).

Почему же это единеніе, котораго сладость мы знаемъ и котораго осуществленія ищемъ—мнѣ кажется даже, что только его одного и ищемъ мы—почему же это единеніе ощущается такъ рѣдко? Что является главнымъ препятствіемъ къ переживанію этого состоянія? Надо ли говорить какъ часто такимъ препятствіемъ является наша наивность, заставляющая насъ видѣть единеніе во внѣшнихъ признакахъ его существованія, заставляющее дѣлать попытки добиться единенія путемъ осуществленія этихъ внѣшнихъ признаковъ, характеризующихъ его переживаніе? Эта причина уничтожается конечно при сколько нибудь вдумчивомъ отношеніи къ жизни. Между нами и живымъ ощущеніемъ единства лежитъ другое гораздо съ бóльшимъ трудомъ устранимое препятствіе.

Мы можемъ ощутить единство только одною цѣною, только цѣною отреченія отъ себя, цѣною отказа отъ личности. Только *отдавши* себя мы можемъ стать цѣлымъ. Намъ же хочется пріобрѣсти единеніе *даромъ*, сохранивши себѣ свое. Трогательны попытки, которыя дѣлаетъ человѣчество, стремясь осуществить эту, по условію, неразрѣшимую задачу. Обыкновенно дѣло начинается съ того, что достигнуть единенія стремятся путемъ принужденія другихъ подчиниться—слиться въ работѣ и въ цѣляхъ—

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“, № 3, стр. 24.

намъ. Вѣка должны пройти, пока убѣдятся, что рабство не есть единеніе. Затѣмъ начинаютъ стремиться достигнуть единенія, пожертвовавши „кое-что" и поровну. Прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы мое „кое-что" было какъ можно меньше, а „кое-что" сосѣда какъ можно больше, мы учимъ въ настоящее время тотъ несложный урокъ, что вражда также не можетъ считаться единеніемъ.

Только найдя то, чему мы можемъ отдаться цѣликомъ, безъ оглядки, безъ расчета и не только не ожидая, но и не желая ничего взамѣнъ, только принеся этому Высшему въ жертву всю свою личность, мы можетъ ощутить чувство единенія съ Цѣлымъ. Только забывши о себѣ хотя бы на минуту, мы можемъ пережить хотя минутное ощущеніе единенія.

Это главное препятствіе къ осуществленію единенія окажется въ значительной степени ослабленнымъ, какъ только въ своихъ поискахъ опытно осознаваемаго безсмертія мы примемъ и сдѣлаемъ постояннымъ содержаніемъ нашего сознанія постулатъ единства человѣчества. Наличіе этого постулата, какъ я указалъ уже раньше, будетъ привлекать наше вниманіе къ фактамъ, подтверждающимъ это положеніе и между прочимъ къ факту глубокой однородности душевнаго міра всѣхъ людей. Наша привычка мыслить, обращая вниманіе преимущественно на ошибки и на то, въ чемъ заключается различіе, мѣшаетъ намъ видѣть и истину и то, въ чемъ заключается сходство. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ пріучаться къ другому способу воспріятія жизни, это сходство все болѣе будетъ бросаться намъ въ глаза. Мы увидимъ за внѣшнимъ разнообразіемъ поступковъ глубокое тождество побужденій, которыя и насъ привели бы къ тѣмъ же поступкамъ, если бы мы попали совершенно въ тѣ же условія; за внѣшнимъ безконечнымъ многообразіемъ сужденій и мнѣній мы увидимъ тожественные пріемы, законы и формы мышленія, которые и насъ привели бы къ совершенно такимъ же выводамъ, если бы у насъ были совершенно тѣ же предпосылки и тотъ же самый запасъ знаній. Съ другой стороны, изученіе—въ поискахъ своего Я—внутренняго нашего міра приведетъ насъ къ убѣжденію, что какъ разъ то, что мы привыкли цѣнить въ себѣ: наше—не такое, какъ у другихъ—знаніе о мірѣ, наши, такія глубокія, интенсивныя, совсѣмъ особенныя переживанія и чувства—не только не принадлежатъ собственно къ нашему Я, являясь только багажемъ набраннымъ Имъ, только болѣе привычными вещами Его обихода, но даже совсѣмъ *не наши*, такъ какъ весь матеріалъ для нихъ созданъ жившими до насъ и съ нами, подавляющее большинство

построеній изъ этого матеріала принято нами цѣликомъ въ готовомъ видѣ—мысли на вѣру, а эмоціональное отношеніе по внушенію и по привычкѣ, а то крайне немногое, что дѣйствительно создано, то есть передумано, пережито, перечувствовано и воплощено въ жизнь нами, есть только случайно наша доля работы, такъ какъ при наличіи того же багажа, который имѣлся у насъ, каждый совершенно также исполнилъ бы ту же задачу.

Такимъ образомъ, отдача себя, жертва своею личностью неожиданно окажется значительно легче въ виду того, что цѣнности, составляющія это „себя“ въ значительной степени оказались мнимыми, во всякомъ случаѣ лишенными исключительнаго значенія. Благодаря этому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ связанное съ отказомъ отъ себя достиженіе единенія также становится легче, а переживаемое при этомъ единеніи чувство радости и полноты жизни является чрезвычайно сильнымъ стимуломъ, заставляющимъ энергичнѣе производить работу выдѣленія истиннаго нашего Я отъ его оболочекъ, затемняющихъ настоящую его сущность.

Вглядываясь съ чуткимъ вниманіемъ въ жизнь окружающихъ насъ людей и безпристрастно разсматривая собственныя свои переживанія, мы уничтожаемъ ту ошибочную мысль, что содержаніе нашего сознанія имѣетъ какую бы то ни было бо́льшую цѣнность по сравненію съ содержаніемъ сознанія другихъ людей. Разъ эта *мысль* уничтожена, *ощущеніе* исключительной цѣнности своихъ переживаній лишается самой существенной своей опоры, и, будучи одновременно лишено поддержки и съ другой стороны, поддержки, заключавшейся въ мысли, что эти-то переживанія и составляютъ наше Я, ощущеніе это гаснетъ и мы начинаемъ относиться къ душевному нашему міру такъ же, какъ къ душевному міру всѣхъ другихъ людей, т. е. какъ къ маленькой струйкѣ въ великомъ потокѣ жизни человѣчества, струйкѣ, находящейся въ сферѣ нашего вниманія и потому подлежащей изученію, но не имѣющею *никакого* самостоятельнаго значенія. Наша способность видѣть міръ иначе, чѣмъ видятъ его другіе, препятствуетъ воспріятію реальности, скопленные нами отрывки знаній, отрывки, которые мы уже переросли, препятствуютъ нашему дальнѣйшему движенію къ истинѣ, наши личныя желанія влекутъ насъ во всѣ стороны, кромѣ той, куда стремится наше истинное Я: словомъ все, что мы считали своимъ богатствомъ, оказывается скорѣе оковами; дворецъ, въ которомъ обитало наше Я, оказывается тюрьмою.

Если въ такомъ состояніи мы увидимъ приближающуюся къ намъ неотвратимую и неизбѣжную смерть, ничто въ ней уже не будетъ въ состояніи потрясти нашу душу. Мы совершенно ясно будемъ ощущать, что наше Я, этого познающаго безстрастно созерцающаго потокъ мыслей, ощущеній, желаній, развертывающихся на плоскости временно-пространственнаго бытія, того, что мы называемъ своею личностью, что это Я наше нельзя не только уничтожить, но даже поколебать чѣмъ нибудь находящимся въ условіяхъ этого конечнаго, прерывистаго бытія. Мы не будемъ также больше бояться страданій, ибо въ своей работѣ здѣсь, въ поискахъ своего Я, мы узнаемъ, что страданія и наслажденія не даются извнѣ, а суть результаты нашего отношенія къ внѣшнимъ условіямъ; и задолго до того, какъ въ душѣ нашей окончательно поселится знаніе своего безсмертія, мы будемъ умѣть оставаться счастливыми въ условіяхъ, дѣлающихъ страдающими рабовъ жизни, и будемъ находить и добровольно брать на себя, среди благопріятныхъ и счастливыхъ (для раба) жизненныхъ формъ, то внутреннее страданіе, которое неразрывно связано съ познаваніемъ, съ творчествомъ новыхъ формъ и разрушеніемъ формъ старыхъ, познаваніемъ, котораго единственный методъ есть страданіе—это *благословеніе*, а не проклятіе человѣка.

И мы будемъ знать, что съ нами не уйдетъ изъ міра ни одной частицы того, что представлялось намъ цѣннымъ, ибо то, что было пережито и воспринято нами какъ прекрасное или истинное, было создано всѣми и останется послѣ насъ, то, что кажется намъ необходимымъ сдѣлать, если оно дѣйствительно, необходимо будетъ исполнено такъ же хорошо тѣми, кто замѣнитъ насъ въ нашей работѣ, какъ и нами. Маленькая струйка, за которой слѣдило наше сознаніе, исчезнетъ, но каждая капелька, ее составлявшая, каждое отдѣльное переживаніе, каждая мысль или стремленіе останутся существовать, слившись съ другими струйками вѣчно мѣняющагося и вѣчно остающагося неизмѣннымъ человѣческаго потока. И все, что было милаго на этой зеленой залитой солнцемъ планетѣ, вѣчною радостью будетъ озарять соприкасающіяся съ нею все новыя и новыя сознанія, пока мы, переработавъ весь собранный опытъ, переживъ всѣ доступныя намъ на этой ступени формы сознанія, не рѣшимся снова попытаться воплотить въ тяжкихъ условіяхъ земного бытія ту красоту и правду, которая такъ ослѣпительно ярка въ сферѣ чистой мысли и такъ плохо укладывается въ инертныя формы земной жизни человѣчества.

Съ спокойствіемъ экспериментатора будемъ мы наблюдать какъ протекаютъ послѣдніе часы сознанія въ условіяхъ мозга, въ условіяхъ земного воспріятія времени ограниченнаго физическаго пространства. Какъ послѣдніе часы изгнанія протекутъ для насъ эти часы, часы полные предсмертной муки для вѣрящаго въ свою смерть человѣка. И если даже часы эти будутъ сопровождаться физическими страданіями, они будутъ для насъ полны радости, ибо каждая минута будетъ приближать насъ къ заслуженному отдыху и покою.

И когда въ максимумѣ страданій сердце становится на высотѣ своего послѣдняго сокращенія, мы радостно встрѣтимъ заливающій поле сознанія океанъ свѣта, не задерживаемаго болѣе матерьяльнѣйшею изъ преградъ, свѣта, отдѣльныя волны котораго уже встрѣчались и въ земной жизни, когда въ поискахъ „Я", учась владѣть своими проводниками, намъ удавалось на мигъ, подчинивъ себѣ свои чувства, перестать слышать назойливый шумъ временнаго, заглушающій для неокрѣпшаго вниманія тихій голосъ Вѣчнаго.

Но все же жало смерти еще не вырвано. Пусть на личномъ опытѣ убѣдимся мы, что не можетъ уничтожиться съ разрушеніемъ тѣла наше Я, что радостнымъ ожиданіемъ могутъ быть исполнены предсмертные часы и экстатически прекрасенъ самый моментъ смерти, все же это дорога только для сильныхъ, быть можетъ даже для исключительно сильныхъ, а слабыя души, такъ безпомощно жмущіяся около насъ, такъ безконечно дорогія намъ самою своею слабостью—онѣ должны вѣдь переживать снова и снова ужасъ предсмертной тоски, горе вѣчной разлуки? Вѣдь не могутъ они пройти трудную работу духовной культуры, разрушающей вѣру въ смерть, и никто другой не можетъ сдѣлать эту работу за нихъ? И къ чему нужна намъ побѣда надъ личною смертью, если мы не можемъ даровать это безсмертіе другимъ? Нѣтъ это не такъ, вѣрнѣе это не совсѣмъ такъ. Нельзя продѣлать работу вмѣсто какого нибудь опредѣленнаго лица—каждый долженъ самъ рѣшать свою задачу—это вѣрно, но это только половина правды. Мы единое цѣлое и постулатъ человѣческаго единства нуженъ не только для облегченія осознанія своего личнаго безсмертія. И изъ факта нашего единства вытекаетъ то, что съ подъемомъ каждаго поднимается все человѣчество, что какъ не можетъ одно волокно общей ткани подняться не отрываясь, если ткань остается внизу, такъ не можетъ ткань остаться внизу, если хотя одно неразрывно связанное съ нею

волокно поднялось кверху. Въ этомъ знаніи и только въ этомъ знаніи, лежитъ причина того, что возможно стремленіе къ личнымъ достиженіямъ, не являющееся примѣромъ чудовищнаго эгоизма. Посмотримъ же въ какомъ направленіи можетъ быть поднято человѣчество.

Въ настоящее время мы такъ тѣсно переплелись уже и внѣшними условіями жизни, что каждая плодотворная мысль, каждое реальное достиженіе быстро дѣлаются общимъ достояніемъ. Въ этомъ интенсивномъ обмѣнѣ идеями и опытомъ лежитъ источникъ громаднаго ускоренія процессовъ, протекавшихъ въ изолированномъ по отдѣльнымъ національнымъ группамъ человѣчествѣ недавняго прошлаго сравнительно чрезвычайно медленно. Это ускореніе обмѣна идей, это соединеніе, въ одну совокупность опыта всего человѣчества есть въ сущности своей ускореніе ритма исторіи. Мы въ правѣ ожидать, что перемѣны въ интеллектуальномъ, моральномъ и правовомъ сознаніи человѣчества будутъ происходить значительно быстрѣе, чѣмъ въ эпоху до желѣзныхъ дорогъ и электрическаго телеграфа. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, вѣдь съ того момента, какъ эти два фактора вошли въ повседневную жизнь, внѣшнія условія жизни измѣнились чуть не въ томъ же масштабѣ, какъ измѣнились они со времени утилизаціи металловъ до эпохи „уничтоженія разстоянія“, какъ назвалъ бы я эпоху, переживаемую нами въ настоящее время. Вы можете не согласиться со степенью этого ускоренія, но едва ли возможно отвергать самый фактъ наличія таковаго. Посмотримъ же какого радикальнаго сдвига въ міровоззрѣніи человѣчества какъ цѣлаго можемъ мы ожидать для болѣе или менѣе ближайшаго будущаго?

До сихъ поръ усилія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ были направлены преимущественно для осуществленія болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условій жизни. Человѣчество искало до сихъ поръ своего счастья внѣ себя во внѣшнемъ мірѣ. Опытъ отдѣльныхъ людей, непрестанно показывающій, что съ достиженіемъ *одного* условія, приближающаго моментъ удовлетворенія, нарождаются *десять новыхъ* условій, отдаляющихъ этотъ моментъ—этотъ повседневный личный опытъ повидимому не оказывалъ вліяніе на человѣчество въ цѣломъ, упорно вѣрящее, что внѣшними условіями можно добиться болѣе счастливой жизни. Но самая общность современной жизни человѣчества скоро разрушитъ эту сладкую иллюзію. Жизнь человѣчества *дѣйствительно* измѣнилась по сравненію съ прошлымъ и это измѣ-

неніе состоитъ въ томъ, что пока *одна* національная или расовая группа еще добивается осуществленія какого-нибудь внѣшняго условія, передъ нею съ осязательною яркостью встаетъ примѣръ *другой* группы, гдѣ эта ступень не только достигнута, но и показала уже съ очевидностью, что ея достиженіе не даетъ счастья, что самое ея достиженіе выдвинуло рядъ новыхъ ступеней, пройти которыя будетъ еще труднѣе, чѣмъ только что осиленную. И это сознаніе безуспѣшности борьбы по линіи измѣненія формъ, въ смыслѣ достиженія счастья, конечно парализующе дѣйствуетъ на силы работающихъ въ этомъ направленіи. Уже теперь трудно встрѣтить человѣка съ наивною вѣрою добраго стараго времени, что политическими реформами можно добиться сколько-нибудь серьезнаго улучшенія положенія обездоленнаго большинства. Пройдетъ нѣкоторое время и опытъ соціальныхъ перемѣнъ, проведенный въ большомъ масштабѣ, разобьетъ упованія вѣрящихъ, что отсутствіе голода и холода дастъ счастье. И эти разбитыя упованія лягутъ препятствіемъ къ работѣ и тамъ, гдѣ будетъ еще царствовать насиліе, гдѣ и голодъ и холодъ будутъ угрожать каждому, не умѣющему продавать свое тѣло или душу, такъ же какъ угрожали они въ средніе вѣка.

Но параллельно съ этимъ использованіемъ чужого опыта и вызываемымъ имъ разочарованіемъ въ правильности устремленія въ сторону перемѣны внѣшнихъ формъ наша эпоха выдвинетъ еще одинъ факторъ, такъ же зависящій отъ той общности жизни современнаго человѣчества, тѣснаго сплетенія интересовъ, широкаго распространенія знаній даже въ самыхъ низшихъ въ культурномъ отношеніи слояхъ человѣчества. Этимъ новымъ факторомъ, не имѣвшимъ мѣста на протяженіи извѣстной намъ части исторіи земли, будетъ отсутствіе того отношенія къ неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, которое можно было наблюдать еще сравнительно такъ недавно. Какихъ нибудь тридцать лѣтъ тому назадъ бѣдствія, проистекающія отъ дикаго неустройства соціальной жизни человѣчества, принимались массами, какъ чисто стихійныя бѣдствія, абсолютно стоящія внѣ воли и силъ человѣка. Была *Судьба*, грозное, непонятное и всесильное божество, которое заставляло одного страдать, а другого наслаждаться. И страдающій и наслаждающійся были оба убѣждены, что это непреложный порядокъ вещей, который не можетъ быть измѣненъ, почему и подчинялись пассивно обстоятельствамъ, вытекающимъ изъ пріятнаго или непріятнаго дара этой Судьбы. Посмотрите теперь. У наслаждающагося давно уже нѣтъ того олимпійскаго

спокойствія, той увѣренности въ своемъ правѣ наслаждаться, когда рядомъ страдаютъ, и еще меньше сознанія этого права за нимъ въ томъ лагерѣ, гдѣ страдаютъ. Далѣе, и тамъ и тамъ убѣждены, что положеніе это, которое обезпечиваетъ наслажденія немногихъ, за счетъ страданія многихъ, и можетъ и должно быть передѣлано, что измѣненіе этихъ уродливыхъ формъ жизни лежитъ въ предѣлахъ человѣческихъ силъ. Такое сознаніе создаетъ чрезвычайно сильный импульсъ къ поискамъ за болѣе счастливымъ укладомъ жизни и, такъ какъ въ то же время поиски по линіи измѣненія формъ чрезвычайно затруднены ощущеніемъ безплодности *ближайшей* ступени, то есть какъ разъ той, за которую надо бороться, то совершенно необходимо ожидать, что часть этой энергіи къ переустройству обратится по другому направленію, по линіи переустройства *человѣка* въ такомъ отношеніи, чтобы для него перестали быть возможными дѣйствія, направленныя для достиженія наслажденія одного за счетъ страданія другого, за исключеніемъ конечно того случая, когда этотъ другой онъ самъ.

Этотъ процессъ произойдетъ приблизительно такъ, какъ онъ происходитъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Мы видимъ иногда, что тотъ или иной изъ окружающихъ насъ послѣ упорной и часто успѣшной борьбы за то, что называется благами жизни, частью достигнувъ ихъ, частью ярко представляя ихъ себѣ по даннымъ чужого опыта, теряетъ всякій вкусъ ко всему, что только можетъ дать для удовольствія человѣка современная культура. Безъ желаній, безъ цѣли въ жизни, чаще всего безъ вѣры во что либо и безъ идеаловъ, эти люди влачатъ достаточно жалкое существованіе обыкновенно въ тщетныхъ поискахъ какихъ нибудь новыхъ, особенно острыхъ и необыкновенныхъ переживаній. И вотъ иногда при полной опустошенности и безнадежности является безумная мысль о поискахъ по другой линіи, о попыткѣ найти счастье въ отказѣ отъ себя, въ служеніи, въ самоотверженномъ стремленіи къ истинѣ и справедливости, въ томъ или иномъ сверхличномъ дѣланіи. Если мысль эта не будетъ убита, если у человѣка сохранились еще силы для попытки, онъ будетъ спасенъ. Онъ найдетъ счастье, найдетъ восторги, о которыхъ не могъ и мечтать онъ, пока жизнь его и состояла только въ поискахъ личнаго счастья.

Нѣчто подобное можетъ произойти и съ коллективнымъ организмомъ человѣчества. Разочарованіе въ томъ, что политическая и соціальная борьба могутъ дать въ результатѣ людямъ счастье,

повлечетъ за собой или апатію—у человѣчества „опустятся руки“ или устремленіе всѣхъ усилій по линіи внутренней работы. Но состояніе опущенныхъ рукъ не есть выходъ, не есть нѣчто могущее быть стаціонарнымъ и разрѣшиться оно можетъ или въ судороги всесокрушающей, безсмысленной, импульсивной борьбы каждаго противъ всѣхъ или опять-таки во внутренней работѣ, въ попыткѣ добиться счастья путемъ измѣненія *самаго сознанія* человѣчества.

И какъ страдающаго тоскою пресыщенности могутъ вывести изъ его состоянія только безумныя *мысли*, такъ насъ—человѣчество—могутъ вывести изъ нашего состоянія безнадежности только безумные *люди*. Безуменъ тотъ, кто думаетъ, что міръ можетъ быть выведенъ изъ того кошмарнаго болота братоубійственной бойни, въ которой онъ находится сейчасъ,—усиліями отдѣльныхъ лицъ. Вдвойнѣ безуменъ тотъ, кто будетъ разсчитывать, что человѣчество можетъ быть вырвано изъ него безъ насилія и безъ угрозъ, безъ борьбы со старымъ и безъ принужденія въ какой бы то ни было формѣ. И тѣмъ не менѣе только эти безумцы, дерзающіе на безнадежное, одни только и могутъ выполнить эту задачу.

Существуетъ разсказъ о варварскомъ царькѣ, который затушилъ огромный костеръ, приказавъ полку своихъ воиновъ идти въ бушующее пламя, поднявшееся много выше человѣческаго роста. Въ полномъ порядкѣ съ развернутыми знаменами и при звукахъ музыки ринулись храбрые на огромный костеръ и, хотя первые ряды сгорѣли до послѣдняго человѣка, пламя было задушено человѣческими тѣлами, костеръ былъ потушенъ.

Дерзающіе на безнадежное одни только достойны повѣрить не той „тепленькой“ вѣрой, которой вѣримъ мы, а вѣрой, одного зерна которой достаточно, чтобы двигать горы, вѣрой, которая сжигаетъ вѣрующихъ и опаляетъ всѣхъ соприкоснувшихся съ нимъ. Мы увидимъ этихъ вѣрующихъ, мы услышимъ слова полныя не закругленныхъ соображеній, а пламеннаго чувства, не допускающаго тѣни сомнѣній, не дающей мѣста выбору какъ дѣйствовать и что считать правильнымъ, а ярко показывающаго, что такъ дѣйствовать, какъ дѣйствуемъ мы теперь *нельзя*, что признавать правильнымъ то, что признается правильнымъ людьми вѣка сего, значитъ обманывать самого себя и, мирно укрываясь подъ сѣнью компромиссовъ, искать только самоуслажденія въ болѣе или менѣе остроумныхъ интеллектуальныхъ спекуляціяхъ.

Мы, люди жаждущіе вѣры, а за нами придутъ люди, имѣющіе вѣру. *Знать* это совсѣмъ не то, что *вѣрить*, хотя бы знаніе касалось такихъ вопросовъ, какъ существованіе психическаго аппарата, независимаго отъ нервной системы, переживанія сознанія послѣ распаденія тѣла и т. п., хотя во все это можно и вѣрить, но вѣдь вѣрить можно и въ то, что длина волны темно-краснаго луча равна семидесяти шести стотысячнымъ миллиметра. Знаніе всегда точно и въ силу этого всегда конечно, какихъ бы сверхчувственныхъ міровъ оно ни касалось. Вѣра цѣлостна, непрерывна, безконечна, всеобъемлюща и способна рождать увѣренность по поводу каждаго, хотя бы до сихъ поръ никогда не встрѣчавшагося факта, съ которымъ она соприкоснулась, тогда какъ для знанія всегда будутъ неизвѣстные факты, какъ бы велико ни было само знаніе. Въ этой-то всеобъемлемости вѣры и коренится ея страшная сила. По поводу *каждаго* даннаго случая вѣрующій поступитъ такъ, какъ знающій можетъ поступить только относительно случаевъ детально изученныхъ и въ совершенствѣ разобранныхъ. И они—эти люди вѣры—всѣмъ существомъ своимъ будутъ ощущать, что наслажденіе немыслимо, пока есть хоть одинъ страдающій, что если на минуту забыть объ этомъ и отдаться наслажденію—минута подъема будетъ оплачена часами тоски, неудовлетворенности, пресыщенія, что всѣ эти гнетущія переживанія гораздо тяжелѣе, чѣмъ физическія страданія, связанныя съ неучастіемъ въ такой жизни міра, какъ она есть теперь, связанныя съ непріятіемъ міра. Вы видите теперь, въ чемъ будетъ существенная разница между нами, людьми знанія, жаждущими вѣры, и людьми вѣры, которые придутъ за нами. *Я* говорю Вамъ, что принятіе міра болѣе мучительно, чѣмъ отказъ отъ него и я знаю, что это истина, но ощущеніе истинности этого не достигло во мнѣ степени, не допускающей возможности этого пріятія. Я фактически не только принимаю міръ, но и участвую въ его строительствѣ и мое конечное *знаніе* не въ силахъ справиться съ конечными же резонами объ большей надобности того или иного вида работы, о умѣстности или неумѣстности жертвы очень крупной по поводу незначительныхъ или прямо ничтожныхъ обстоятельствъ и тому подобными компромиссами въ сущности своей быть можетъ только оберегающими благополучіе моей личности отъ суровыхъ натисковъ уже осознанной, но еще не перечувствованной до конца дѣйствительности. И замѣтьте себѣ, если бы я, признавая правильность непріятія міра, но не имѣя еще въ себѣ той всесожигающей вѣры, которая

не допускаетъ его пріятія, дѣлаетъ его невозможнымъ, если бы я изъ этихъ интеллектуальныхъ соображеній отвергъ міръ, я былъ бы лжецомъ и дѣйствуя какъ вѣрующій, не имѣя вѣры, повредилъ тому дѣлу, которому всею душою хотѣлъ бы помочь.

Когда придутъ эти *люди великой вѣры*, они не будутъ разсуждать, они не будутъ выбирать способа дѣйствій, ставить тѣ или иныя „ближайшія“ цѣли, дѣйствовать вопреки своему идеалу изъ „тактическихъ соображеній“. Они будутъ проникнуты насквозь острымъ ощущеніемъ страданія всего человѣчества и сознаніемъ того, что нельзя пользоваться плодами этого страданія, не потому, что это не этично или не практично, а потому, что *они* этого не могутъ. И съ чуткостью, свойственною всему искреннему, они будутъ отвергать, не принимать все, что такъ или иначе покоится на чужихъ страданіяхъ.

Какъ воины того царька, о которомъ я упоминалъ только что, они будутъ гибнуть цѣлыми рядами, цѣлыми полчищами; но въ ихъ просвѣтленныхъ лицахъ, въ ихъ экстатическомъ подъемѣ, въ той кроткой радости, съ которой они будутъ встрѣчать страданія—во всемъ этомъ для насъ станетъ сперва большая, неразрѣшимая загадка, потомъ тяжелый вопросъ и, наконецъ—откровеніе. И откровеніе это будетъ означать: *въ пріобщеніи страданіямъ человѣчества лежитъ радость* и *радость эта есть единственная радость, дѣйствительно достойная человѣка.*

Христосъ—это космическое страданіе—долженъ прійти снова и долженъ придти во славѣ. Это значитъ, что страданіе, котораго такъ боится наша конечная личность, будетъ понято въ своемъ настоящемъ значеніи—*единственнаго* пути къ познанію, *единственнаго* метода къ очищенію, къ тому, что называется духовной алхиміей, къ возгонкѣ нашего духа отъ грубо матеріальнаго конечнаго—къ свѣтлымъ сферамъ Вѣчнаго, къ превращенію звѣря въ сверхчеловѣка. Станетъ понятно, что пока мы метались въ поискахъ наслажденій, неизмѣнный ритмъ жизни, вѣчная смѣна альтернативъ должны были приводить насъ къ страданіямъ. Станетъ понятно, что въ страданіи есть *наслажденіе*, если оно принято свободно, если человѣкъ сталъ выше его, если скорби тѣла отвѣчаетъ радость освобождающагося духа.

И, какъ это всегда бываетъ въ жизни, только черезъ противоположность происходитъ достиженіе. Воля къ пріобщенію къ страданіямъ человѣчества сдѣлаетъ невозможными какъ разъ тѣ категоріи страданій, которыя такъ сильны сейчасъ, страданія отъ насилія человѣка надъ человѣкомъ, отъ неравномѣрнаго исполь-

зованія создаваемыхъ богатствъ. „Не могу такъ жить“ будетъ захватывать все болѣе и болѣе людей и просто не найдется *охотниковъ* къ поддержанію того сложнаго аппарата, который позволяетъ осуществлять всѣ виды насилія.

Это конечно не значитъ, что всякая организація перестанетъ существовать, если будетъ устранено принужденіе; намъ только кажется, что мы работаемъ изъ страха страданія—человѣчество давно уже переросло эту стадію и подчиняется порядку изъ внутренняго признанія необходимости подчиненія, а не изъ страха, и тѣ, кому дорога внѣшняя многосложная культура, могутъ быть спокойными: разрушеніе ея вовсе не связано съ перемѣной воззрѣнія человѣчества на значеніе страданія и со связаннымъ съ этимъ исчезновеніемъ изъ міра какого бы то ни было принужденія.

Есть грозное евангельское повѣствованіе о страшномъ послѣднемъ судѣ, когда собраны будутъ всѣ народы земли и услышатъ изъ устъ самой Вселенской Правды суровое осужденіе тѣмъ, кто былъ равнодушенъ къ чужому страданію.

Мнѣ кажется, мы можемъ оказаться современниками этого событія, ибо предъ лицомъ той новой жизни, которая начнется по окончаніи переживаемой эпохи принужденія и захвата, передъ лицомъ жизни, построенной на полной свободѣ, на добровольной услугѣ, на радостной жертвѣ, на *исканіи* страданія, ради того, чтобы другому было хорошо, жизни, проникнутой въ этой отдачѣ себя такимъ ощущеніемъ единенія, передъ которымъ потускнѣютъ самые яркіе моменты сліянія, переживаемые нами сейчасъ,—передъ лицомъ этой жизни *чужими* и *лишними,* не имѣющими права пользоваться ея благами почувствуютъ себя тѣ, кто равнодушно смотря на скорбь, царствующую въ мірѣ, въ настоящее время не стремился къ иному, не тосковалъ объ этой свѣтлой жизни, ставшей дѣйствительностью муками и кровью всѣхъ, кто не умѣлъ проходить равнодушно мимо чужой скорби, кто умѣлъ вѣрить, кто смѣлъ дерзать на самое безнадежное и оставался въ дерзаніи своемъ вѣрнымъ до смерти.

И этотъ страшный судъ своей совѣсти ожидаетъ всѣхъ, кто не умѣетъ различать знаменія времени, кто, утомленный безконечно тянущейся ночью, рѣшилъ, что никогда не придетъ брачный пиръ человѣчества съ правдою, что ложны предсказанія о Женихѣ, что никогда не прекратятся взаимная злоба, тупая вражда, вѣчное стремленіе захватить то, что не нужно, вѣчное равнодушіе къ тому, что единственно необходимо.

Мы стоимъ наканунѣ кризиса. Общественныя формы, единодушно осужденныя всѣми, не могутъ держаться сколько нибудь значительное время, поиски лучшей жизни по линіи измѣненія формъ не могутъ быть энергичны, вслѣдствіе психологически необходимаго разрушенія очарованія ближайшихъ ступеней и практической невозможности движенія скачками. Исходомъ могутъ быть или судороги безцѣльной войны, или энергичная попытка коренной переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Или царство антихриста, или пришествіе Христа, если примѣнить къ соціальнымъ явленіямъ эти красивые символическіе образы, такъ стойко живущіе въ человѣческомъ сознаніи.

Онъ придетъ сперва какъ Ребенокъ, безпомощный, безсильный, совершенно лишенный нашей земной мудрости. Онъ придетъ въ образѣ десятковъ и сотенъ неумныхъ, наивныхъ людей, которые будутъ гибнуть, какъ единицы, раздражая своею безсмысленною и безцѣльною гибелью насъ—опытныхъ, знающихъ, предусмотрительныхъ и тактичныхъ. Но гибель единицъ даже не будетъ замѣтна, ибо на ихъ мѣсто станутъ другіе, совсѣмъ такіе же, тихіе и свѣтлые, и по-дѣтски просто, и по-дѣтски послѣдовательно непріемлющіе міра сего и всей злобы его.

И Онъ выростетъ и станетъ отрокомъ, ибо „ихъ“ станетъ много. И сквозь неразуміе дѣтства начнутъ проглядывать глубокіе и трудные вопросы, и намъ, книжникамъ и фарисеямъ, занявшимъ Моисеево сѣдалище въ Храмѣ, подчасъ трудно будетъ отвѣчать на вопросъ, который будетъ поставленъ намъ фактомъ существованія этихъ безумцевъ. И въ тайныхъ бесѣдахъ нашихъ мы будемъ говорить, что отрокъ не такъ ужъ безуменъ и что изъ него могъ бы даже выйти хорошій книжникъ, если бы не его „увлеченія“.

Но „ихъ“ станетъ еще больше, ибо станетъ Онъ приходить въ мѣру полнаго своего возраста. И увидимъ мы, люди конечнаго, люди знанія, что нельзя уже болѣе оставаться нейтральными, что возгорѣлся уже тотъ огонь, который двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ былъ принесенъ съ неба на землю и что надо или отказаться отъ себя, отъ всего, что привычно дорого намъ и стать съ тѣми, которые не хотятъ такого міра, какъ нашъ, предпочитаютъ отказаться, страдать и погибнуть безъ надежды и даже безъ цѣли и даже безъ смысла, но не могутъ болѣе жить, опираясь на насиліе и принужденіе, или всею силою стать *противъ* этихъ кроткихъ и свѣтлыхъ, но такихъ *опасныхъ* безумцевъ, ибо воистину очевиднымъ станетъ, что если распространится эта психическая эпидемія, рухнетъ вся тысячелѣтіями создававшаяся человѣческая

культура; очевиднымъ будетъ казаться, что кошмарная злоба и вражда вспыхнутъ, какъ только разрушены будутъ загородочки и разбиты оковы. И ради спасенія культуры, ради спасенія всего того прекраснаго, что создало прошлое, ради спасенія сокровищъ искусствъ и сокровищъ знанія и даже тѣхъ самыхъ великихъ идей, которыя проповѣдуютъ эти безумцы, ради спасенія всѣхъ сокровищъ міра сего, надо убить въ себѣ жалость къ этимъ несчастнымъ и такъ какъ много уже стало ихъ, то надо уничтожать ихъ, какъ дикихъ звѣрей, огнемъ и западнями и ядомъ въ милостынѣ, которую подаютъ имъ.

И настанетъ скорбь, которой не было отъ созданія міра, ибо добрые и чистые и любящіе Христа люди пойдутъ за антихристомъ и будутъ распинать Христа, ибо *знать* будутъ твердо и несомнѣнно, что сейчасъ *не время еще* для царства Христова, а если погибнетъ культура, то никогда не придетъ оно. И изъ любви къ Христу, люди пойдутъ къ антихристу, а преданные слуги антихриста не выдержатъ тѣхъ мукъ, которыя они будутъ налагать на другихъ и предпочтутъ распятыми быть со Христомъ. И настанетъ крестная мука человѣчества.

Но никогда еще насиліе не останавливало вѣры, и тогда исполнится, достигнетъ предѣла своего число мучениковъ и станетъ больше желающихъ быть убитыми, чѣмъ желающихъ быть палачами или могущихъ жить, опираясь на палача. И ужаснутся боровшіеся за культуру, ибо вотъ стала эта культура такимъ варварствомъ, котораго еще никогда не видѣли подъ солнцемъ; и въ своемъ страданіи ужаса поймутъ они, что привлекало людей въ страданіи жертвы, поймутъ цѣну и смыслъ и назначеніе страданія и сладость его и будетъ это для нихъ видѣніе Космическаго Страданія—Христа, пришедшаго во славѣ.

И міръ станетъ *инымъ*, ибо мы уже достойны жить въ мірѣ, гдѣ не будетъ физическаго страданія, такъ какъ мы уже почти выучили все, чему оно можетъ научить насъ.

А въ мірѣ воскресшаго Христа, въ мірѣ, гдѣ жизнь будетъ творчествомъ—искусствомъ „даренія себя", гдѣ потому такъ полно, такъ осязательно будетъ чувствоваться наше единство, сознаніе котораго тѣсно свяжетъ и сильныхъ и слабыхъ въ одно неразрывное сплетеніе, гдѣ все добываемое сильными, какъ *знаніе*, будетъ становится достояніемъ слабыхъ, какъ *вѣра*—въ этомъ мірѣ знаніе безсмертія, добытое немногими, станетъ такою глубокою увѣренностью всѣхъ, что спокойнѣе и радостнѣе будутъ провожать умирающаго, чѣмъ предпринимающаго путешествіе,

такъ какъ при одинаковой увѣренности въ свиданіи, въ первомъ случаѣ близкаго будетъ ожидать меньше тяжелыхъ переживаній.

Таковъ путь отъ мрачной темницы вѣрящаго въ смерть къ свѣтлому храму знающихъ о своемъ безсмертіи. Путь этотъ можетъ быть пройденъ каждымъ изъ насъ, у кого найдется мужество, чтобы дерзать на безнадежное и только имѣющими это дерзновеніе можетъ онъ быть пройденъ, такъ какъ только ими и никѣмъ другимъ можемъ быть выведены мы слабые изъ того мрака, въ которомъ долго бы еще надлежало намъ пребывать, если бы мы были предоставлены только собственнымъ нашимъ усиліямъ.

Мнѣ хотѣлось дать представленіе о свѣтлыхъ возможностяхъ, ожидающихъ человѣка, чтобы въ свѣтѣ ихъ Вы взглянули на нашу ежедневную, будничную жизнь. Мнѣ хотѣлось бы, хотя въ минимальной степени, возбудить въ Васъ тоску по прекрасномъ, свободномъ и безсмертномъ человѣкѣ будущаго, ибо только любовь къ этому будущему можетъ стать между нами и тѣмъ вѣчнымъ тяготѣніемъ къ сегодняшнему, которое держитъ въ позорномъ плѣну сыновъ Бога. И если вспыхнувшія возможности заставятъ насъ взглянуть нѣсколько пристальнѣе на свою жизнь, на ея приманки и ея оковы—приблизится, воистину приблизится время прихода *людей Великой Вѣры*, предвѣщающее, что владычеству Князя міра сего, владычеству захвата, насилія, принужденія, мрака, злобы и одиночества, того великаго и безысходнаго одиночества, въ которомъ пребываемъ мы, владычеству Смерти приходитъ конецъ и къ намъ приближается свѣтлое царство Безсмертія.

Когда осмѣливаешься неумѣлыми и мертвыми словами коснуться священнѣйшихъ вопросовъ—всегда охватываетъ страхъ, что недостатки изложенія будутъ приписаны идеѣ, что неудачно выбранная форма заслонитъ отъ ищущаго сущность.

Вы воины, истомленные жаждой въ пустынѣ, и одинъ изъ рядовъ Вашихъ принесъ въ своемъ шлемѣ нѣсколько капель мутной смѣшанной съ прахомъ воды. Не отвернитесь. Поймите, что вся нечистота и весь соръ принадлежатъ сосуду, а не источнику, что въ ошибкахъ повиненъ говорящій, а не истина, что не каплямъ этимъ утолить Вашу жажду—онѣ только свидѣтельство, что воинъ былъ у источника и что дорога къ нему *доступна*.

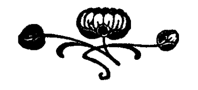
Отбросьте спокойно то изъ сказаннаго мною, что кажется Вамъ невѣрнымъ; не тратьте времени на разборъ того, что показалось сомнительнымъ. Но если при какой-нибудь мысли, какомъ-

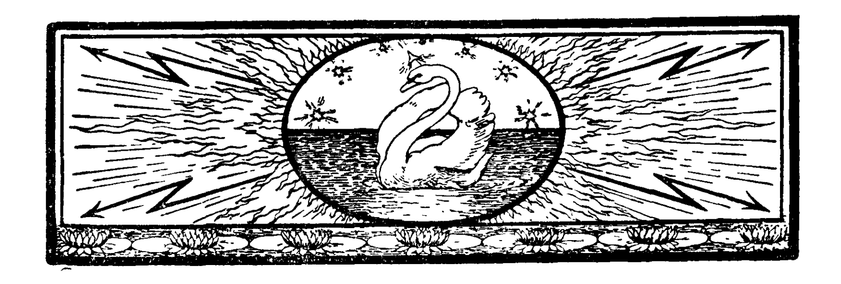
нибудь намекѣ, дрогнуло отвѣтно сердце, знайте, что это Ваша истина, зрѣющая въ священной глубинѣ души, тихо стучится въ сознаніе, что въ этомъ направленіи лежитъ *Ваша* дорога къ источнику и все вниманіе, всѣ силы анализа направьте въ эту сторону затронутаго вопроса. И если Вы будете смѣлы, если вы будете искать Истину, *одну* только истину, *всю* истину, если Вы не отступите въ испугѣ, когда начнетъ колебаться привычное міросозерцаніе; потускнѣютъ самыя возвышенные, безконечно дорогія цѣнности, станутъ сомнительными наиболѣе привычные, наиболѣе безспорные поступки, если Вы не отступите передъ переоцѣнкой *всего* въ устремленіи своемъ къ Вашей истинѣ,— тихая и едва замѣтная дрожь сердца выростетъ въ повелительный призывъ, въ трубный гласъ, воскрешающій всѣ убитые жизнью идеалы, все безвременно погибшія силы.

Встаньте на минуту въ сторону отъ сутолоки жизни и посмотрите не по привычному, а сверху, какъ „посторонній" на то, что дѣлается вокругъ. Посмотрите на тупое отчаяніе деревень, на злобное отчаяніе городовъ, на самихъ себя или борющихся, *цѣлую жизнь* борющихся *за пищу и кровъ*, или ищущихъ какихъ-нибудь, *какихъ-нибудь* впечатлѣній, чего-нибудь могущаго заполнить внутреннюю пустоту. Посмотрите на эту жизнь, гдѣ среди живыхъ мертвецовъ уже почти идеаломъ считается тотъ, кто личное благополучіе приноситъ въ жертву благополучію потомства—этой *дурной безконечности*—гдѣ надежда лучшихъ не смѣетъ подняться выше мечты о всеобщей сытости въ награду за не слишкомъ обременительный трудъ. Вѣдь это *кошмаръ*, вѣдь это *хуже* чѣмъ смерть, вѣдь выросшему сознанію человѣчества *эта* жизнь уже тѣсна какъ оковы.

И долженъ, *долженъ* надъ заснувшей землею раздаться благовѣстъ новой жизни и каждымъ звукомъ этого благовѣста будетъ жизнь, радостно отданная для того, чтобы міръ сталъ прекраснѣе; ибо міръ *можетъ* стать прекраснымъ, и станетъ имъ, когда мы поймемъ, что мы не похоронены заживо въ склепахъ изъ плоти и крови, что мы дѣти солнца, что есть выходъ къ ослѣпительному сіянію, что *есть* свобода, что любовь и знаніе—эти два крыла мудрости—*могутъ* привести на древній, узкій, скалистый Путь, ведущій отъ нереальнаго къ реальному, отъ мрака къ свѣту и отъ смерти къ безсмертію.

П. Тимофеевскій.

Изъ дневника теософа.

8 февраля, Ялта.

Вчера, послѣ большого 2-хъ дневнаго путешествія мы пріѣхали въ Ялту. Уже утромъ насъ встрѣтило южное солнце и ярко озарило степь, на которой еще виднѣлся мѣстами снѣгъ. Стали показываться бѣлыя, низенькія постройки, мелькнули тополя, сверкнулъ морской заливъ, серебрясь въ утреннихъ лучахъ, показался и скрылся. Опять пошла степь, ее смѣнили невысокіе холмы, между которыми блестѣли озера. За ними пошли уже первыя настоящія горы съ ютящимися въ скалахъ деревушками. Поѣздъ подошелъ къ Севастополю.

Мы вышли на площадь передъ вокзаломъ. Прямо передъ нами стояли высокія горы. На площади шла обычная суета большого города. Подъѣзжали и отъѣзжали автомобили, экипажи, трамваи. Мы заняли свои мѣста въ автомобилѣ и быстро поѣхали въ горы. Первая часть путешествія прошла довольно однообразно по дорогамъ среди отвѣсныхъ скалъ и овраговъ, въ которыхъ журчали горныя рѣчки. Верхушки горъ застилалъ туманъ. Небо было темно-сѣрое. Вѣтеръ быстро гналъ облака и моментами небо свѣтлѣло, но снова находила туча и каждый разъ приносила съ собой дождь и мелкій снѣгъ.

Передъ Байдарскими воротами мы сдѣлали остановку, а затѣмъ быстро понеслись дальше. Волшебная картина раскрылась передъ нами; вьющаяся дорога среди кипарисовъ и тополей; сѣрыя скалы съ одинокими соснами и голубыя волны Чернаго моря, которое неожиданно озарило вышедшее изъ облаковъ солнце. Оно продолжало свѣтить намъ весь остальной путь, озаряя золотистыми лучами то одинокую бѣлую церковь на выступѣ берега, то татар-

скую деревушку съ своими саклями и виноградниками, то группы кипарисовъ, строго выстроившихся вдоль какихъ-то живописныхъ развалинъ. Мелькнулъ колодецъ, разрисованный синими и малиновыми узорами. Гдѣ-то далеко на скалѣ, у самаго моря, показался бѣломраморный портикъ на фонѣ голубого неба. Мягкій воздухъ обдувалъ насъ своимъ запахомъ земли и травы. Иногда встрѣчались смуглые туземцы въ живописныхъ, яркихъ одеждахъ, съ фесками, обвязанными башлыкомъ. Югъ и Востокъ здѣсь очевидно сочетались; какой-то восточный колоритъ во всемъ.

Къ 6 час. вечера мы подъѣхали къ Ялтѣ. Уже стемнѣло и вспыхнувшіе въ окнахъ огоньки привѣтливо звали насъ отдохнуть. У красиваго дома, стоящаго на нѣкоторомъ возвышеніи, насъ радушно встрѣтила Е. В. Родзевичъ.

Е. В. читала публичную лекцію о Теософіи и собиралась идти въ Общественное Собраніе. Уставъ очень съ дороги, мнѣ не пришлось быть на ея докладѣ, но лекція видимо многихъ заинтересовала и привлекла.

Сегодня рано утромъ мы съ Е. В. направились въ горы и поднявшись на довольно высокій выступъ. надъ городомъ, долго смотрѣли на Ялту, любуясь ея красивой гаванью и морскими далями. Вокругъ насъ синѣли высокія горы, покрытыя мѣстами еще снѣгомъ. Мы говорили о работѣ, о будущемъ центрѣ на Югѣ, о возможности дать многимъ помощь черезъ него. Наша бесѣда все углублялась и стихала. Настала минута глубокой тишины и стоя на горѣ мы продолжали долго еще но безъ словъ, думать о работѣ близкаго будущаго. Хотѣлось такъ помочь этой работѣ, укрѣпить настроеніе работниковъ, слиться съ ними въ ихъ глубокомъ стремленіи, чтобы черезъ ихъ усиліе и любовь могла пройти помощь самихъ Учителей...

Тихо шелестѣли листья въ придорожныхъ кустахъ, тихо сверкало море, тихо догорала утренняя заря на синихъ горахъ, на которыхъ былъ еще снѣгъ...

Вечеромъ.

Мы были въ Никитскомъ саду, среди деревьевъ и растеній всѣхъ странъ. Ѣхали берегомъ и все время наслаждались красотой Крымской Ривьеры. Море то синѣло, то свѣтлѣло. Иногда солнце ложилось бликами на волны и строило трепетный серебряный мостъ по водамъ. Изъ садовъ неслись нѣжные ароматы первыхъ цвѣтущихъ деревьевъ. Въ зелени сверкали подснѣжники. Кипарисы рѣзко выдѣлялись среди деревьевъ, украшенныхъ еще осеннимъ оранжевымъ уборомъ...

Сегодня пришли къ намъ здѣшніе теософы и мы съ ними сейчасъ распредѣлили время на всѣ ближайшіе дни. Здѣсь уже много интересующихся и болѣе 12 членовъ. За послѣднее время въ Ялтѣ продано болѣе 300 книгъ по Теософіи.

9 февраля, Ялта.

Утро я провела на высотахъ. Подъ ногами разстилалась красавица Ялта и голубое море. Яркое солнце озаряло окружные холмы. Ночью выпалъ снѣгъ и вершины лиловыхъ горъ, стоящихъ полукругомъ вокругъ Ялты, совершенно бѣлыя сегодня. Пейзажъ утопаетъ въ какой-то лиловой, прозрачной дымкѣ, а на морѣ снова сверкаетъ серебрянный таинственный мостъ. Воздухъ мягкій и теплый, но вѣтеръ обдаетъ холодными струйками уходящей зимы. Хорошо на горѣ. Хорошо здѣсь думать и мысленно готовить работу дня.

Сегодня первое большое наше собраніе.

10 февраля, Ялта.

Вчера собралось 30 человѣкъ интересующихся. Я сказала рѣчь, выясняя что такое Теософія, Теософическое движеніе и Теософическое Общество. Задавали вопросы и бесѣда наша незамѣтно продлилась два часа.

Вечеръ мы провели у С. В. Татариновой, въ ея чудной дачѣ надъ моремъ и бесѣдовали о нашей работѣ. Пріѣзжала дочь Льва Николаевича Толстого Т. Л. Сухотина съ супругомъ. Она оказалась удивительно близка намъ по духу.

Сегодня вернувшись съ горной прогулки, я принимала нѣсколько человѣкъ, пожелавшихъ со мной отдѣльно побесѣдовать, чтобы выяснить въ свѣтѣ Теософіи нѣкоторые важные для нихъ вопросы.

Сегодня вечеромъ у насъ собираются члены.

11 февраля, Ялта.

Вчера мы ѣздили съ Е. В. Р. къ водопаду Учан-Су. Чарующее всегда впечатлѣніе производятъ на меня могучіе космическіе звуки, въ особенности шумъ многихъ водъ. Среди темнаго лѣса скатывается водопадъ съ высокихъ скалъ внизъ и летитъ мятежнымъ потокомъ дальше, въ долину. Съ береговъ Учан-Су раскрывается очаровательная картина волнистаго пейзажа самыхъ нѣжныхъ тоновъ, окутанная голубоватымъ призрачнымъ покровомъ...

День нашъ закончился собраніемъ членовъ. Я разсказывала исторію нашего движенія и подробно описала нашу работу во всѣхъ нашихъ центрахъ. Члены желаютъ примкнуть къ нашей работѣ. Идетъ вопросъ объ открытіи отдѣла въ Ялтѣ. Вечеръ нашъ начался и закончился музыкой (Членъ А. сыгралъ вступленіе въ сонату Бетховена и „Подвигъ“ Чайковскаго). Пріѣхавшая со мной изъ Петербурга Н. Н. П. продекламировала свои стихи „Бѣлый Лотосъ“, посвященные Е. П. Блаватской. Было удивительно свѣтло и хорошо. Всѣ чувствовали важное значеніе объединенія первыхъ теософовъ въ Ялтѣ и радовались возможности скоро открыть здѣсь новый центръ работы. Въ Ялтѣ такъ много страданія, такъ много людей рѣшаютъ вопросы жизни и смерти, такъ много скорбно ищущихъ и усталыхъ, что особенно радостно думать о томъ, что нынѣ здѣсь зажигается свѣтъ Маяка.

12 февраля, Ялта.

Вчера опять собрались члены. Они составили заявленіе о желаніи открыть Отдѣлъ въ Ялтѣ и просили меня его принять. Я взялась его передать Совѣту. Передъ разставаніемъ мы прочитали вмѣстѣ рѣчь А. Безантъ: „Мистицизмъ и Догматизмъ“.

Сейчасъ уѣзжаемъ съ массою цвѣтовъ.

14 февраля, Москва.

Вчера вечеромъ поздно мы пріѣхали въ Москву. Подснѣжники наши остались живы и радуютъ глаза. Въ вагонѣ мы работали, читали и переводили.

Сегодня собраніе Московскаго Отдѣла.

15 февраля, Москва.

Настоящая зима. Всѣ крыши бѣлы и снѣгъ идетъ. Странна эта зимняя картина послѣ лучезарнаго Юга. Вспоминается послѣдній вечеръ въ Севастополѣ, передъ отходомъ поѣзда, когда мы на берегу моря любовались закатомъ, и не вѣрится, что всего 2 дня тому назадъ мы переживали радостную юную весну и что кругомъ насъ уже цвѣли деревья и первые цвѣты.

Вчера было собраніе Московскаго Отдѣла. Я разсказывала о Ялтѣ и нашей работѣ. Сегодня собирается секція, но намъ не придется, вѣроятно, присутствовать, такъ какъ нашъ поѣздъ отходитъ около 9 час.

16 февраля, С.-Петербургъ.

Весь день вчера мы засѣдали съ Правленіемъ Московскаго Отдѣла. Обсуждали вопросы о методахъ работы и наши общія литературныя дѣла.

Вечеромъ собралась Секція. Обсуждали вопросъ: „Что такое братство? Какъ понимать его истинное значеніе?“ Около 7 часовъ вечера мы уѣхали на вокзалъ, чтобы захватить вечерній поѣздъ. Насъ провожала дружная группа москвичей и мы уѣхали подъ впечатлѣніемъ глубокихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ за серьезной и важной общей работой подъ впечатлѣніемъ также взаимной растущей любви и живого единенія.

Сегодня утромъ мы вернулись въ Петербургъ. Въ 11 часовъ состоялось собраніе Совѣта. Сейчасъ закончили всѣ спѣшныя дѣла. Совѣтъ рѣшилъ единогласно открыть отдѣлъ Р. Т. О. въ Ялтѣ.

Завтра публичное собраніе въ Тенишевскомъ училищѣ.

20 февраля, С.-Петербургъ.

Публичное Собраніе прошло съ большимъ приливомъ публики.

Послѣдняя наша лекція въ женскомъ о-вѣ возбудила большой интересъ и глубокое настроеніе.

Вчера собирался Восточный кружокъ. Мы читали Библію и разбирали психологію пророка, какъ она рисуется въ „Книгѣ Царствъ“.

Сегодня работали: Секція Е. Блаватской (разбирался вопросъ „Проводники“) и Кружокъ„ Maria Strauch“. Разбиралась I глава Е. Блаватской: „Ключъ къ Теософіи“.

Завтра у насъ Общее Собраніе и докладъ Е. Тимофеевской: „Служеніе и Теософія“.

24 февраля, С.-Петербургъ.

Интересный докладъ Е. Тимофеевской „О служеніи“, написанный на основаніи Евангелія, возбудилъ оживленныя пренія. Должны-ли теософы заниматься благотворительностью? Если да, то въ какой формѣ и въ какихъ предѣлахъ? Очень серьезно разбиралось самое понятіе служенія. Собраніе пришло къ заключенію, что настоящимъ образомъ служить можетъ лишь тотъ, кто работаетъ надъ собой и что служеніе теософа должно быть одухотворено его міровоззрѣніемъ. Если будетъ избрана та или иная форма коллективнаго служенія, (столовая, ясли или воскресная школа), то такая форма на физическомъ планѣ должна изъ себя представлять высшій типъ изъ существующихъ подобныхъ учрежденій и кромѣ того, являться главнымъ образомъ полемъ для общенія духовнаго. 9 марта назначено организаціонное Собраніе.

Значительно было наше публичное собраніе 22-го по большому стеченію публики и силѣ настроенія. Несмотря на трудную и глубокую тему („Путь ученичества"), мой докладъ, публика слушала съ проникновеннымъ вниманіемъ наши доклады. Очень хороши были сообщенія ко-референтовъ: „Объ истинной вѣрѣ", Ц. Гельмбольдтъ, и „Объ истинной гармоніи", П. Тимофеевскаго. Нашъ циклъ лекцій о „Пути" закончился блестяще.

Пришло извѣстіе изъ Риги, что лекціи А. В. Унковской и моя назначены на конецъ февраля и начало марта.

27 февраля, С.-Петербургъ.

Вчера было собраніе Педагогическаго Кружка. Предметомъ занятій было обсужденіе доклада А. Молокина: „О самодѣятельности въ области нравственной". По поводу этого сообщенія возникла оживленная бесѣда. Всѣмъ выяснилось необходимость придти на помощь нашей молодежи, въ особенности подросткамъ, часто такъ остро страдающимъ отъ безволья. Рѣшено поработать надъ устройствомъ лѣтней школьной дачи новаго типа, гдѣ-бы дѣтямъ давалось вмѣстѣ съ отдыхомъ и здоровымъ общеніемъ съ природой, помощь въ воспитательномъ отношеніи. Мы надѣемся, что среди членовъ другихъ отдѣловъ найдутся лица, которыя пожелаютъ принять участіе своими трудами въ этомъ интересномъ начинаніи.

Сегодня ѣду въ Ригу съ А. В. Унковской и Ю Ф. Львовой.

28 февраля, Рига.

Только что мы пріѣхали въ Ригу. Здѣсь еще все покрыто снѣжнымъ покровомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ воздухѣ уже дуновеніе весны. Красивый городъ въ германскомъ стилѣ съ своими скверами и готическими зданіями напоминаетъ Западную Европу. Все полно порядка и все разумно предусмотрѣно. Особенно бросается въ глаза забота о гигіенѣ, столько свѣта и воздуха въ уютныхъ квартирахъ древне-балтійской столицы.

Сейчасъ идемъ на репетицію къ нашей лекціи: „О красотѣ", которую сопровождаютъ музыкальныя и свѣтовыя иллюстраціи. У насъ былъ переполохъ: мы забыли въ Петербургѣ стекла. Къ счастью, въ городѣ есть эпидіоскопъ и при помощи открытокъ, которыя собираемъ по магазинамъ, мы выходимъ изъ затрудненія.

О нашей лекціи есть статьи въ русской и нѣмецкой прессѣ.

1 марта, Рига.

Нашъ вчерашній день прошелъ въ хлопотахъ и репетиціяхъ. Мы едва успѣли часокъ побыть тихо и собранно до лекціи. Собралось много народа, въ особенности учащейся молодежи. Наша лекція съ музыкальными и свѣтовыми иллюстраціями прошла блестяще и была встрѣчена всеобщимъ энтузіазмомъ. Особенно красиво звучали арфа и скрипка, сочетавшіяся въ чудныхъ аккордахъ и переливахъ. Наши артисты превзошли себя.

Неожиданной радостью было появленіе на лекціи моей сестры М. Каменской, только-что вернувшейся со своего большого турнэ.

Сегодня собираются у меня мѣстные теософы.

2 марта, Рига.

Вчера былъ рядъ свиданій съ лицами, интересующимися Теософіей. Вечеромъ собрались члены нашего маленькаго кружка. Такъ какъ насъ пріѣхало 4 человѣка изъ Петербурга и сестра вернулась съ своего южнаго турнэ, то насъ оказалось 10 теософовъ. Интересно, что здѣшній кружокъ состоитъ изъ 5 человѣкъ, но каждый изъ нихъ является представителемъ иной національности: Латышъ, Эстонецъ, Нѣмецъ, Русская и Венгерка. Это придаетъ оригинальный характеръ физіономіи кружка. Бесѣда происходитъ по-русски, но каждый вноситъ своеобразную ноту своей національности и своего темперамента и работа происходитъ въ глубокомъ дружескомъ единеніи. Это знаменательно: въ городѣ, гдѣ 6 національностей находятся въ постоянномъ враждебномъ конфликтѣ и живутъ въ высокомѣрномъ обособленіи другъ отъ друга, братски и радостно встрѣчаются люди на свободной платформѣ Теософіи. Со временемъ этотъ кружокъ можетъ сыграть важную роль въ дѣлѣ объединенія народностей Балтійскаго края и передать свѣтъ Теософіи далѣе, въ глубь Курляндіи и Эстляндіи.

На дняхъ сестра ѣдетъ читать въ Юрьевъ, важный центръ умственной жизни Прибалтійскаго края. Невольно мысль останавливается на глубокомъ вопросѣ: не на насъ-ли теософахъ лежитъ великая и радостная миссія создать силу свѣтлаго объединенія въ нашей дорогой отчизнѣ? Не намъ-ли надлежитъ собрать во-едино разбросанныя силы различныхъ національныхъ группъ въ одну дружную рать служенія добру? Ибо эту задачу могутъ исполнить лишь люди религіознаго сознанія, люди горящіе тѣмъ пламеннымъ энтузіазмомъ, который дается раскрывшимся Путемъ къ снѣжнымъ вершинамъ Идеаловъ вѣчныхъ...

Вечеромъ, передъ отъѣздомъ (Рига).

Наша двойная лекція (А. В. Унковской и моя) прошла необыкновенно хорошо въ смыслѣ настроенія, но при небольшомъ стеченіи публики. Въ перерывѣ къ намъ подошла группа слушателей, въ числѣ ихъ видный мѣстный дѣятель и педагогъ, и просили повторить эту лекцію для учащейся молодежи.

Передъ отъѣздомъ еще разъ мы бесѣдовали съ милыми членами Рижскаго Кружка. Говорили о работѣ, о ея важности въ Балтійскомъ краѣ, о будущемъ пріѣздѣ нашемъ зимой. Съ теплымъ и свѣтлымъ чувствомъ оставили мы въ полночь Ригу, гдѣ понемногу зарождается свѣтъ Теософіи.

4 марта, С.-Петербургъ.

Сегодня утромъ мы вернулись въ Сѣверную Пальмиру.

Сейчасъ у насъ будетъ Совѣтъ.

5 марта, С.-Петербургъ.

Вчера, послѣ внутренняго Христіанскаго Кружка (мы разбирали 3-ю главу Эзотерическаго Христіанства А. Безантъ), я поспѣшила въ салонъ А., гдѣ меня ожидала группа интересующейся молодежи. Были представители нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ моего доклада „О значеніи Теософіи для современнаго человѣка", у насъ завязалась глубокая по настроенію бесѣда.

Сегодня собирается „Восточный Кружокъ". Н. Эрасси дѣлаетъ докладъ о „Бхагавадъ-Гитѣ" [1]).

Сейчасъ получила приглашеніе участвовать въ вечерѣ 17 марта посвященномъ А. П. Философовой и устраиваемомъ Женскимъ Обществомъ.

6 марта, С.-Петербургъ.

Вчера работалъ „Восточный Кружокъ". Мы разбирали первую главу Книги Бытія въ сравненіи съ II и III станцами Дзіанъ.

Сегодня собираются Секція Е. П. Блаватской и Кр. „Maria Strauch".

Нѣкоторые члены отправились слушать лекцію священника Чельцова: „Теософія и Христіанство". Будемъ надѣяться, что просвѣщенный представитель Церкви отнесется справедливо и сочувственно къ движенію, имѣющему цѣлью пробудить религіозное сознаніе въ современномъ обществѣ.

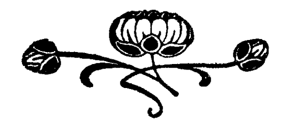
[1]) Докладъ Н. Эрасси отложенъ. Сообщеніе дѣлалъ А. Ф. Львовъ.

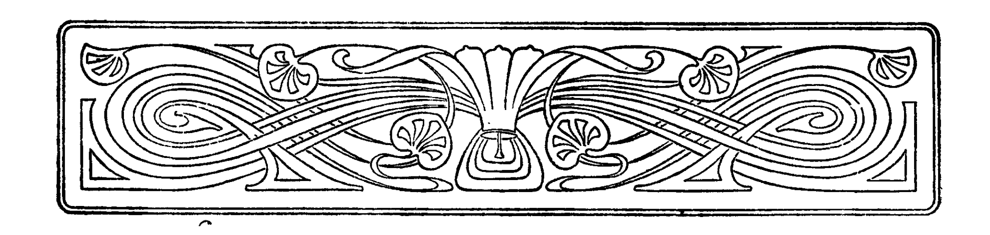
7 марта, С.-Петербургъ.

Передо мною лежитъ газета съ отчетомъ о лекціи профессора-священника М. И. Чельцова о Теософіи и не могу не надивиться опредѣленіямъ и выводамъ лектора, который не хочетъ видѣть въ Теософіи религіозной философіи. Онъ видитъ въ ней религію, потому что Теософія выдвигаетъ извѣстныя вѣрованія (для вступленія въ Т. О. никакихъ вѣрованій не требуется, кромѣ братства и терпимости) *и имѣетъ свои этическія ученія.* (Этическія положенія Теософіи сводятся, какъ извѣстно, къ ученію о любви и свободной жертвѣ, т. е. къ ученію Христа). Кромѣ того, лекторъ намекаетъ и на „обрядовую" сторону, сопровождающую каждую религію. О какихъ „обрядахъ" говоритъ уважаемый лекторъ и въ какомъ источникѣ онъ черпалъ свои свѣдѣнія—остается загадкой, такъ какъ теософы никакихъ обрядовъ не совершаютъ и если признаютъ таковые, то только тѣ, которые установлены религіей, ими исповѣдуемой. Также непонятно обвиненіе въ „буддизмѣ, въ которомъ Теософія видитъ лишь одинъ изъ лучей Божественной Мудрости. Что касается ученія о Кармѣ и перевоплощеніи, то они возвѣщались всѣми великими религіями міра, и мы находимъ о нихъ много интереснаго въ самихъ христіанскихъ Св. Писаніяхъ. Можетъ быть никто такъ сильно и ясно не провозгласилъ ученія кармы, какъ Ап. Павелъ въ извѣстныхъ словахъ: „не обманывайтесь, Богъ поругаемъ не бываетъ: что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ!"

Если-бы лекторъ ближе познакомился съ Теософіей, то онъ въ ней призналъ-бы друга Религіи, а не врага, ибо Теософія указываетъ пути къ пробужденію религіознаго сознанія, а человѣкъ въ которомъ это сознаніе проснулось, стремится неизбѣжно исполнять волю Бога.

Alba.

Мечта.

Введеніе.

Думали ли вы объ удивительномъ времени, въ которомъ мы живемъ? Замѣтили ли вы, что все вокругъ насъ мѣняется и не остается камня на камнѣ въ окружающей насъ жизни? Не всѣ могутъ прослѣдить, какимъ образомъ совершились эти перемѣны, но нѣтъ ни одного человѣка, который бы не почувствовалъ эти новыя вѣянья въ своей личной жизни и въ жизни окружающихъ. Неудивительно, что эта новая жизнь вопіетъ о новыхъ формахъ выраженія. Мы не можемъ долѣе висѣть въ пространствѣ, не можемъ мы также втискивать себя въ старыя одежды, заношенныя и дѣлающіяся смѣшными, изъ которыхъ мы выросли.

Тотъ новый духъ сближенія и солидарности, который прорывается повсюду, составляетъ отличительную черту нашего времени. Мы видимъ этотъ духъ во всѣхъ новыхъ начинаніяхъ, многочисленныхъ международныхъ конгрессахъ, на которыхъ сближаются различныя народности во имя общихъ идей. Если же взять вопросъ еще шире, мы увидимъ, что этотъ возникающій „Esprit de corps“ распространяется съ необыкновенной быстротой по всему земному шару, и еще не выраженныя, но всюду носящіяся въ воздухѣ идеи начинаютъ давать ростки, какъ тѣ крылатыя сѣмена, которыя, разносясь въ пространствѣ, находятъ подходящую почву и ждутъ влаги и солнца, чтобы начать свою жизнь

Думали ли вы, друзья мои, что наука и искусство, религія и этика, иными словами, самая сущность человѣческой жизни лежитъ разбитая въ дребезги у нашихъ ногъ, сброшенная со своего пьедестала тѣмъ самымъ вихремъ, который пронесся по нашему внутреннему бытію? Думаете ли вы, что эта суть жизни можетъ быть перестроена, несмотря на разъединенность людей? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Мы подошли къ ощущенію необходимости отдавать цвѣтъ нашей души общему благу; и я спрашиваю васъ: возможно ли совершить основательную перестройку всей жизни *вразбродъ?*

Только въ единствѣ и въ полной солидарности найдемъ мы прочную основу для трудовой коопераціи. Намъ нужны ученые, художники, работники всѣхъ видовъ, чтобы они могли соединиться и въ великомъ напряженіи строить въ гармоніи—я бы сказала въ божественной, творческой гармоніи—новый, прекрасный міръ, вырабатывать новыя формы жизни, въ которыхъ всѣ наши лучшія свойства могли бы получить выраженіе.

Мечты являются иногда какъ пророческая интуиція. Когда низшій разумъ безсиленъ найти исцѣленіе отъ безчисленныхъ золъ, загромождающихъ жизнь, что-то изъ глубокихъ слоевъ сознанія рисуетъ сіяющія картины болѣе счастливой и достойной жизни, такой жизни, гдѣ бы братская любовь царила и создавала красоту. Такія картины-мечты проносятся иногда и передъ моимъ внутреннимъ взоромъ; одну изъ нихъ я попробую срисовать, какъ сумѣю.

* * *

Въ красивой маленькой рощѣ, полной тѣни отъ старыхъ деревьевъ, вьющаяся дорожка ведетъ въ красивый садикъ, въ которомъ веселыми пятнами пестрѣютъ цвѣты. Садикъ очень красивъ. Такъ и хочется остановиться подъ тѣнью старыхъ рябинъ и посидѣть на низкой широкой скамьѣ. Садикъ и прилегающій къ нему домъ принадлежитъ старой лэди, которая первая поселилась въ колоніи. У нея очевидно свои особыя идеи о садовой культурѣ; въ ея саду нѣтъ традиціонныхъ цвѣточныхъ клумбъ, окаймленныхъ раковинами, черепицами или проволочными загородками. Ничего подобнаго! Растеніямъ и ихъ нравамъ предоставляется полная свобода. Можно назвать этотъ уголокъ счастливымъ маленькимъ оазисомъ, гдѣ растенія изъ различныхъ странъ живутъ въ полной дружбѣ совмѣстно, напоминая своей хозяйкѣ о всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ она жила и гдѣ оставила слѣды своего существованія. Но вотъ и она сама сходитъ съ крыльца съ охапкой разноцвѣтныхъ мотковъ пряжи.

—Дорогой профессоръ, какъ разъ васъ-то я и хотѣла видѣть. Вы мнѣ можете очень помочь,—обратилась она ко мнѣ.

И мы идемъ вдвоемъ къ крыльцу маленькаго дома, окруженнаго деревьями, и входимъ на широкій дворъ. Все пространство его наполнено туго натянутыми веревками, прикрѣпленными

къ передвижнымъ шестамъ, и ни одна веселая деревенская ярмарка не могла бы сравниться съ этимъ удивительнымъ дворомъ... Всѣ цвѣта радуги собраны здѣсь. Шерстяная и льняная пряжа въ малыхъ и большихъ моткахъ свѣшивается съ веревокъ. Золотисто-коричневые и розовые и различные оттѣнки краснаго, а голубые, что за прелестные голубые цвѣта! Очевидно, это любимый цвѣтъ; начиная отъ блѣднаго, задумчиво-голубого до ярко-синяго цвѣта васильковъ; далѣе серьезные темно-голубые оттѣнки и голубовато-зеленый цвѣтъ морской волны. Полотняныя и шелковыя полотнища высушиваются подъ лучами горячаго солнца, и нѣкоторыя изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе профессора особой золотисто-коричневой узорчатой окраской.

— Да, они очень красивы! Мы стараемся воспроизвести древнюю набойчатую окраску острова Явы при содѣйствіи товарищей изъ Явы; и мы уже достигли порядочныхъ результатовъ. Но пойдемте въ мою малороссійскую комнату,—и скажите, что вы о ней думаете.

И они поднялись по деревянному крылечку въ ярко освѣщенную солнцемъ комнату, въ которой молодая женщина въ малороссійской клѣтчатой плахтѣ и вышитой рубашкѣ сидѣла за ткацкимъ станкомъ. Маленькіе сапожки изъ краснаго сафьяна стояли кокетливо около станка. Корзинки съ разноцвѣтными клубками шерсти и цвѣтные мотки, спускающіеся съ ея станка, и множество красивыхъ цвѣтныхъ образцовъ на стѣнѣ дѣлали комнату необыкновенно веселой.

Хохлушка поселилась въ колоніи недавно и устроила свою комнату по своему. Необыкновенно чистая дѣвичья комната: сверкающая бѣлизной постель съ тремя взбитыми подушками, положенными одна на другую; стѣна у кровати покрыта красивыми девизами, сдѣланными изъ листьевъ и вѣтокъ. Повсюду цвѣты, и связка полыни стоитъ въ кувшинѣ на косякѣ открытаго окна, распространяя свой особый горькій ароматъ. Въ углу виднѣется большая икона съ привѣшенными къ ней маленькими образками, и зажженная лампадка освѣщаетъ темный византійскій ликъ Николая Угодника. Печь и полки покрыты вышитой занавѣской. Вся комнатка поражаетъ свѣжестью и свѣтомъ, словно отражаетъ ясность своей хозяйки. Она еще мало говоритъ по-англійски и отвѣчаетъ застѣнчивой улыбкой на привѣтъ профессора.

— Вотъ вамъ,—сказала старая лэди, показывая ей различные мотки свѣже-окрашенныхъ нитокъ,—смотрите на нихъ, какъ всѣ они, и зеленые и коричневые, голубые и желтые, красные и пурпуровые сливаются вмѣстѣ въ необыкновенной гармоніи.

Старая лэди соединяла мотки въ различныхъ фантастическихъ сочетаніяхъ и каждый разъ появлялся новый аспектъ красоты.

„Какая вы искусница“, сказалъ профессоръ съ восхищеніемъ.

„Это не я, это дѣйствіе растительныхъ красокъ. Онѣ всегда гармоничны. Въ нихъ какое-то внутреннее сродство! Иначе я не могу объяснить себѣ эту гармонію. Можно ли подумать, чтобы всѣ эти пурпуровые, желтые и красные оттѣнки могли гармонировать между собой? А между тѣмъ, вотъ они всѣ вмѣстѣ, и вы видите, какая гармонія! Неправда ли?“ И старая лэди соединяла все въ новыя сочетанія разноцвѣтные мотки на фонѣ сѣраго сукна и видъ ихъ былъ чрезвычайно привлекателенъ.

„А теперь посмотрите на это: вотъ вамъ три оттѣнка краснаго! Посмотрите, до чего невозможно они выдѣляются среди остальныхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. Мнѣ они кажутся почти преступными! А между тѣмъ они получились въ нашей собственной красильнѣ, гдѣ нѣтъ искусственныхъ минеральныхъ пигментовъ. Покажите намъ, Одарка“, сказала она, обращаясь къ молодой женщинѣ, „изъ какого вещества получились эти красные цвѣта?“.

Одарка прошла быстро въ слѣдующую комнату, взобралась съ молодой стремительностью на верхнюю полку шкафа и подала профессору небольшой пузырекъ съ темнымъ содержимымъ. Онъ внимательно разсмотрѣлъ его и сказалъ: „мнѣ кажется, я знаю, *почему* они не гармонируютъ съ остальными цвѣтами: они принадлежатъ къ другому царству природы; всѣ остальные растительные, а эти животнаго происхожденія. Теперь пойдемте ко мнѣ и посмотримъ въ чемъ дѣло. Меня это очень заинтересовало“.

Они пошли извилистой дорожкой, окаймленной съ обѣихъ сторонъ русскими крестьянскими изгородями, покрытыми вьющимися тыквами; кусты малины и черной смородины окружали уютныя куртинки съ огурцами, бобами и укропомъ. Сильный специфическій ароматъ различныхъ кухонныхъ травъ исходилъ изъ этихъ куртинокъ.

Невдалекѣ отъ покрытыхъ соломой русскихъ домиковъ виднѣлось нѣсколько норвежскихъ домовъ. Еще одинъ поворотъ, и картина измѣнилась. Теперь они были въ настоящей англійской средѣ. И нужно сказать—счастливый англійскій уголокъ открылся передъ ними! Старомодные цвѣты виднѣлись на красивыхъ клумбахъ передъ коттеджемъ. Дрокъ былъ въ полномъ цвѣту и штокъ-розы образовали цѣлую живую стѣну, пестрѣющую цвѣтами. Чисто подметенная дорожка привела обоихъ къ дому про-

фессора. Трудно было сказать, гдѣ кончался садъ и гдѣ начинался домъ. Зелень растеній и цвѣты вторгались въ домъ, взбирались на самый верхъ и ползли по стеклянному окну, вдѣланному въ крышѣ. Это былъ прелестный уголокъ. Въ немъ чувствовалась своя душа.

„Моя старуха любитъ свои цвѣты и свой домъ“, сказалъ профессоръ: „и все здѣсь устроено по ея плану. Пока она переноситъ меня и мои пыльныя книги, я вполнѣ доволенъ. Недавно она придумала пресмѣшную вещь. Вообразите, она счищаетъ пыль съ моихъ книгъ пылесосомъ! Такимъ образомъ о пыли нѣтъ и помину и мнѣ не приходится убѣгать изъ дому на время генеральной чистки. Господи! Меня разбираетъ дрожь при одной мысли, что бывало тогда!“

Они взошли въ домъ, гдѣ царилъ пріятный полусвѣтъ. Въ столовой и кабинетѣ всѣ свободныя стѣны были заняты книгами; даже надъ дверями и надъ лѣстницей всюду виднѣлись книги. Профессоръ бралъ одну книгу за другой и, перелистывая ихъ, заговорилъ съ оживленіемъ:

„Теперь я начинаю понимать! Природа не любитъ внезапныхъ скачковъ. Все въ ней происходитъ въ порядкѣ, подчиняясь законамъ эволюціи. Правда, человѣкъ часто вмѣшивается въ эти законы. Для него естественно искать, разслѣдовать, расширять свои знанія. Отсюда его страсть къ опытамъ. Иногда онъ открываетъ красоту, иногда идетъ по невѣрному пути, вноситъ ошибки въ свои представленія, дѣлаетъ уродливыя вещи и портитъ понятіе о красотѣ у многихъ поколѣній. Вотъ посмотрите, что заключается въ этомъ маленькомъ пузырькѣ вашей хорошенькой дѣвицы. Это кошиниль. Извѣстно ли вамъ что-нибудь о жизни кошинили? Вѣроятно нѣтъ, а между тѣмъ, каждый изъ насъ могъ бы поучиться у этихъ крошечныхъ созданій. Правда, мы склонны судить по размѣру, а эти и въ правду ужъ очень малы. Въ одномъ фунтѣ польской кошинили можно насчитать сто тридцать пять тысячъ насѣкомыхъ. Какъ видите, достаточно малы! Но у этихъ малютокъ большое представленіе о долгѣ. Начать съ того, что самецъ умираетъ немедленно послѣ того, какъ совершилъ свой долгъ. Послѣ того самка кладетъ яйца, покрываетъ ихъ своимъ тѣломъ и остается такъ, пока изъ яицъ не вылупятся вполнѣ развитыя насѣкомыя. Послѣ чего отъ матери остается пустая скорлупа. Эти самыя героини и послужили матерьяломъ для тѣхъ красныхъ оттѣнковъ, которые такъ не гармонируютъ съ вашими растительными красками“.

„Теперь понимаю“, сказала старая лэди, „спасибо вамъ большое, я бы никогда до этого не додумалась. Но какъ же мнѣ замѣнить этотъ преступный красный цвѣтъ другимъ оттѣнкомъ, растительнаго происхожденія“?

„Вамъ придется дѣлать то же, что дѣлали вегетаріанцы въ первое время ихъ борьбы съ вѣковыми предразсудками. Теперь вы уже не услышите, что вегетаріанцамъ придется умирать съ голоду оттого, что они не хотятъ убивать барановъ, телятъ, птицъ, и тому под. или что неубитыя животныя переполнятъ землю и вытѣснятъ человѣка. Закоренѣлые мясоѣды были наказаны за свои преступныя дѣйствія подагрой, склерозомъ и всевозможными болѣзнями, а вы за то, что занялись уничтоженіемъ милліоновъ крошечныхъ живыхъ существъ, наказаны тѣмъ, что получили безобразную краску. Но вы грѣшите еще болѣе, давая человѣческому взору вмѣсто красоты нѣчто некрасивое. Это самый серьезный изъ всѣхъ грѣховъ. Но въ этомъ вопросѣ есть еще одна сторона, о которой вамъ слѣдовало бы посовѣтываться съ нашимъ другомъ теософомъ, который вѣчно роется въ „*Тайной Доктринѣ*“. Я думаю, что онъ сумѣетъ дать вамъ истинную философію этого явленія и будетъ радъ добытымъ вами фактамъ. Такъ то мы помогаемъ другъ другу, сестрица“.

Они дружески простились, и старая лэди собиралась выходить, когда на дорожкѣ показалось новое лицо, въ сопровожденіи веселой маленькой дѣвочки. Она поспѣшила привѣтствовать вновь пришедшую; ей это было не трудно, такъ какъ она всю жизнь прожила среди самыхъ разнообразныхъ людей, то въ одной части свѣта, то въ другой, и она любила эти новыя встрѣчи, находя почти всегда общихъ друзей или что-нибудь интересное, и всегда надѣясь привлечь новую силу въ кругъ своихъ идеаловъ. Всѣ ея новыя встрѣчи вызывали въ ней радостное чувство, что ея огромная семья растетъ.

„Я являюсь къ вамъ изъ Чикаго“, сказала гостья: „меня послала къ вамъ Джэнъ Адамсъ“.

„Это имя звучитъ для меня очень привлекательно“, сказала старая лэди привѣтливо: „хотя вамъ ненужно никакихъ рекомендацій. Мы всегда радуемся товарищамъ, все равно собираются ли они остаться съ нами, или являются какъ временное звено между нами и остальными людьми“.

„Меня зовутъ Елена Больдуинъ. Вспоминаете вы меня?“

„Милая Элленъ!“ лицо старой лэди просіяло—„дорогое мое дитя, конечно я помню васъ! Сколько же разъ я держала васъ

на колѣняхъ и учила русскимъ вышивкамъ. А теперь передо мной совсѣмъ взрослая женщина", и она поцѣловала гостью въ обѣ щеки и въ глаза.

„Вы доставляете мнѣ необычайное удовольствіе, милочка. Мы должны съ вами много и хорошо побесѣдовать, и я чувствую, что у меня будетъ новый другъ. Теперь вы выросли во всю", сказала старая лэди, заглядывая глубоко въ прекрасные глаза дѣвушки. Черезъ мгновеніе, она стряхнула это настроеніе и приняла свой обычный дѣловой видъ.

„Хотите пойти прямо ко мнѣ, или, если вы не особенно устали, пройдемте вмѣстѣ? У меня тутъ недалеко есть дѣло".

„Чѣмъ скорѣе я увижу, какъ вы здѣсь живете и работаете, тѣмъ пріятнѣе это будетъ для меня", отвѣтила американка.— Дома я такъ много слышала о вашей колоніи".

„Въ такомъ случаѣ пойдемте. Я хотѣла повидаться съ молодымъ ювелиромъ, который недавно присоединился къ намъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ заказовъ, а у меня для него добрыя вѣсти изъ города. Можетъ быть вы слышали, что у насъ образовался въ городѣ кооперативный складъ? Большая часть того, что мы производимъ здѣсь, продается въ складѣ, и тамъ же мы получаемъ заказы. У насъ тамъ цѣлый рядъ комнатъ и дѣловыхъ конторъ. Всякаго рода сношенія съ торговымъ міромъ сосредоточены тамъ. Иногда я не прочь сыграть и роль разсыльнаго для своихъ товарищей", улыбнулась старая лэди. „Вотъ мы и пришли".

Жилище ювелира было въ совершенно другомъ родѣ. Это былъ настоящій человѣческій улей. Цѣлое населеніе молодыхъ ремесленниковъ и художниковъ жило здѣсь, привлеченное свободой и удобствомъ общей жизни. Домъ не обнаруживалъ никакого особаго архитектурнаго стиля, и, по всѣмъ видимостямъ, расширялся постепенно: по мѣрѣ надобности къ нему придѣлывали небольшія башенки, мастерскія и висячіе балконы, затѣнявшіе зеленые лужайки, окружавшія домъ; лужайки эти, по всѣмъ видимостямъ, служили мѣстомъ сборищъ для обитателей дома. Изъ дома доносилось много всякихъ звуковъ и слышалась пѣсня, сопровождаемая ударами молотка. Подойдя ближе, старая лэди узнала въ поющемъ того, кого она желала видѣть. Его скамейка стояла у открытаго окна. Лѣтомъ и зимою онъ работалъ у этого окна, рѣдко закрывая его. Работа по горячему металлу согрѣвала его.

Но онъ былъ не одинъ. Съ наружной стороны окна стоялъ человѣкъ, очень популярный въ округѣ, извѣстный лекторъ, славившійся знаніемъ оккультныхъ вещей. Разговоръ, занимавшій обоихъ, такъ поглотилъ ихъ вниманіе, что онъ и не замѣтилъ пришедшую.

„Такъ! Это все объясняетъ!“ разслышала старая лэди слова ювелира. Онъ казался взволнованнымъ. Его глаза сверкали.

„Я всегда чувствовалъ, что тутъ должно быть какое-то значеніе. Но вѣдь вы знаете, какъ насъ учатъ. Кто даетъ себѣ трудъ говорить съ нами о символахъ, объяснять намъ внутреннее значеніе вещей. Послѣ вашихъ словъ у меня точно выросли крылья... Теперь я начну читать и постараюсь достать книгу, о которой вы говорили. Мнѣ совѣстно, что я работалъ всю жизнь, не подозрѣвая значенія того, что дѣлалъ. Мнѣ заказывали хорошенькія вещицы, я исполнялъ ихъ. Вотъ и все. Но я всегда чувствовалъ, когда мнѣ удавалось сдѣлать что-нибудь дѣйствительно хорошее, и это было каждый разъ, когда я бралъ за образецъ античную вещь. Теперь это для меня ясно какъ Божій день!“ воскликнулъ онъ съ возбужденіемъ, взявъ одну изъ своихъ золотыхъ вещицъ въ руки: „Конечно этотъ символъ сдѣланъ невѣрно! Теперь я понимаю: это все равно, какъ если бы художникъ нарисовалъ человѣка вверхъ ногами! Вы раскрыли передо мной совершенно новый путь!“

Теперь старая лэди привлекла къ себѣ его вниманіе. Она вошла въ мастерскую и дала ему нѣсколько порученій и заказовъ; ея молодая спутница оставалась у открытаго окна и прислушивалась къ ихъ разговору о сибирскихъ и франкфуртскихъ камняхъ. Она видѣла, какъ оба наклонились надъ маленькими ящиками и сравнивали названные камни съ американскими. Разбирали различныя особенности американскихъ опаловъ. Выходя старая лэди сказала ювелиру:

„Смотрите же, не разочаруйте двухъ сестеръ съ ихъ греческими ожерельями; онѣ должны ихъ имѣть черезъ двѣ недѣли для бала съ греческими танцами“.

И взявъ Елену подъ руку, она пошла по лужайкѣ.

Изъ за ближайшихъ деревьевъ на встрѣчу имъ неслась веселая молодая толпа, большей частью дѣвушки, бѣлокурыя и темноволосыя, и въ числѣ ихъ граціозная Одарка, разодѣтая въ свой украинскій нарядъ, вся въ цвѣтахъ, въ безчисленныхъ лентахъ и кораллахъ.

Молодыя дѣвушки принадлежали къ различнымъ національностямъ и представляли настоящій цвѣтникъ съ юга и сѣвера, съ востока и запада. Весело было смотрѣть на эту живую гирлянду, полную радости и надежды! Онѣ перепархивали, какъ веселая стая птицъ, пока всѣ не усѣлись подъ большимъ каштаномъ, гдѣ молодой художникъ объяснялъ что-то внимательной группѣ столпившихся около него юношей. Старая лэди подошла поближе. У художника на колѣняхъ виднѣлась доска съ листами бумаги. Рисунокъ, который онъ набрасывалъ, имѣлъ очень оригинальный видъ.

„Чему вы учите этихъ мальчиковъ, другъ?"

„Они учатъ меня столько же, сколько я ихъ", отвѣтилъ художникъ, поднимая улыбающееся лицо и глядя на старую лэди.

„Мы придумываемъ наилучшій способъ, какъ выразить настроеніе или явленіе природы". И онъ сталъ показывать ей одинъ за другимъ листы, исчерченные странными рисунками, напомнившими ей индусскія картинки изъ древнихъ временъ.

„Мнѣ показалось, что вы рисуете символы"?

„Такъ оно и есть. Развѣ картина не есть символъ настроенія, которое хочешь выразить? Я получилъ отъ мальчиковъ очень цѣнныя указанія и я дорожу ими. Такъ они не испорчены еще условными идеями и догматами современной школы. Мнѣ самому приходилось пробиваться сквозь эти догматы, и я и до сихъ поръ еще не совсѣмъ освободился отъ академическихъ цѣпей. Мнѣ помогаетъ освободиться отъ нихъ новая точка зрѣнія, исходя изъ которой весь матеріальный міръ есть лишь отраженіе высшаго духовнаго міра".

Замѣтивъ, что мальчики проявляютъ знаки нетерпѣнія, художникъ обратился къ нимъ:

„Посмотрите-ка сюда, мальчуганы, вотъ линія волны и линія горы—развѣ это не то же самое? Посмотрите, какъ онѣ возникаютъ"... И всѣ глаза устремились на доску художника, а двѣ дамы направились въ другую сторону.

Подъ другимъ деревомъ была видна интересная группа въ оживленномъ разговорѣ: одна пара состояла изъ сѣдовласаго и достаточно древняго ботаника, проводящаго всѣ дни надъ книгами и засушенными растеніями, и статной бѣлокурой молодой дѣвушки въ шведскомъ костюмѣ. Она была цѣлительница и собирательница травъ.

Другую пару составлялъ стоявшій подъ деревомъ астрологъ и сидѣвшая рядомъ съ нимъ старенькая русская крестьянка съ необыкновенно добрымъ лицомъ. Она также была цѣлительницей

въ своей собственной деревнѣ, и тайны лѣсовъ и луговъ были для нея открытой книгой. По желанію своей дочки, она согласилась пожить между этими чужими людьми, но ихъ любовное взаимное отношеніе завоевало ея сердце, и теперь она была въ этой англійской колоніи какъ своя, и сдѣлалась любимицей всѣхъ, и стараго и малаго. Молодыя матери поручали ей своихъ младенцевъ, когда отправлялись въ городъ, и ей вполнѣ хватало ея знанія англійскаго языка съ этимъ невзыскательнымъ народомъ. Теперь она была въ полномъ восторгѣ, увидавъ знакомыя ей простыя травки въ коллекціи ученаго господина, красующіяся на бѣлыхъ листахъ подъ стекломъ. Дома, въ Россіи, она видѣла одно пренебреженіе отъ ученыхъ докторовъ, но здѣсь народъ былъ другой; они слушали ее съ интересомъ, и однажды старый ученый даже записалъ на бумагѣ, что она говорила про свои травки! Выходило, что она учила его! Это показалось очень потѣшнымъ старушкѣ.

„А теперь,“ сказала старая лэди, обращаясь къ своей американской гостьѣ, „пойдемъ въ мое собственное гнѣздо. Тамъ вы получите чашку чая и отдохнете, прежде чѣмъ я поведу васъ къ общему ужину и вечернему собранію. На сегодня я поработала достаточно“.

И онѣ повернули по другой тѣнистой дорогѣ, проложенной по берегу ручья.

„Это моя любимая дорога“, и она глубоко вздохнула, словно вбирая въ себя тишину лѣса, терпкій запахъ густыхъ травъ и тихое журчаніе воды. „Пойдемте и я вамъ покажу такую красоту, какую вы едва ли видѣли на самыхъ лучшихъ картинахъ знаменитыхъ пейзажистовъ“.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онѣ увидѣли очаровательное мѣстечко. Деревья, расцвѣченныя осенними красками, какъ бы разступились, открывая хорошенькій прудъ съ зеркальной поверхностью, въ которой отражались деревья и кусты со всѣми своими многоцвѣтными уборами. Вода пруда словно застыла и лишь звукъ падающихъ гдѣ то водяныхъ капель нарушалъ тишину, дѣлая ее еще болѣе глубокой и затаенной. Отъ времени до времени отрывавшіеся листья, то розовые, то золотистые, тихо опускались на зеркальную поверхность воды. Удивительное настроеніе царило въ этомъ мѣстѣ, словно зачарованныя стояли обѣ женщины и въ глубокой тишинѣ смотрѣли, какъ золотые листочки, оторвавшись отъ вѣтокъ, медленно кружась, какъ во снѣ, падали въ неподвижную воду.

„Посмотрите, Элленъ, они кажутся живыми существами, возвращающими свои смертныя оболочки природѣ, и, кто знаетъ, души этихъ маленькихъ, желтыхъ листочковъ—не радуются ли они своему освобожденію? И, какъ знать, не является ли наше настроеніе намекомъ на общеніе нашихъ собственныхъ душъ съ ихъ крошечными душами въ моментъ ихъ освобожденія, которое мы видимъ сейчасъ передъ собой? Эта поистинѣ величавая мистерія природы говоритъ, что смерти нѣтъ! Глядя на нея, я начинаю чувствовать, что отдѣленіе души отъ тѣла можетъ быть дѣйствительно прекрасно".

Молодая дѣвушка молча поцѣловала свою спутницу и онѣ пошли дальше по берегу ручья. Это была обходная тропинка, повидимому не часто посѣщаемая. Вскорѣ показалась и соломенная кровля дома, въ которомъ старая лэди нашла временный пріютъ. Небольшое крытое крыльцо съ двумя широкими лавками и откиднымъ столомъ, на которомъ лежали принадлежности работы и корзинка съ разной мелочью; очевидно, старая лэди употребляла это крылечко вмѣсто балкона. Оно было обращено на западъ, и она любила слѣдить отсюда за солнечнымъ закатомъ, не отрываясь отъ своихъ различныхъ рукодѣлій.

Одарка услыхала ихъ шаги и поспѣшила приготовить чай въ мастерской, красивой просторной комнатѣ, съ широкими окнами подъ потолкомъ и деревянными панелями вокругъ стѣнъ.

„Я не знала что у васъ есть мастерская", сказала Элленъ; „я не подозрѣвала, что вы художница".

„Если вы называете художницами тѣхъ, кто пишетъ картины, я не художница", улыбнулась старая лэди. „Но я люблю много свѣта. Я цѣлый день работаю, и мнѣ нужно, чтобы свѣтъ падалъ сверху. Солнце учитъ насъ. Если бы мы умѣли только понимать его указанія! Можетъ быть потому-то я и могу работать безъ очковъ несмотря на мои 60 лѣтъ. Но вотъ и чай. Одарка, иди къ намъ, будешь пить вмѣстѣ съ нами".

„Я уже напилась съ дѣвочками и мнѣ нужно еще прибрать станокъ, прежде чѣмъ идти на собраніе".

Мастерская говорила о многихъ годахъ вдумчиваго труда. Широкій прилавокъ съ одной ея стороны былъ покрытъ таблицами образцовъ всевозможныхъ работъ изъ разныхъ странъ свѣта. Возстановленіе ткачества, вышивокъ и кружевъ въ различныхъ степеняхъ, рисунки и выкройки одеждъ, по большей части восточныхъ, съ приложенными къ нимъ снимками восточныхъ людей древней и современной эпохи, образцы растительной

окраски и разные процессы ручного набивного искусства по шелку, бумажной и льняной ткани, лежали въ простыхъ портфеляхъ. Портфели, наполненные такими образцами, накоплялись изъ года въ годъ и наполняли широкія полки подъ прилавкомъ. Въ двухъ большихъ витринахъ по обѣ стороны прилавка виднѣлась прекрасная коллекція изъ античныхъ одеждъ, головныхъ уборовъ, серебряныхъ украшеній, янтарей, старинныхъ крестовъ, застежекъ, пуговицъ съ драгоцѣнными камнями и вышивокъ. У молодой американки была слабость къ античнымъ вещамъ, можетъ быть потому, что ея страна была совсѣмъ лишена прошлаго.

„Вы должны гордиться вашей коллекціей", сказала она съ восхищеніемъ.

„Нѣтъ, дружокъ, это не гордость; моя коллекція только напоминаетъ мнѣ, какъ хорошо работали люди, когда любили свою работу, когда работа, любовь и жизнь были одно. И она же выводитъ меня изъ всѣхъ затрудненій. Когда я не могу своимъ умомъ отыскать вѣрную методу, я прибѣгаю къ своимъ сокровищамъ, медитирую надъ ними и всегда нахожу помощь и указанія".

Хозяйка приготовила чай. Въ комнатѣ воцарилось то задумчивое настроеніе, которое бываетъ въ сумеркахъ, когда кажется, что собираются всѣ разнородныя нити пережитыхъ за день впечатлѣній и всѣ онѣ соединяются въ одинъ многоцвѣтный опытъ. Старая лэди казалась погруженной въ свои думы, а молодая переживала свои новыя впечатлѣнія и строила планы на будущее.

„Пора отправляться на вечернее собраніе", сказала наконецъ хозяйка, отрываясь словно нехотя отъ своихъ думъ. „Ручаюсь, что вамъ не придется скучать".

Они прошли черезъ узкую садовую калитку, пересѣкая небольшой огородъ, привлекательный пряными запахами, которые испускали различныя овощи, и затѣмъ прошли рощей, отдѣлявшей среднюю лужайку отъ поселка. Когда онѣ вышли изъ рощи, онѣ увидали нѣчто, способное поразить воображеніе даже и въ двадцатомъ столѣтіи; нашъ разсказъ относится къ той эпохѣ XX вѣка, когда было изобрѣтено и вошло во всеобщее употребленіе прозрачно-плавкое вещество, которое вѣрнѣе всего назвать „стекляннымъ желѣзомъ". Вещество, вызвавшее цѣлую революцію въ строительномъ искусствѣ. Передъ ними свѣтилось зданіе, до того непохожее на обыкновенные дома, что оно казалось воздушной мечтой, осуществленной не на землѣ, а на высокихъ планахъ. Трудно описать форму этого зданія. Всѣ прямыя линіи, къ которымъ мы привыкли въ старой архитектурѣ, исчезли; онѣ были ненужны и неестественны

въ этомъ новомъ архитектурномъ стилѣ, возникшемъ благодаря новому веществу, до того подвижному и текучему въ своемъ огненномъ возникновеніи—почти столь же текучему, какъ мечта художника—и въ то же время такому твердому и прочному въ своемъ окончательномъ видѣ!

Эта его текучесть невольно вызывала очертанія раковинъ и цвѣтовъ. Удивительное зданіе, къ которому они приближались, можно было сравнить съ четырьмя огромными опрокинутыми раковинами, обращенными своими внѣшними краями во всѣ четыре стороны свѣта. Изъ центра ихъ соединенія поднималась къ небу спиральная башня, украшенная со всѣхъ сторонъ прозрачными раковинами и цвѣтами. Все красиво свѣтящееся зданіе легко опиралось на окружающій его бордюръ изъ красивыхъ растеній и цвѣтовъ, потемнѣвшихъ подъ ночнымъ небомъ и опоясавшихъ какъ бы прозрачнымъ кружевомъ насквозь свѣтящееся зданіе. Все вмѣстѣ казалось мечтой, которая вотъ, вотъ разсѣется какъдымъ, и мысль невольно уносилась въ высшіе міры, къ неземной красотѣ. Старая лэди со своей молодой спутницей вошли съ чувствомъ радостнаго ожиданія въ этотъ заколдованный замокъ, который очаровывалъ и своими величавыми пропорціями, и фантастическими линіями, возможными только благодаря удивительному свойству „стекляннаго желѣза“, которое напоминало одновременно и стекло, и жемчугъ и, несмотря на свою воздушность, было крѣпко какъ скала.

Онѣ пришли къ ужину немного рано; не было еще видно никого, кромѣ дежурныхъ, которые хлопотали у накрытыхъ столовъ, украшая ихъ цвѣтами въ красивыхъ вазахъ. Фарфоровыя вазы являлись исключеніемъ и представляли интересный контрастъ съ фантастическими вазами и кувшинами изъ красиваго стекляннаго желѣза. Ихъ форма напоминала средневѣковые образцы венеціанской посуды, но съ прибавленіемъ чего-то новаго, идущаго уже изъ двадцатаго столѣтія и говорящаго объ исканіи болѣе гибкихъ и легкихъ линій для выраженія болѣе воздушнаго идеала красоты. Цвѣты были повсюду. Особенно выразительны были большіе букеты изъ многоцвѣтныхъ осеннихъ листьевъ, которые стояли въ высокихъ вазахъ за диванами и креслами.

Источника свѣта въ видѣ лампъ не было видно нигдѣ, но свѣтъ разливался обильно и свободно повсюду, отражаясь въ свѣтящихся стѣнахъ. Разыскивая этотъ источникъ, Элленъ подняла голову къ потолку; она увидала спускающійся съ потолка букетъ лотосовъ и изъ листьевъ и лепестковъ этого букета изливались потоки мягкаго и сильнаго свѣта.

Въ центрѣ букета было приспособленіе, которое при желаніи могло придавать свѣту различные оттѣнки, и тогда цвѣты и листья лотоса зажигались своими натуральными цвѣтами.

Пропорціи высокаго зала позволяли избѣгать той скученности и монотонности въ расположеніи мебели, къ которому мы привыкли; всюду поражалъ непривычный просторъ и множество живописныхъ маленькихъ уголковъ въ углубленіяхъ волнистой линіи напоминающей раковину стѣны, привлекательныя, небольшія ниши для двухъ или трехъ собесѣдниковъ; были тамъ и болѣе обширныя углубленія со столами неправильной формы, соотвѣтствующей извилинѣ стѣны, назначенные для десяти и болѣе человѣкъ; эти укромные особняки, казалось, ожидали веселую толпу друзей, встрѣчающихся тамъ въ одинъ и тотъ же часъ и оставляющихъ свои индивидуальныя черты въ убранствѣ стола.

Вентиляція была верхомъ совершенства. Окна не имѣли ничего общаго съ вытянутыми жесткими линіями нашихъ оконъ. Благодаря искусному устройству, часть стѣны отодвигалась легко, открывая цѣлую сѣть переплетающихся листьевъ и цвѣтовъ, которые, колеблясь на вечернемъ вѣтеркѣ, служили какъ бы красивымъ вѣеромъ. Если хотѣли впустить больше воздуха, эта живая сѣть раздвигалась, образуя открытый овалъ.

Всѣ дежурные имѣли красивые передники поверхъ вечернихъ платьевъ. Всѣ они собирались присутствовать на вечерней лекціи. Та часть работы, которая слѣдуетъ за общими трапезами и требуетъ такой тяжелой работы человѣческихъ рукъ, была устранена очень простымъ способомъ. Обширное помѣщеніе для мытья посуды состояло изъ большихъ бассейновъ съ проточной водой. Всю употребленную посуду со стола клали въ эти бассейны и оставляли на всю ночь. По утру, во время рабочихъ часовъ, дежурные, обязанностью которыхъ было приведеніе въ порядокъ кухни и посуды, вынимали обмытыя блюда и тарелки изъ воды, и не торопясь вытирали ихъ безъ всякаго неудовольствія и безъ горькаго чувства, что имъ не удалось раздѣлить наиболѣе интересныя впечатлѣнія общинной жизни.

Такъ какъ оставалось еще немного времени, старая лэди пригласила свою гостью въ кухню. Къ великому удивленію американки, кухня была такъ же велика, и устройство ея было такъ же великолѣпно, какъ и въ столовой. Когда она окинула взглядомъ всѣ подробности этого маленькаго царства, полнаго движенія, увидала эти молодыя улыбающіяся лица дежурныхъ и живописныя горы фруктовъ и всевозможныхъ овощей, она подумала о

томъ, сколько красоты, колорита и очаровательныхъ формъ можетъ быть въ томъ отдѣлѣ человѣческой жизни, который относится до питанія, и на который она до сихъ поръ не обращала никакого вниманія. Она замѣтила въ одной изъ стѣнъ широкую нишу съ подвижными полками, назначенную исключительно для фруктовъ и овощей. Яркія тыквы и дыни, большіе и маленькіе огурцы, яркозеленые русскіе и англійскіе яркокрасные томаты, яблоки и груши изъ всѣхъ частей земного шара, красовались на широкихъ нижнихъ полкахъ. Выше виднѣлись демократическія рѣпы и моркови; пучки маковыхъ головокъ и стручки краснаго перца пестрѣли тутъ же, словно для того, чтобы внести артистическую ноту болѣе сложныхъ очертаній и колоритовъ въ трезвую прозу рѣпы и моркови; еще выше находились всевозможныя овощи, зрѣлыя и дозрѣвающія, а вокругъ той же стѣны на широкихъ прилавкахъ и подъ ними виднѣлись безчисленныя корзины со всевозможными орѣхами и каштанами, душистыми травами и салатами, бобами и селдереями, распространявшія отъ себя сладкіе и пряные запахи.

Хорошенькая дѣвушка, сама похожая на спѣлый орѣшекъ, сидѣла окруженная живописной рамой изъ корзинъ всевозможныхъ оттѣнковъ и чистила бобы для завтрашняго дня.

Она ласково привѣтствовала вошедшихъ.

„Вамъ не въ тягость эта работа?“ спросила американка.

„Въ тягость? Я люблю ее. Посмотрите на эту прелесть: они лежатъ въ стручкахъ, какъ изумруды въ гнѣздахъ изъ ватки, приготовленныхъ для нихъ материнскимъ растеніемъ. Къ тому же я не все время чищу бобы. Мы дѣлаемъ самыя разнообразныя вещи и переходимъ отъ одной задачи къ другой. Мы не только служимъ, но и учимся. Это наша академія, а вонъ тамъ нашъ дорогой профессоръ. Посмотрите на него! Мы всѣ любимъ его и радуемся, когда приходитъ наша очередь. Жителей колоніи стало такъ много, что можетъ пройти цѣлый мѣсяцъ прежде, чѣмъ наступитъ мой чередъ“.

Американка повернулась, чтобы посмотрѣть на „профессора“. И точно, это былъ премилый старичекъ! Онъ стоялъ въ центрѣ кухни, за полукруглой конторкой, какъ настоящій магъ и чародѣй. Онъ управлялъ всѣми операціями съ этого мѣста. Ассистенты, подходившіе къ нему со всѣхъ сторонъ, получали указанія и уходили, давая мѣсто другимъ.

Хорошенькая, молодая дѣвушка съ фантастическимъ тюрбаномъ на головѣ, принесла кастрюльку, и видъ у нея былъ чрез-

вычайно озабоченный. „Посмотрите-ка, папочка, это тотъ самый соусъ, про который вы говорили, что онъ „наложитъ печать совершенства на весь сегодняшній обѣдъ“. Онъ долженъ выйти превосходный! Попробуйте его пожалуйста. Я такъ безпокоюсь!“ И она впилась въ него глазами, вопросительно и встревоженно, пока старый джентльмэнъ съ большой элегантностью пробовалъ ея соусъ, а молодая американка, глядя на нихъ, едва удерживалась отъ смѣха.

„Дорогая моя“, сказалъ онъ, „онъ могъ бы сойти въ тѣ времена, когда варили и переваривали въ водѣ всякія овощи, не обращая вниманія на ихъ индивидуальныя свойства, а чтобы быть въ состояніи проглотить эту гадость, обливали ее мяснымъ сокомъ и жгучими соусами фабричнаго производства... Въ тѣ времена, конечно, все могло сойти, испорченный вкусъ и не замѣтилъ бы! Но теперь не тѣ времена. Ахъ, знаю, чего не хватаетъ“, и онъ повернулся къ своимъ безчисленнымъ ящичкамъ съ наклеенными на нихъ ярлыками, вынулъ что то изъ одного, потомъ изъ другого, захватилъ немножко изъ третьяго и затѣмъ, положивъ всю коллекцію въ кастрюлю, заявилъ: „поставьте на круглую канфорку № 4 и дайте ей слегка потомиться, только пожалуйста не давайте кипѣть! Въ этихъ вещахъ очень нѣжный букетъ, и онѣ не терпятъ грубаго обращенія... Протомивъ 20 минутъ, пропустите всю штуку черезъ сито и вы получите *такой* соусъ, который покроетъ васъ славой“. Сказавъ это, онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ вслѣдъ молодой дѣвушкѣ, которая уже спѣшила съ озабоченнымъ видомъ къ плитѣ.

„Помните, дѣточка“, обращался онъ къ другой, „никогда не слѣдуетъ класть фрукты на блюдо безъ ихъ естественной обстановки въ видѣ свѣжихъ листьевъ. Слава Богу, зима еще не пришла, и вы найдете сколько хотите въ отдѣленіи Б. Выбирайте любые, и чѣмъ разнообразнѣе будутъ ваши тарелочки съ фруктами, тѣмъ лучше. Подумайте, кто бы вздумалъ на родинѣ апельсиновъ подавать ихъ безъ вѣточки съ листьями!“

Одинъ изъ молодыхъ людей ожидалъ своей очереди, жалуясь, что не можетъ найти экстракта для подливки къ пуддингу.

„Я вижу что вы—новичекъ“, сказалъ старый джентльмэнъ, „и не знаете нашихъ рѣшеній. Колонисты положили себѣ избѣгать всякихъ поддѣлокъ. Не забывайте“, вскипѣлъ онъ, „что мы здѣсь нуждаемся въ настоящихъ вещахъ, а не въ каррикатурахъ. Мы почти потеряли нашъ вкусъ со всѣми этими поддѣльными вещами и глотали все безъ разбору какъ... Вотъ вамъ стручекъ

настоящей ванили, прямо изъ Мексики! Что можетъ быть лучше? Прибавьте ее—и вы не захотите подмѣшивать въ ваши кушанья изъ тѣхъ фабричныхъ бутылокъ, которыя мы изгнали отсюда, надѣюсь—на вѣки вѣковъ!“

Въ эту минуту зазвучалъ гонгъ, и маленькіе вагончики съ суповыми мисками покатились изъ кухни къ пролетамъ, сдѣланнымъ въ стѣнѣ столовой, откуда дежурные брали ихъ и ставили на столы.

Столовая наполнялась быстро; люди входили черезъ многочисленныя двери, ведущія на лужайку, куда жители колоніи сходились передъ обѣдомъ для дружескихъ бесѣдъ. Взорамъ молодой американки представилась очень нарядная и веселая картина. Довольство и что то праздничное чувствовалось у всѣхъ, входившихъ въ красиво освѣщенный залъ, и у тѣхъ, которые по освѣщеннымъ дорожкамъ приближались со всѣхъ сторонъ живописными группами.

Да, группы были дѣйствительно живописны, и обычныя для насъ темныя, мужскія одежды были совершенно изгнаны. Люди руководствовались своимъ собственнымъ вкусомъ, и одежды ихъ были болѣе удобны, чѣмъ модны. Такъ какъ вечеръ былъ теплый, большинство было одѣто въ палевый китайскій шелкъ. На нѣкоторыхъ были національные костюмы; особенно живописно выдѣлялись нѣсколько шотландскихъ и свободныхъ индусскихъ одеждъ; были и вполнѣ индивидуальныя изобрѣтенія, не всегда удачно выраженныя, но говорившія объ артистическомъ чувствѣ и о свободѣ движеній. Одни изъ колонистовъ носили ткани, изготовленныя въ самой колоніи, и были такіе, которые стремились выразить цвѣтъ своей собственной ауры; этимъ помогалъ своими указаніями старый астрологъ. Небольшое число работавшихъ въ городѣ все еще держалось за крахмальныя сорочки, но такихъ пережитковъ было немного. Они были сметены болѣе красивыми и живописными одеждами. Что же касается женщинъ, то для нихъ переходъ былъ совершенно естественъ. Потребовалось немного здраваго смысла, немного пониманія истиннаго отношенія человѣка къ животному міру, и весь этотъ кошмаръ изъ перьевъ и крыльевъ, кожи и мѣховъ, исчезъ подобно облаку въ солнечный день.

Позднѣе вечеромъ обѣ пріятельницы взошли въ лекціонную залу. Совершенно другое настроеніе царило здѣсь, и самый звукъ разговора и смѣха былъ изгнанъ отсюда. Чувствовалось, что *это* мѣсто было любимо совершенно иначе, и люди обращались къ

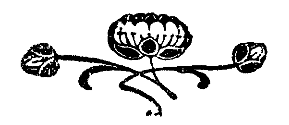
нему другою стороною своей природы. Мѣсто это было соединено со многими свѣтлыми и любимыми именами учителей и товарищей, и нерѣдко сердца всѣхъ присутствующихъ бились какъ одно подъ вліяніемъ вдохновенной рѣчи. Залъ быстро наполнялся. Кто то уменьшилъ свѣтъ, и весь видъ зала сталъ покойнѣе и задушевнѣе. Только одна платформа оставалась ярко освѣщенной. Тихіе звуки музыки доносились съ верхней галлереи. Нѣжные аккорды какъ бы изливали свою гармонію на собравшихся, какъ бы благословляли ихъ. Все новые оттѣнки звуковъ появлялись одинъ за другимъ, внося все болѣе богатства въ разраставшуюся гармонію; звуки сплетались, ширились и углублялись, вознося на своихъ крыльяхъ сердца слушателей, связывая и переплетая ихъ въ могучемъ потокѣ музыкальнаго вдохновенія, которое такъ сильно даетъ чувствовать божественное происхожденіе людей и ихъ единство.

И вызвавъ это чудо, музыка начала постепенно стихать.

Хорошо знакомый и любимый голосъ произнесъ съ платформы:

„Я установлю въ каждомъ градѣ и веси, внутри страны и на морскомъ берегу,
„И въ поляхъ и лѣсахъ, и въ каждой извилинѣ, малой и большой, что врѣзается въ воду,
„Установлю безъ сооруженій и уставовъ, безъ опекуновъ и приведенія доводовъ,
„Великій орденъ безцѣнной товарищеской любви".

Дана.

Еванг. отъ Іоанна II гл., 25. Іисусъ сказалъ ей: Я есмь воскресеніе и жизнь, вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ;

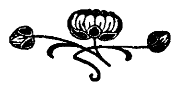
26. И всякій живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ.

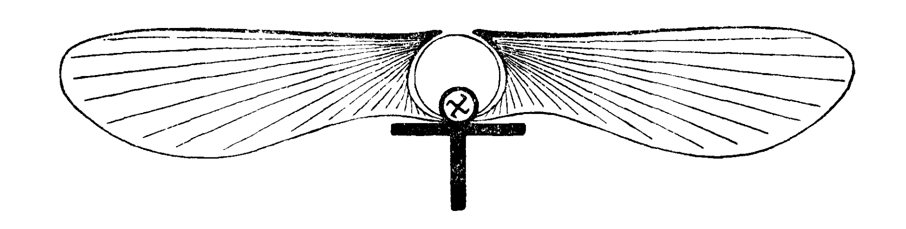
Іоанна 2 гл., 19. Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: разрушьте храмъ сей, и я въ три дня воздвигну его.

20. На это сказали ему Іудеи: сей храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ, и Ты въ три дня воздвигнешь его?

21. А Онъ говорилъ о храмѣ Тѣла Своего.

22 Когда же воскресъ Онъ изъ мертвыхъ, то ученики Его вспомнили, что Онъ говорилъ это, и повѣрили писанію и слову, которое сказалъ Іисусъ.

Отрывки изъ дневника Генриха Фридриха Аміель.

1 октября 1849.

Вчера,—воскресенье,—читалъ и дѣлалъ выписки изъ всего евангелія отъ Іоанна. Оно подтверждаетъ мою мысль, что, относительно Іисуса Христа, нужно вѣрить ему одному и стараться найти Его настоящій образъ за всѣми призматическими преломленіями, сквозь которыя мы Его видимъ и которыя искажаютъ этотъ образъ болѣе или менѣе. Какъ сіяющій небесный лучъ, озарившій человѣчество, слово Христово преломилось во всѣ цвѣта радуги и разлетѣлось въ тысячи направленій. Историческая задача христіанства облекаетъ его изъ вѣка въ вѣка въ новыя превращенія, чтобы наконецъ одухотворить наше понятіе о Христѣ и о спасеніи.

Я пораженъ невѣроятной стѣной формализма и іудаизма, уцѣлѣвшей въ теченіе 19 столѣтій послѣ того, какъ Искупитель провозгласилъ, что буква убиваетъ и что символизмъ пересталъ существовать. Новая религія столь глубока, что ее сейчасъ никто не понимаетъ, и что большинство христіанъ сочли бы ее богохульственной. Образъ Спасителя—весь центръ этого откровенія: откровеніе, искупленіе, жизнь вѣчная, божество, человѣчество, умилостивленіе, воплощеніе, діаволъ, рай, адъ—все это матеріализировалось, облеклось въ грубую форму; по странной ироніи, глубокій внутренній смыслъ всего этого толкуется матеріально. Смѣлость и свобода храстіанская должны вновь вступить въ свои права: Церковь впала въ ересь; Церковь устрашилась сердцемъ, затемнилась очами. Приходится признать существованіе эзотерическаго ученія. Вѣдь откровеніе—понятіе относительное: каждый изъ насъ постигаетъ Бога, поскольку способенъ воспринимать Бога. Какъ говоритъ Силезіусъ: „я вижу Бога тѣмъ же окомъ, черезъ которое Онъ меня видитъ“.

Если христіанство хочетъ восторжествовать надъ пантеизмомъ, оно должно его поглотить; малодушный современный чело-

вѣкъ, пожалуй, и Іисуса Христа упрекнетъ въ пантеизмѣ, ибо Онъ подтвердилъ библейское слово: *„вы боги“*, а св. Павелъ сказалъ: „мы изъ племени Божьяго“.

Намъ нужна новая догматика, т. е. болѣе глубокое объясненіе природы Христа и того лучезарнаго сіянія, которое исходитъ отъ Него и обнимаетъ и небеса, и человѣчество.

* * *

Героизмъ есть побѣдоносное торжество духа надъ плотью, то-есть надъ страхомъ: страхомъ бѣдности, страданія, клеветы, одиночества и смерти. Безъ героизма не можетъ быть серьезной богопреданности. Героизмъ есть сіяющее и побѣдоносное сосредоточеніе смѣлости.

* * *

Чувство долга даетъ намъ сознаніе реальности позитивнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ насъ отъ него удаляетъ.

* * *

Отвергнуть свой крестъ, значитъ увеличить его тяжесть.

30 сентября 1850.

Взаимоотношеніе между мыслью и дѣйствіемъ очень меня занимало сегодня при пробужденіи, и мнѣ, полусонному, улыбнулась слѣдующая, нѣсколько странная формула. Дѣйствіе есть какъ бы сгущенная мысль, мысль, сдѣлавшаяся конкретной, неясной, безсознательной... Насъ окружаетъ тайна, и наибольшая тайна—въ нашихъ поступкахъ. Дѣйствуя самопроизвольно, мы по аналогіи воспроизводимъ творческій процессъ; мысль несознательная ведетъ просто къ дѣйствію; мысль сознательная—къ дѣйствію сознательному, моральному.

Это сводится въ сущности къ изреченію Гегеля: „Все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно“, которое еще никогда не казалось мнѣ столь несомнѣннымъ и столь осязаемымъ. Все, что есть, есть мысль—мысль безсознательная и не индивидуальная. Человѣческій разумъ есть лишь сознаніе бытія. Когда-то я формулировалъ ту же мысль иначе: все служитъ символомъ символа, символомъ чего?—мысли.

* * *

Бутонъ расцвѣтаетъ одинъ лишь разъ, и у цвѣтка бываетъ лишь одно мгновенье полной красоты; въ цвѣтникѣ души каждое чувство точно также имѣетъ свою минуту цвѣтенія, единствен-

ное мгновенье сіянія красоты и царственнаго могущества. Всякое свѣтило только разъ въ ночь проходитъ черезъ меридіанъ надъ нами и свѣтитъ одно мгновенье; также и въ мірѣ нашей мысли, каждая изъ нихъ имѣетъ лишь одинъ кульминаціонный пунктъ, когда, достигнувъ зенита, она сіяетъ во всемъ блескѣ и величіи. Художникъ, поэтъ, мыслитель, старайся уловить и увѣковѣчить достигшія этой мимолетной точки мысли или чувства: это ихъ наивысшая точка. До нея ты имѣешь лишь неясное очертаніе или смутное предчувствіе; послѣ нея—у тебя останутся поблекшія воспоминанія или безпомощное сожалѣніе: это мгновенье было достиженіемъ идеала...

* * *

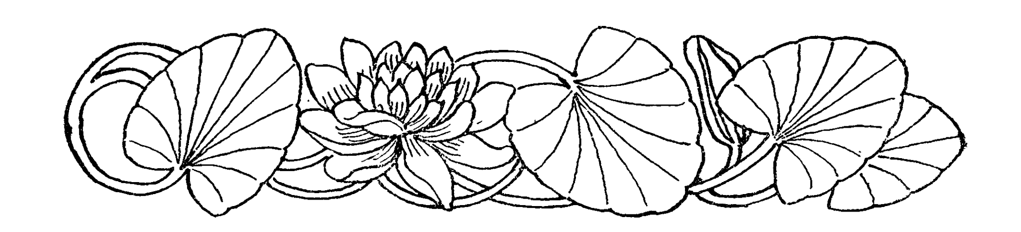
Для осуществленія жизненнаго идеала привычки важнѣе правилъ, ибо привычка есть живое правило, перешедшее въ инстинктъ и облекшееся плотью. Измѣнить правила, значитъ только измѣнить заглавіе книги. Принять новыя привычки — вотъ что важно, ибо это значитъ дойти до сущности жизни. Жизнь ничто иное, какъ переплетенье привычекъ.

15 августа 1851.

Умѣть быть готовымъ,—великая задача! Драгоцѣнное свойство, требующее расчета, глазомѣра и рѣшимости. Нужно умѣть разрѣзать узлы, когда нельзя ихъ развязать; умѣть отдѣлять существенное отъ мелочей, его окружающихъ, ибо нельзя всего соединять; однимъ словомъ, надо умѣть упростить свои обязанности, свои дѣла, свою жизнь. Умѣть быть готовымъ, это значитъ умѣть отойти.

Поразительно, какое огромное количество въ сущности несуществующихъ обязанностей и помѣхъ окутываютъ насъ какъ паутина и не даютъ нашимъ крыльямъ расправиться. Безпорядокъ дѣлаетъ насъ невольниками. Безпорядокъ сегодня лишаетъ насъ свободы на завтра. Мы завалены дѣломъ, потому ничѣмъ не можемъ пользоваться; мы завалены потому, что всегда все откладываемъ. Умѣть быть готовымъ, значитъ умѣть кончить. Сдѣлано лишь то, что закончено. Недоведенныя до конца дѣла всѣ становятся на нашемъ пути рано или поздно и загромождаютъ его. Пусть каждый нашъ день расплачивается за себя и не разсчитываетъ на слѣдующій день—тогда мы будемъ всегда готовы. Умѣть быть готовымъ, значитъ умѣть умереть.

Обозрѣніе теософической литературы.

Вновь народившаяся германская секція Теософическаго О-ва имѣетъ уже и свой органъ, „Theosophisches Streben"—„Теософическія стремленія", обслуживающій и молодую австрійскую секцію. Онъ носитъ пока скорѣй информаціонный характеръ и прекрасно издается. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ новаго товарища въ нашей средѣ и желаемъ ему долгой и доброй жизни.

Другой нѣмецкій теософическій журналъ: „Theosophie" содержитъ, между прочимъ, интересное сопоставленіе между Рихардомъ Вагнеромъ и Е. П. Блаватской.

„Въ XIX столѣтіи, говоритъ авторъ статьи: „Рихардъ Вагнеръ какъ мистикъ", жили два человѣка, которые оставили глубокіе слѣды въ исторіи человѣчества, но лично другъ друга не знали. Намъ неизвѣстно, въ силу какихъ кармическихъ причинъ Вагнеръ и Е. П. Блаватская не встрѣтились, но мы можемъ зато разсмотрѣть, какія внутреннія точки соприкосновенія содержитъ въ себѣ творчество этихъ двухъ лицъ.

Изучая этотъ вопросъ, мы усматриваемъ, что они были родственными душами и содѣйствовали другъ другу въ работѣ. Такъ, несомнѣнно вліянію Вагнера можно приписать то обстоятельство, что ученія Е. Блаватской воспринимаются въ художественныхъ кругахъ какъ давно жданное и предчувствуемое откровеніе; съ другой стороны, провозглашенныя Е. Блаватской теософическія идеи подготовляютъ путь къ идеальному пониманію искусства, къ чему такъ стремился Вагнеръ.

Можно разсматривать творчество Р. Вагнера и Е. Блаватской какъ два концентрическихъ круга, изъ которыхъ одинъ довольствуется областью искусства, другой же—большій—охватываетъ науку, философію и религію.

Общимъ центромъ этихъ круговъ является истина. Истина была идеаломъ Е. Блаватской и этотъ идеалъ она отыскивала въ догмахъ всѣхъ религіозныхъ системъ, въ положеніяхъ философіи и науки. Идеаломъ Вагнера была также истина и истины требовалъ онъ для своего искусства, когда онъ въ тяжелой борьбѣ силился выяснить разницу между искусствомъ и искусственностью и водворить гармонію между сутью и формой въ произведеніяхъ искусства".

Во времена Вагнера искусство упало до уровня пустой формы и композиторы писали для пѣвцовъ и виртуозовъ.

Вагнеръ устранилъ это заблужденіе и указалъ на то, что „эгоистическія стремленія единичныхъ искусствъ никогда не создадутъ истиннаго, совершеннаго искусства. Поэтому онъ соединилъ въ нерасторжимое цѣлое поэзію, музыку и сценическое искусство. И подобно тому, какъ Е. Блаватская разъяснила намъ, что такое истинная религія, тѣмъ, что привела насъ къ первичному источнику всѣхъ религій, такъ и Вагнеръ зажегъ свѣточъ своего идеала искусства въ первичной области его,—въ области сказаній и миѳовъ.

И здѣсь мы видимъ общій фокусъ дѣятельности Р. Вагнера и Е. Блаватской, такъ какъ сказанія и миѳы всѣхъ народовъ являются лишь символами древнихъ истинъ, которыя вновь были раскрыты Е. Блаватской, и которыя и Вагнеръ воспринялъ и изобразилъ въ своихъ твореніяхъ.

Теософическія понятія не только изрѣдка мелькаютъ въ произведеніяхъ Вагнера; они лежатъ въ основѣ его творчества, проникаютъ всѣ его оперы—отъ „Летучаго Голландца" до „Парсифаля",—построенныя на одной главной идеѣ, все яснѣе выявляющейся съ каждымъ новымъ произведеніемъ—на идеѣ „искупленія черезъ безкорыстную любовь".

Обращаясь отъ нѣмецкой литературы къ англійской, остановимся на новой газетѣ, издаваемой Президентомъ Международнаго Теософическаго Общества, А. Безантъ: *The Commonweal*— *„Общее благо"*.

Какъ указываетъ ея заглавіе, она преслѣдуетъ объединяющую цѣль, имѣя ввиду сближеніе Англіи съ Индіей въ частности и Запада съ Востокомъ, если понимать ея задачу болѣе широко.

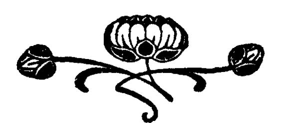
Въ ней трактуются вопросы мѣстнаго характера и ставятся на обсужденіе проблемы общегосударственнаго значенія. Когда читаешь эту газету въ ряду другихъ европейскихъ газетъ, съ непривычки диву даешься: никто никого не бранитъ, никто никого не высмѣиваетъ, никто ни на кого не клевещетъ. Когда-то повседневная пресса послѣдуетъ этому примѣру?

Мы нашли интересную замѣтку въ одномъ изъ номеровъ „Commonweal“.

Въ Лондонѣ только что основана сэромъ Максомъ Вехтеромъ „Лига Европейскаго Единенія“, имѣющая цѣлью осуществленіе федераціи европейскихъ народовъ. Первымъ шагомъ къ ней можетъ быть превращеніе тройственнаго союза въ шестеричный союзъ. Основатель Лиги тщательно изучилъ политическія проблемы, раздѣляющія теперь націи. Онъ обсуждалъ ихъ съ выдающимися государственными дѣятелями во многихъ странахъ и пришелъ къ тому заключенію, что непримиримые на первый взглядъ интересы могутъ быть согласованы путемъ дружественныхъ переговоровъ, при условіи уступчивости и доброй воли обѣихъ сторонъ.

Параллельно съ этимъ на страницахъ австралійскаго теософическаго органа: „Theosophy in Australasia“ мы отмѣчаемъ слѣдующія знаменательныя строки: „американскія каблограммы сообщаютъ объ основаніи въ Нью-Іоркѣ церкви, въ которой послѣдователи всѣхъ религій могутъ свободно и равноправно покланяться Богу. Въ церемоніи открытія ея принимали участіе индусъ, китаецъ, турокъ и два христіанина. „Вотъ она—настоящая каѳолическая церковь! Повидимому начинаетъ осуществляться ежедневная молитва православной церкви „о соединеніи всѣхъ церквей“.

В. Пушкина.

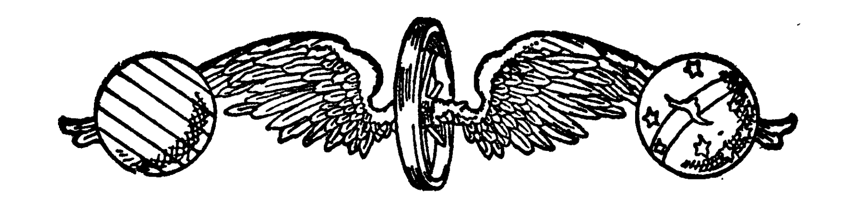
Еванг. отъ Іоанна 6 гл., ст. 37. Все, что даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ придетъ, и приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ;

38. Ибо Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшаго Меня Отца.

39. Воля же Пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить, но все то воскресить въ послѣдній день;

40. Воля Пославшаго Меня есть та, чтобы всякій, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную; и Я воскрешу его въ послѣдній день.

Хроника теософическаго движенія.

═ Германское Теософическое Общество приступило къ изданію своего собственнаго органа, который будетъ называться „Теософическое стремленіе“ („Das Theosophische Streben“). Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно и держать читателя въ курсѣ международнаго движенія.

═ Лѣтніе Теософическіе курсы около Дрездена въ Вейсерхиршъ (Weisser Hirsch) выпустили программу предполагаемыхъ лекцій и бесѣдъ. Курсы откроются въ половинѣ іюня и продлятся шесть недѣль. Четыре раза въ недѣлю, по вечерамъ, будутъ читаться лекціи. Одинъ разъ въ недѣлю будетъ читаться теософическій докладъ въ Дрезденѣ, при отдѣлѣ Теософическаго Общества. По воскресеньямъ лекцій не будетъ, но вечеръ будетъ посвященъ свободной бесѣдѣ, вопросамъ и отвѣтамъ. Кромѣ того, ежедневно отъ четырехъ до шести, кромѣ воскресенья, будутъ читаться небольшія сообщенія, которыя составятъ стройный курсъ Теософіи. Выдающееся мѣсто на лѣтнихъ курсахъ будетъ занимать музыка и вообще искусство. Первая недѣля будетъ посвящена религіи, миѳологіи и исторіи теософическаго движенія, вторая недѣля—воспитанію и самовоспитанію; третья недѣля—теоретической и практической Теософіи; четвертая недѣля—наукамъ и искусству въ связи съ Теософіей. Подробныя свѣдѣнія еще не могутъ быть даны, но обѣщали свое сотрудничество уже слѣдующія лица:

1. Г. Анеръ (Дрезденъ).
2. Г. д-ръ Гюбе-Шлейденъ (Гейдельбергъ).
3. Г-жа И. В. Манціарли (Парижъ).
4. Г-нъ Джинараджадаза (Индія).
5. Г-жа А. А. Каменская (С.-Петербургъ).
6. Г-жа А. В. Унковская (С.-Петербургъ).
7. Г-нъ Веджвудъ (Лондонъ).

8. Гжа Руссакъ (Америка).
9. Г-жа Перкъ-Іостенъ (Голландія).
10. Проф. Пенцигъ (Генуя).
11. Г-жа С. В. Герье (Москва).
12. Г-нъ Кордесъ (Вѣна).
13. Г-нъ Лаувериксъ (Лейпцигъ).
14. Г-нъ Андерсъ (Берлинъ).
15. Г-нъ Пиперъ (Мюнхенъ).
16. Г-нъ Цильманъ (Берлинъ).
17. Г-нъ Кроянкеръ (Норвегія).
18. Г-нъ Фидусъ (Германія).

Кромѣ того, обѣщали свое содѣйствіе нѣсколько художниковъ и музыкантовъ. Изъ лекторовъ г-жа И. В. Манціарли дала слѣдующія темы: 1) „Мысли о воспитаніи въ связи съ работой „Золотой цѣпи“ и „Круглаго стола“; 2) „О самовоспитаніи“; 3) „О человѣкѣ вообще“; 4) „Орфей, Пиѳагоръ и музыка“.

Позже будутъ разосланы подробныя программы. Полный курсъ лекцій будетъ стоить 12 марокъ. За справками и съ записью можно обращаться къ г-ну Анеру- Ahner. Hermanstr. 1 Weisser Hirsch bei Dresden, или къ секретарю J. L. Guttmann, Göttingen, Planckstr., 1.

═ Скончался во Франціи ветеранъ-теософъ, Комендантъ Курмъ, редакторъ Теософическаго Обозрѣнія (Lotus bleu).

═ Сейчасъ еще пришло извѣстіе изъ Венгріи о кончинѣ извѣстнаго работника на нивѣ Теософіи г-жи Изабеллы Куперъ-Оклей, работавшей многіе годы какъ піонеръ въ Италіи и Венгріи. Г-жа Куперъ-Оклей оставила также нѣсколько интересныхъ работъ теософическихъ, между прочимъ, книгу, посвященную графу Сенъ-Жерменъ, а также книгу о трубадурахъ и эзотерической традиціи въ средніе вѣка. Въ г-жѣ И. Куперъ-Оклей Теософическое Общество теряетъ талантливаго работника и преданнаго піонера.

═ Такъ какъ заканчивается семилѣтіе президентства А. Безантъ, то интересно подвести итоги дѣятельности Общества за это время. Семь лѣтъ тому назадъ Общество имѣло 11 національныхъ обществъ, 567 центровъ и 14.863 члена. Въ настоящее время у насъ 23 національныхъ общества, 952 центра и 22.744 члена. Въ 1907 году поступило денежныхъ взносовъ на 18.715 рупи, въ настоящемъ году на 68.331 рупи. Въ Адіарѣ насчитывалось въ 1907 году 27 десятинъ земли, въ 1913 г.—273 десятины. За это время, въ Адіарѣ устроено нѣсколько плантацій, электрическое освѣщеніе,

паровая прачечная, булочная, ферма и типографія. Сильно также разрослись сады при главной квартирѣ. Во всѣхъ странахъ Теософія распространяется и движеніе сильно растетъ и углубляется. Это особенно замѣтно по огромному усиленію литературной дѣятельности Теософическаго Общества. Въ настоящее время имѣется уже около 30 періодическихъ теософическихъ изданій на разныхъ языкахъ и огромный каталогъ книгъ по сравнительному изученію религій, философіи и народовѣдѣнію. Среди нихъ много цѣнныхъ переводовъ съ санскритскаго языка.

═ Изъ Лондона пришло извѣстіе, что Президентъ Международнаго Теософическаго Общества А. Безантъ прочитаетъ въ теченіе мая—іюня рядъ публичныхъ лекцій по вопросамъ Теософіи. Пріѣздъ ея ожидается въ Европѣ въ первой половинѣ мая новаго стиля.

═ 5 февраля предсѣдательница Русскаго Теософическаго Общества А. А. Каменская уѣхала въ Ялту, гдѣ образовался теософическій кружокъ. Въ теченіе первой недѣли февраля Е. В. Родзевичъ прочитала три публичныя лекціи по вопросамъ Теософіи.

═ 14-го февраля А. А. Каменская читала проѣздомъ въ Московскомъ отдѣлѣ, въ связи со своей поѣздкой на югъ, сообщеніе на тему: „Условія оккультной работы".

═ 18-го февраля въ залѣ Женскаго В.-Благотв. общества А. А. Каменская прочитала лекцію на тему: „Путь".

═ 22-го февраля докладомъ А. А. Каменской закончился циклъ трехъ лекцій, устроенныхъ Совѣтомъ Русскаго Теософическаго Общества въ залѣ Тенишевскаго училища (1. Развитіе психическихъ силъ человѣка. 2. Іога. 3. Путь ученичества). Каждый докладъ сопровождался дополнительными рефератами двухъ ко-референтовъ.

═ 25 февраля состоялось закрытое собраніе Русскаго Теософическаго Общества въ Петербургѣ. Е. В. Тимофеевская прочитала докладъ: „О служеніи на основаніи евангелія".

═ 27 февраля, вечеромъ, А. А. Каменская выѣхала въ Ригу вмѣстѣ съ А. В. Унковской и Ю. Ф. Львовой. 28 февраля, вечеромъ, А. А. Каменской была прочитана лекція: „О красотѣ". Вторая часть лекціи сопровождалась свѣтовыми и музыкальными иллюстраціями. Музыкальная часть была организована превосходно М. Б. Тойманъ. Лекція имѣла большой успѣхъ и вызвала одобрительные отзывы въ прессѣ. 2-го марта была прочитана А. В. Унковской и А. А. Каменской лекція на тему: „Гармоническое развитіе ребенка и метода цвѣтъ - звукъ - число". Эта лекція закончилась прелестными музыкальными иллюстраціями А. В. Унковской

═ Въ Кіевѣ за послѣдніе два мѣсяца было три закрытыхъ и пять открытыхъ собраній. Е. Ф. Писарева прочитала свой докладъ: „О духовномъ развитіи человѣка", и А. Бердяева посвятила нѣсколько собраній комментаріямъ къ „Свѣту на Пути". Въ концѣ февраля М. А. Каменская прочитала публичную лекцію объ Индіи. Лекція сопровождалась свѣтовыми иллюстраціями.

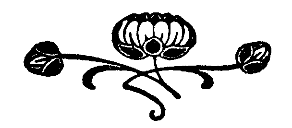
═ Въ Калугѣ на открытомъ собраніи отдѣла А. Г. Молокинъ прочиталъ докладъ на тему: „Взаимоотношеніе Теософіи, Религіи и Науки". Въ Калугѣ за послѣднее время появилось нѣсколько статей, посвященныхъ Теософіи. Въ особенности интересъ былъ вызванъ выступленіемъ П. И. Тимофеевскаго, читавшаго въ январѣ лекцію: „Отъ смерти къ безсмертію".

═ 14-го марта въ Петербургѣ состоялось послѣднее публичное собраніе Русскаго Теософическаго Общества въ залѣ Тенишевскаго училища. Послѣ доклада П. И. Тимофеевскаго: „Теософія и Теософическое Общество" ко-референтами выступили: В. Г. Розенталь (Творчество Е. П. Блаватской), Ц. Л. Гельмбольдтъ (Личность и работа Г. Олькотта) и А. А. Каменская (Творчество А. Безантъ).

═ 17 марта въ Женскомъ В. Бл. обществѣ состоялся вечеръ, посвященный памяти А. П. Философовой. Совѣтомъ Женскаго В. Бл. общества была приглашена участвовать въ чествованіи А. А. Каменская. Кромѣ нея выступали: А. Тыркова, А. Милюкова, А. Шабанова, А. Кони и др.

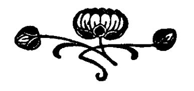
═ Въ теченіе февраля и марта М. А. Каменская читала объ Индіи, послѣ Ростова, въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Житомирѣ, Ригѣ и Юрьевѣ.

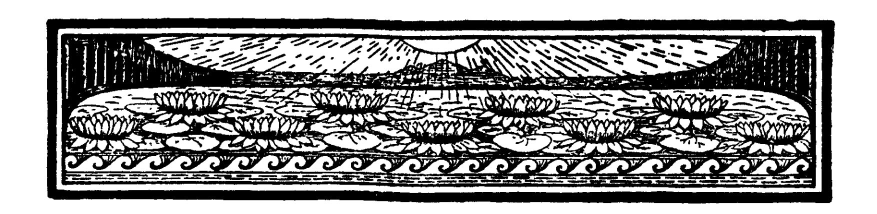
Alba.

Еванг. отъ Іоанна, глава 20, 1. Въ первый же день недѣли Марія Магдалина приходитъ ко гробу рано, когда было еще темно, и видитъ, что камень отваленъ отъ гроба.

11. А Маріи стояла у гроба и плакала; и когда плакала, наклонилась во гробъ.

Побѣда истины приходитъ незамѣтно.

Приписать ли это временному увлеченію, работѣ—или дѣйствительно общество стало чувствительнѣе къ той нѣжной волнѣ, льющейся сверху, волнѣ свѣтлой любви и состраданья? Но всякій наблюдатель согласится, что легче жить сейчасъ духовно, легче дышать и думать, писать и говорить о вѣчныхъ, такъ недавно гонимыхъ и заслоняемыхъ вопросахъ.

Лекціи, книги, стихи, разговоры въ семьѣ и на собраніяхъ, духъ Индіи, вѣющій надъ наукой, начало пониманія магіи жизни—все создаетъ какой-то новый и желанный обликъ.

Съ любовью слѣдитъ мысль за увлекательной поэмой—эволюціи нашей юной жизни, за ея медленнымъ расцвѣтомъ подъ горячими лучами съ Востока. Важны какъ сильныя, такъ и слабыя проявленія свѣта. Въ нихъ отражаются мимолетныя тѣни жизни. Темныя ли онѣ сейчасъ, какъ во время торжествующаго позитивизма—или въ нихъ есть золотистый, сиреневый оттѣнокъ вдумчиваго идеализма и мистицизма?

Радикальная газета говоритъ о радостномъ и волнующемъ фактѣ. Въ „Рѣчи“ 20 января пишутъ:

„Вызванный въ русскомъ обществѣ отчасти *ростомъ мистицизма*, отчасти завываніями реакціонеровъ о „масонскихъ интригахъ“ *интересъ къ тайнымъ мистическимъ обществамъ прошлаго* объясняетъ появленіе такихъ книгъ, какъ работа Е. Сидоренко (Итальянскіе угольщики начала XIX в.). Авторъ доказываетъ, что... Масоны—аристократы духа, цѣли ихъ носятъ не временный, политическій характеръ... а имѣютъ въ виду—вѣковой соціальный процессъ самоусовершенствованія“...

Въ томъ же номерѣ—рецензія на книгу свящ. П. Флоренскаго: „Столпъ и утвержденіе истины“:

„Всякій, кого интересуетъ философія *религіознаго опыта* и *мистической морали*—прочтетъ съ подлиннымъ наслажденіемъ многія главы (Грѣхъ, Геенна, Тварь, Дружба). Нѣкоторыя страницы—это религіозныя поэмы *великой искренности* и подъема“.

Что это? Гдѣ читаемъ мы эти благосклонныя строки? Не указываетъ ли это на спросъ читателей именно на подобныя настроенія и темы? И тутъ же рядомъ—восторженный отзывъ о новой оперѣ-балетѣ „Орфей“ Роже-Дюкаса.

Какія все родныя для насъ темы и названія...

Въ „Новомъ Времени“ 12 и 19 января—два гигантскихъ фельетона Меньшикова о „Воскресшей Атлантидѣ“. Ироническій тонъ и сказочность сообщаемыхъ фактовъ не скрываютъ нѣкоторыхъ знаній автора въ этой области. Въ „Рѣчи“ 28 января замѣтка:

„Въ Москвѣ состоялось собраніе общества по изученію научно-философскихъ вопросовъ. Предсѣдателемъ избранъ проф. Н. Н. Алексѣевъ, который и произнесъ рѣчь. Задачу общества онъ видитъ въ единеніи науки и философіи, *въ примиреніи крайностей позитивизма и мистики*“.

Въ „Русской Мысли“ статья Николая Бердяева „Стилизованное православіе (По поводу книги Флоренскаго „Столпъ и утвержденіе Истины“).

„Все кажется, что свящ. П. Флоренскій... полонъ грѣховныхъ склонностей къ гностицизму и оккультизму, и потому такъ непримиримо истребляетъ всякій гностицизмъ и оккультизмъ... Но какъ не стилизуетъ себя свящ. Флоренскій въ типъ ортодоксальнаго праваго православнаго, ему не миновать обвиненій въ ересяхъ, въ вольномысліи, въ новшествахъ. Старая, внѣшняя, матеріалистическая церковность не приметъ ученія Флоренскаго о гееннѣ, о Софіи и многихъ другихъ... Ученіе его о гееннѣ положительно оригинально, интересно и вѣроятно не ортодоксально, въ немъ все-таки найдутъ элементъ *ненавистнаго оригенизма* [1]), своеобразнаго гностицизма, отрицаніе ортодоксальныхъ адскихъ мукъ... Вопросъ о гееннѣ—вопросъ *странствія души*. Ортодоксально-церковнаго рѣшенія вопроса объ истокахъ души и *судьбахъ души*, о сопутствованіи души космическому процессу—просто не существуетъ, тутъ пустое мѣсто, зіяющая бездна въ началѣ и концѣ. Свящ. Флоренскій слишкомъ умный и тонкій человѣкъ, чтобы этого не чувствовать. И онъ робко и осторожно говоритъ о какомъ-то *предсуществованіи души*, хотя боится самаго слова „предсуществованіе“, какъ скомпрометированнаго Оригеномъ...

Нужно прямо сказать, что въ церковномъ сознаніи не рѣшенъ совсѣмъ вопросъ о *перевоплощеніи* и о связи души съ космическимъ развитіемъ. Ясно только, что для христіанскаго сознанія непріемлемо восточное *ученіе о кармѣ*, такъ какъ законъ кармы есть судьба неискупленной души, не получившей даровой благодати Христа-Искупителя. Но христіанская переработка ученія о *перевоплощеніи* есть задача христіанскаго гнозиса. Черезъ Христову благодать освобождается душа отъ закона кармы, и достиженія ея превышаютъ всякую естественную эволюцію“...

---

[1]) Курсивъ вездѣ мой. Таосъ.

Въ той же книжкѣ „Русской Мысли“ есть небольшая статья П. Губера по поводу книги Дюркгейма о первобытной религіи. (Les Formes élémentaires de la vie réligieuse). П. Губеръ пишетъ:

„Взглядъ на религіозныя представленія, какъ на заблужденіе разума, совращеннаго съ праваго пути обманчивостью чувствъ и безудержной мощью фантазіи, только теперь начинаетъ уступать мѣсто *болѣе объективнымъ* воззрѣніямъ... Вотъ что пишетъ Дюркгеймъ въ своей новой книгѣ: „Въ сущности—нѣтъ абсолютно ложныхъ религій... Никакое человѣческое учрежденіе не можетъ покоиться на заблужденіи и лжи; въ противномъ случаѣ оно должно было бы очень скоро погибнуть“.

Далѣе Дюркгеймъ говоритъ объ іерархіи религіозныхъ системъ и описываетъ низшую ихъ ступень—тотемизмъ.

„Слово *тотемъ* заимствовано изъ одного изъ сѣверо-американскихъ языковъ... Предметы, играющіе роль тотемовъ принадлежатъ къ царствамъ растительному и животному, но изрѣдка это и предметы неодушевленные, какъ напримѣръ: дождь, облака, громъ, огонь, *солнце*, *луна*, *звѣзды*. Тотемъ—это не только имя, это *эмблема*... Это не картина. но *символическій знакъ*.

Эти двѣ статьи въ „Русской Мысли“ характерны, какъ показатель все большаго приближенія вопросовъ философіи и науки къ давно поставленнымъ и разрѣшеннымъ Е. П. Блаватской въ ея сочиненіяхъ.

31 января въ Литературномъ Обществѣ въ Петербургѣ, Б. Г. Столпнеръ докладывалъ о *„Марксизмѣ и религіозной идеологіи“*. Въ отчетѣ объ этомъ собраніи „Рѣчь“ пишетъ 2 февраля:

По мнѣнію докладчика... послѣдовательный марксизмъ... не только не противорѣчитъ... религіи, но даже прямо предполагаетъ ее. Это надо понимать не въ томъ смыслѣ, какъ утверждаетъ А. Луначарскій, что соціализмъ есть религія, но—какъ утвержденіе всѣхъ трехъ элементовъ религіи: о Богѣ (интеллектъ); любви къ Богу (эмоція) и служенія Ему (воля). Изъ послѣдовательнаго марксизма вытекаетъ существованіе божественнаго начала—символическаго, безличнаго и непостижимаго... Признакъ всякой религіи есть вѣра въ то. что въ мірѣ господствуетъ не только причинная, но и цѣлевая, телеологическая связь событій, что процессъ жизни есть осуществленіе нѣкоего идеала... Человѣкъ нуждается въ религіи, и эта потребность исчезнетъ лишь тогда, когда онъ самъ станетъ божествомъ... Нерелигіозность марксизма есть только наслѣдіе радикальной буржуазіи въ ея борьбѣ съ оффиціальной церковью.—*Настала пора марксизму отказаться отъ презрѣнія къ религіи*!—закончилъ докладчикъ свою двухчасовую бесѣду.

За позднимъ временемъ, пренія по этому докладу были отложены на слѣдующую пятницу—7-ое февраля. Среди оппонентовъ особенно былъ интересенъ Мережковскій. „Рѣчь“ такъ передаетъ его слова 8-го февраля:

„Идеологія атеизма — есть наслѣдіе радикальной буржуазіи, и оттого она нереволюціонна. Богоискательство, проникающее докладъ Столпнера, не специфично для Россіи: *это волна всемірнаго движенія*. Въ видѣ иллюстраціи, ораторъ оста-

новился на католическомъ модернизмѣ и на философіи Бергсона, процитировавъ отрывокъ изъ только-что вышедшаго сборника „Le materialisme actuel“, издаваемаго группой „Foi et vie“ (Вѣра и жизнь)—подобіемъ нашихъ религіозно-философскихъ собраній.

Нынѣ - *атеизмъ уже немыслимъ*—можно лишь „вѣрить, что Бога нѣтъ“ какъ вѣритъ одинъ герой у Достоевскаго. Мѣсто атеизма занялъ антитеизмъ, или пламенное противобожіе,—и въ немъ паѳосъ марксизма... Вообще нельзя выводить религію изъ какой-либо идеологіи, ибо религія не можетъ быть ни производной величиной, ни средствомъ: она царственна и абсолютна. Въ глубинѣ же своей *религія—величайшая изъ свободъ.* Продолженіе преній отложено до слѣдующей пятницы“.

13 февраля въ Религіозно-философскомъ обществѣ былъ докладъ Туганъ-Барановскаго: „*Христіанство и индивидуализмъ*“. 16 февраля въ „Рѣчи“ по поводу этого доклада большая статья Д. Философова: „Незаконченный споръ“.

„Творческихъ споровъ происходитъ теперь много... Споръ этотъ жизненный и творческій, онъ не пройдетъ безслѣдно для идейной жизни русской интеллигенціи, это видно хотя бы по ширинѣ его „діапазона“. Въ него вовлеклись представители почти всѣхъ теченій интеллигентской мысли. Ортодоксъ Столпнеръ, Струвѐ, Туганъ-Барановскій, Родичевъ, Карташевъ, Чулковъ, Мережковскій... „Какія имена“!..

Въ очень краткомъ докладѣ, Туганъ-Барановскій разсматривалъ на чемъ покоится второй членъ, до сихъ поръ еще живой, тріады „свобода равенство и братство“. Соціализмъ... связанъ съ идеаломъ равенства, но *равенство*—понятіе ирраціональное, изъ опыта и разума не выводимое, и наука и логика эту идею оправдать не могутъ. А эстетика ее презираетъ... здѣсь Туганъ-Барановскій совсѣмъ съ другого конца подошелъ къ темѣ Столпнера... *Съ точки зрѣнія позитивизма равенство безсмысленно,* оно слишкомъ идетъ противъ „Дарвина“. Позитивный индивидуализмъ ведетъ къ признанію своего „я“—центромъ міра. Отъ него нѣтъ перехода къ общественности, Максъ Штирнеръ—логическій выводъ изъ позитивнаго индивидуализма. Это положеніе захватываетъ тему Мережковскаго, его борьбу съ Тютчевымъ и Сологубомъ... синтезъ равенства со свободой и даетъ *христіанство*... Струве возражалъ... Онъ разъединялъ христіанство и общественную жизнь.. Наука, общественность, исторія, съ одной стороны, а христіанство—съ другой... Толстой презиралъ науку и медицину именно какъ христіанинъ... Споръ, конечно, остался незаконченнымъ. Но несомнѣнно, что предстоитъ *дальнѣйшее* его развитіе и обостреніе.

Эти четыре собранія со спорами о религіи характерны для современнаго положенія. Они гармонируютъ съ тѣмъ, что печатается теперь въ газетахъ и журналахъ, начиная отъ аристократичныхъ вродѣ „Русской Мысли“, и кончая родикальными вродѣ „Дня“ и „Рѣчи“, и самыми народными, вродѣ „Жизни для всѣхъ“. Въ „Рѣчи“ 9 февраля—большой фельетонъ—„*Мысли Словацкаго*“ въ переводѣ Бальмонта. Приведу нѣсколько его афоризмовъ, чтобы показать, что нынѣ даетъ редакція „Рѣчи“ своей аудиторіи:

„Изъ словъ этихъ, что все черезъ духа и для духа сотворено,—а нечего не существуетъ для тѣлесной цѣли — выйдетъ будущій творческій Божій народъ—вождь народовъ и законодатель.

Мысль эта есть духъ—по ея слѣдствіямъ узнаете ее—кто приметъ духа будетъ расти, кто не приметъ, будетъ мельчать.

Не тяжесть грѣха, -а недостатокъ полетнаго пламени любви—удерживаетъ тебя на землѣ съ громадой тебѣ подобныхъ.

Черезъ чистоту добывается Божій огонь.

Я говорю тебѣ—вылечи въ горбатомъ горбатость духа,- ибо если только тѣло выпрямишь... духъ этотъ избавится отъ выпрямленныхъ костей, *и другой разъ уродится горбатымъ...*

Тотъ же самый духъ въ камнѣ, въ растеніи, въ звѣрѣ, въ человѣкѣ.

Преступники, черезъ смертную казнь *выгнанные за врата видимой жизни, возвращаются въ міръ* еще болѣе страшными преступниками.

Когда Дантъ увидѣлъ созвѣздіе Креста въ южномъ полушаріи, тогда еще не открытомъ, это было въ немъ *припоминаніе какой-то прежней жизни*".

Мы взяли лишь десятую часть „мыслей", но изъ нихъ ясно видно, что Словацкій былъ теософомъ.

Въ январской книжкѣ журнала „Жизнь для всѣхъ"—статья И. Книжника „*Современный прогрессъ религій*". Между прочимъ онъ говоритъ о буддизмѣ, который имѣетъ теперь 500 милліоновъ послѣдователей, о „теософахъ" съ Е. П. Блаватской во главѣ, сообщившихъ часть тайны іоговъ европейцамъ, и о Рамакришнѣ (1833—1886) и его ученикахъ, излагающихъ свое ученіе для Европы.

Въ результатѣ, буддизмъ нашелъ много послѣдователей въ Европѣ и Америкѣ. Въ 1907 г. въ Англіи основано для пропаганды буддизма „Общество", среди членовъ котораго много ученыхъ, профессоровъ и писателей; подобныя же „Общества" имѣются и въ Германіи, Венгріи и другихъ странахъ...

Дальше И. Книжникъ говоритъ о Іудаизмѣ, Магометанствѣ, Христіанствѣ и ихъ развитіи.

„Съ 1900 г. регулярно каждые 4 года собираются конгрессы *по исторіи религій*. На послѣднемъ конгрессѣ въ Лейденѣ 1912 г. было представлено 9 государствъ и до 50 университетовъ и ученыхъ обществъ. Отъ Россіи былъ представитель проф. Тураевъ. Съ того же 1900 г. состоялось уже шесть конгрессовъ *прогресса религій*. Послѣдній былъ въ іюлѣ 1913 г. въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ академика Эмиля Бутру".

Заканчивается статья интереснымъ разсмотрѣнiемъ мнѣнiй ученыхъ о религiи. Три книги даютъ понятiе объ отношенiи къ религiи современныхъ ученыхъ математиковъ и естествовѣдовъ:

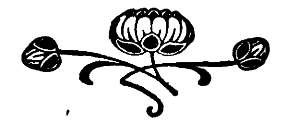
Книга *Деннерта* „Религiя естествоиспытателей", *Кнеллера* „Христiанство и представители новѣйшаго естествознанiя, и *Табрума* „Религiозныя вѣрованiя современныхъ ученыхъ" (1912. Рус. переводъ, 2-ое изданiе)...

Отвѣты ученыхъ сводятся къ тому, что „истинная наука и истинная религiя согласны другъ съ другомъ". Объясненiе этого положительнаго отношенiя ученыхъ къ религiи мы находимъ въ книгѣ *Эмиля Бутру*: „Наука и религiя въ современной философiи" (Петербургъ 1910 г.).

Мы не перечислили ни всѣхъ симптомовъ современнаго религiознаго движенiя въ массахъ, ни всѣхъ указанiй на важную роль религiи въ современной наукѣ и философiи, но и это даетъ основанiе сказать, что *интересъ къ религiи*, наблюдаемый въ наши дни, долженъ быть признанъ мiровымъ и всеобщимъ.

Нѣтъ возможности дать отчетъ обо всемъ, что печатается нынѣ въ Россiи по религiознымъ вопросамъ. Увлекательны эти частыя радостныя находки. И тихо улыбаешься спокойной, доброю улыбкой, всматриваешься въ новыя души, пришедшiя на сцену дѣйствiй, и шлешь имъ братское сочувствiе и пожеланiе все большихъ силъ въ борьбѣ съ матерiализмомъ.

Таосъ.

12. Еванг. отъ Iоанна, глава 20. И видитъ двухъ Ангеловъ въ бѣломъ одѣянiи сидящихъ, одного у главы и другого у ногъ, гдѣ лежало Тѣло Iисуса;

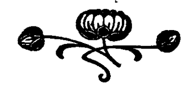
13. И они говорятъ ей: Жена! что ты плачешь? Говоритъ имъ: унесли Господа Моего и не знаю, гдѣ положили Его.

14. Сказавши сiе, обратилась назадъ и увидѣла Iисуса стоящаго; но не узнала, что это Iисусъ.

15. Iисусъ говоритъ ей: жена! что ты плачешъ? кого ищещь? Она, думая, что это садовникъ, говоритъ ему: господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ Ты положилъ Его, и я возьму Его.

16. Iисусъ говоритъ ей: Марiя! Она обратившись говоритъ Ему: вуни!—что значитъ „Учитель".

17. Iисусъ говоритъ ей: Не прикасайся ко Мнѣ, ибо Я еще не восшелъ къ Отцу Моему, а иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему.

Вопросъ: Какъ понимать Искупленіе?

Отвѣтъ: Въ свѣтѣ Теософіи Искупленіе не есть актъ возмездія за грѣхи человѣчества, причемъ виновное человѣчество замѣняется невиннымъ Агнцомъ Божіимъ, какъ это объясняетъ часто теологія. Искупленіе есть свободный актъ любви, когда Богочеловѣкъ, побѣдившій грѣхъ и страданіе, добровольно сливается съ грѣшнымъ и страдающимъ міромъ, беретъ *его* тяготу на себя, а *свою* чистоту и свой свѣтъ изливаетъ на міръ.

Такой актъ искупленія повторяется въ маломъ видѣ каждый разъ, когда праведный человѣкъ входитъ въ духовное соприкосновеніе съ грѣшными людьми; между ними происходитъ обмѣнъ: грѣхи людей, проходя черезъ сердце праведника, очищаются, а свѣтъ праведника, сообщаясь окружающимъ, поднимаетъ ихъ. Если это явленіе расширить въ обще-міровое и примѣнить его къ богочеловѣку и ко всѣму человѣчеству, мы получимъ истинный смыслъ искупленія грѣховъ жертвой любви.

Духовно-монистическое пониманіе міра. П. П. Николаевъ. Книгоизд. „Зеленая палочка". Москва. 1914 г. 114 стр., ц. 60 к.

Эта небольшая книга представляетъ изъ себя введеніе въ обширный многолѣтній трудъ П. П. Николаева: „Понятіе о Богѣ, какъ о Совершенной основѣ жизни". Самый же трудъ, еще только печатающійся, распадается на двѣ части. Первая часть посвящена критическому разсмотрѣнію главнѣйшихъ системъ матеріализма и дуализма и обоснованію духовно-монистическаго міровоззрѣнія. Богъ является для автора, какъ Совершенное Сознаніе, въ которое стремится реализоваться жизнь всѣхъ отдѣльныхъ и ограниченныхъ существъ. Препятствуетъ этому видимая матеріальность міра, разъединяющая жизнь существъ, иллюзорные образы, которые мы сами создаемъ, пока познавъ ихъ истинную цѣнность, не научимся отрѣшаться отъ нихъ. Центръ тяжести переносится иногда на работу нравственнаго совершенствованія и служеніе Богу и міру. „Хорошее братское соціальное устройство возможно лишь при твердой устойчивой внутренней работѣ, ограниченіи эгоизма и самосовершенствованіи каждаго отдѣльнаго человѣка".

Для выясненія духовно-монистическаго понятія жизни имѣются два пути. Для большинства—путь умственной работы, и только для немногихъ пророковъ, подвижниковъ и „такихъ великихъ избранниковъ Духа, какъ основатели великихъ религій, ихъ высшее, чисто духовное сознаніе проявляется настолько сильно, что иллюзорность сознаваемыхъ нами матеріальныхъ образовъ нашего тѣла, тѣлъ другихъ существъ и всей картины матеріальнаго міра, открывается имъ непосредственно, инстинктивно, съ совершенной несомнѣнностью".

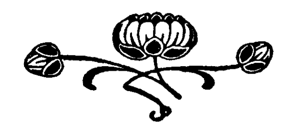
Вторая часть посвящена разбору великихъ религіозныхъ системъ востока: браманизму, буддизму, ученію Лао-Тзе, Конфуція, а также греческихъ философскихъ ученій о Логосѣ и, особенно, христіанству, въ которыхъ авторъ находитъ общее стремленіе къ духовно-монистическому пониманію міра. Отбрасывая въ религіяхъ миѳы, окружающіе

имена великихъ основателей религiй, обряды и догматы, авторъ указываетъ на единую общую имъ идею: единаго Совершеннаго Сознанiя— Бога.

По мiровоззрѣнiю авторъ всего ближе подходитъ къ Л. Н. Толстому, мысль котораго, высказанная имъ въ 80-хъ годахъ: „Нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ Бога, Совершеннаго Сознанiя, къ которому мы стремимся", заставила его, въ свое время, начать усиленно думать надъ вопросами духовно-монистическаго обоснованiя жизни.

Книга эта цѣнна для тѣхъ, кто ищетъ пути къ Богу философскимъ углубленiемъ въ законы мiрозданiя. Написана она серьезно, спокойно и продуманно. Видна большая работа цѣлой жизни, а не мимоидущаго настроенiя. Съ точки зрѣнiя Теософiи путь къ Богу идетъ не только черезъ интеллектуальную работу, это одинъ изъ путей, равноцѣнный каждому изъ остальныхъ и наиболѣе дорогой только опредѣленному индивидуальному складу души.

М. Г.

Еванг. отъ Матѳея 14 гл., 1. Въ то время Иродъ четыревластникъ услышалъ молву объ Iисусѣ.

2. И сказалъ служащимъ при немъ: это Iоаннъ Креститель; онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и потому чудеса дѣлаются имъ.

Гл. 16, ст. 15. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня?

16. Симонъ же Петръ отвѣчая сказалъ: Ты Христостъ—Сынъ Бога живаго.

Еванг. отъ Марка гл. 8, 29. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Петръ сказалъ Ему въ отвѣтъ: Ты—Христосъ.

30. И запретилъ имъ, чтобы никому не говорили о Немъ.

31. И началъ учить ихъ, что Сыну Человѣческому много должно пострадать, быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть.

Гл. 9. 9. Когда же сходили они съ горы, Онъ не велѣлъ никому разсказывать о томъ, что видѣли, доколѣ Сынъ Человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ.

10. И они удержали это слово, спрашивая другъ друга, что значитъ воскреснуть изъ мертвыхъ.

31. Ибо училъ своихъ учениковъ и говорилъ имъ, что Сынъ Человѣческій преданъ будетъ въ руки человѣческія и убьютъ Его, и по убіеніи въ третій день воскреснетъ.

32. Но они не разумѣли сихъ словъ, а спросить Его боялись.

Гл. 10. 33. Вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ.

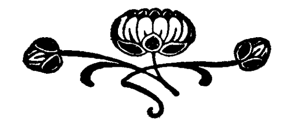
34. И поругаются надъ Нимъ и будутъ бить Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его, и въ третій день воскреснетъ.

Еванг. отъ Луки. 18, гл. 31. Отозвавъ же двѣнадцать учениковъ Своихъ сказалъ имъ: вотъ, мы восходимъ въ Іерусалимъ, и совершится все написанное черезъ пророковъ о Сынѣ Человѣческомъ.

32. Ибо предадутъ Его язычникамъ и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его и оплюютъ Его.

33. И будутъ бить и убьютъ Его: и въ третій день воскреснетъ.

34. Но они ничего изъ этого не поняли; слова сіи были для нихъ сокровенны, и они не разумѣли сказаннаго.

Издательница А. А. Каменская. Редакторъ Ц. Л. Гельмбольдтъ.

Порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ читать книги по Теософіи:

Кратній очеркъ Теософіи. *Ледбитера.*

Что такое Теософія? *Каменской.*

№ 1. Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ. *Е. П.*

№ 3. Перевоплощеніе. *Е. П.*

№ 2. Законъ причинъ и послѣдствій. *(Карма). Е. П.*

№ 4. Сила мысли и мысле-образы. *Е. П.*

№ 5. Законы высшей жизни. *А. Безантъ.*

Цѣль и путь. *Кузьмина.*

Задачи Теософіи. *Alba.*

У ногъ Учителя. *Кришнамурти.*

Невидимые помощники. *Ледбитера.*

Въ преддверіи храма. *А. Безантъ.*

Братство религій. *А. Безантъ.*

Великіе посвященные. *Эд. Шюре.*

Четвертое измѣреніе. *П. Успенскаго.*

Свѣтъ на пути. *М. Колинзъ.*

Мистеріи древности и Христіанство. Д-ра *Штейнера.*

Забытая сторона христіанства, *Д. Страндена.*

Tertium organum. *П. Успенскаго.*

Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ. *Паскаля.*

Сокровенная философія Индіи. *Брамана Чаттерджи.*

Теософія и новая психологія. *А. Безантъ.*

Путь къ посвященію. Д-ра *Штейнера.*

Древняя мудрость. *А. Безантъ.*

Путь ученичества. *А. Безантъ.*

Голосъ Безмолвія. *Е. П. Блаватской.*

Бхагавадъ Гита.

Біографія Е. П. Блаватской, *Вопросы Теософіи сб. II.*

Спб. Городская Типографія, Садовая 55, уг. Вознесенскаго.